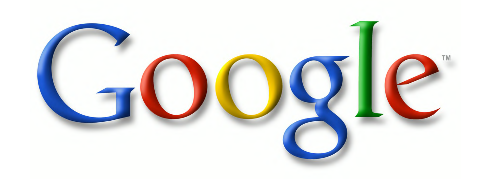
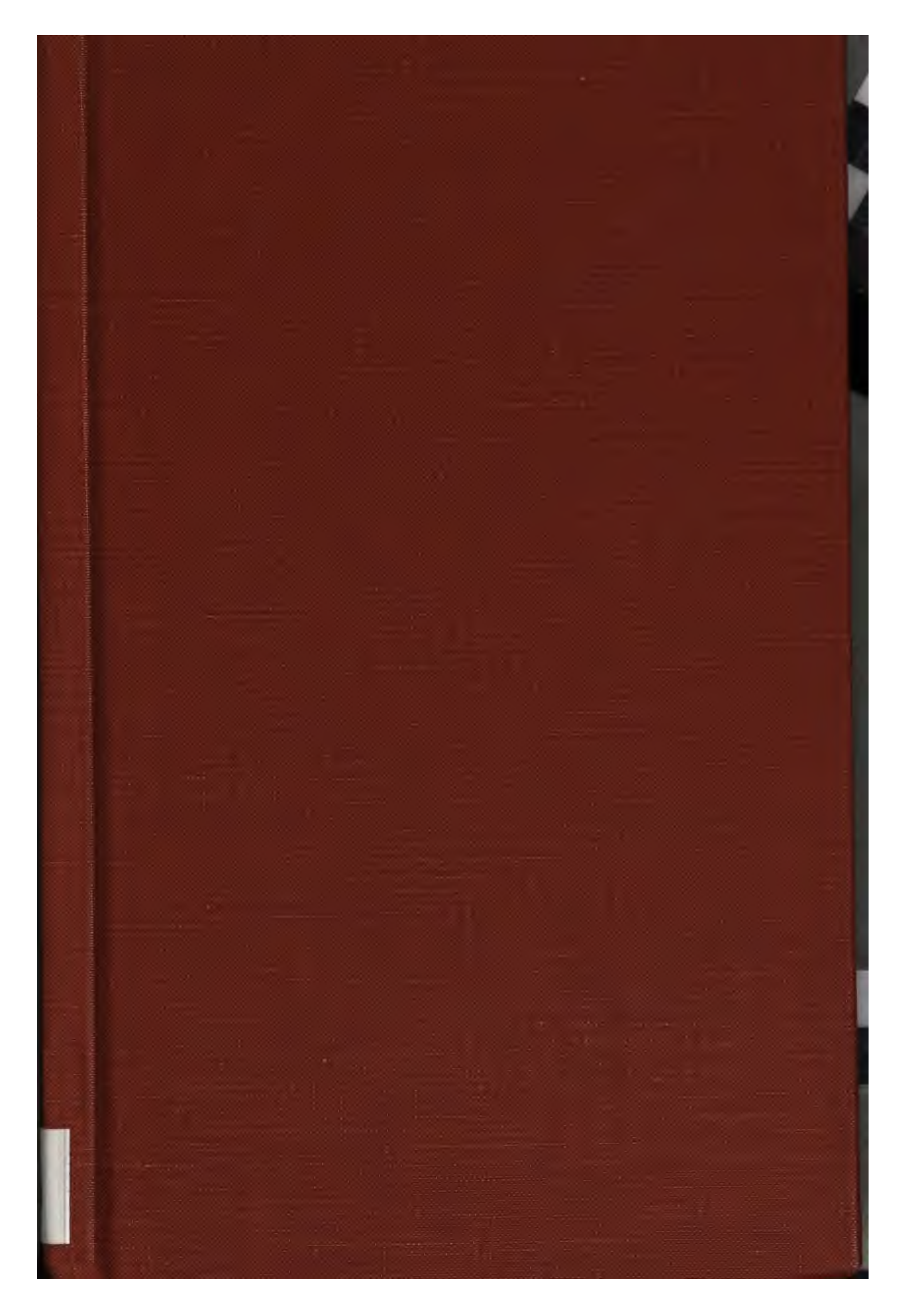
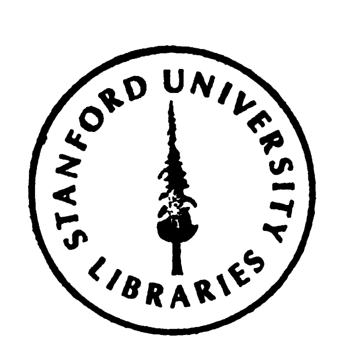

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

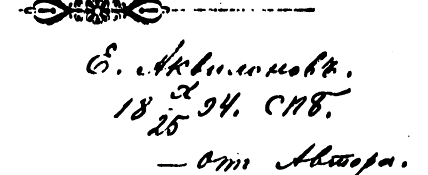
ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ

ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

Выпускъ 3-й.

Изслѣдованіе И. И. Дубасова.

МОСКВА.
„Русская“ типо-литографія, Тверская, д. Малкіеля.
1884.

Дозволено цензурой. Москва, 10 октября 1884 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прежде чѣмъ начать изложеніе 3-го выпуска «Тамбовскихъ Очерковъ», я долженъ объясниться съ своими читателями по поводу тѣхъ газетныхъ и журнальныхъ отзывовъ, которыми въ разное время такъ или иначе почтили мой трудъ рецензенты. Я хочу это сдѣлать, конечно, не въ смыслѣ рекламы, а единственно въ интересахъ той исторической правды, которой постоянно и посильно я добивался.

Журнальные и газетные писатели отнеслись къ моему труду довольно разнообразно. Нѣкоторыя газеты, наприм. «Московскія Вѣдомости, Современныя Извѣстія и Правительственный Вѣстникъ», а также и «Русская Старина», дѣлали изъ моихъ очерковъ болѣе или менѣе подробныя выдержки и вообще находили ихъ интересными, но въ разборъ и критическую оцѣнку ихъ не входили. Другія изданія («Московскія Церковныя Вѣдомости, Историческій Вѣстникъ, Новое Время, Чешскіе — Народьни Листы и Освѣта и Journal de S.-Pétersbourg») безусловно и весьма почетно одобрили меня. Въ то же время «Вѣстникъ Европы», одобряя и поощряя «Тамбовскіе Очерки» вообще, дѣлалъ мнѣ свои замѣчанія. Напримѣръ. Въ началѣ своего 1-го выпуска я указывалъ на провинцію, какъ *на сущность народной жизни*. Къ этому выраженію достопочтенный журналъ отнесся съ недоумѣніемъ и находилъ даже параллель между нимъ и бытовымъ изображеніемъ Тамбовскаго края, между тѣмъ у меня это слово означало только то, что всероссійская провинція есть *суть* народной жизни, ея богатство, могущество и основа, безъ которой столица совершенно безсильна.

«Сущность народной жизни, говоритъ рецензентъ «Вѣстника Европы»,—обнаруживалась въ крайней безпомощности,

за которою слѣдовали жалкія надежды на Разина и Пугачева». Но я этого и не думалъ говорить.

«Самъ авторъ, продолжаетъ рецензія,—къ сожалѣнію не объясняетъ, въ какихъ именно явленіяхъ разсказанной имъ исторіи высказалась сущность народной жизни, та сущность, которой по его словамъ не могутъ понять историки, не углубившіеся въ провинціальные архивы».

Послѣ того, что замѣчено мною выше, ясно, что мнѣ и не нужно было объясняться въ требуемомъ смыслѣ. Что же касается второй половины вышеприведенной тирады, то по поводу ея я могу сказать только то, что историковъ въ незнаніи сущности народной жизни я и не думалъ обвинять; я выражалъ лишь именно ту мысль, что до полнаго ознакомленія историковъ съ провинціальными архивами, доселѣ почти не тронутыми, бытовая наша исторія не будетъ еще приведена въ состояніе той полноты, какая для нея, разумѣется, необходима.

Охотно въ данномъ случаѣ принимаю на себя отвѣтственность только въ томъ смыслѣ, что слово «сущность» я употребилъ неопредѣленно и не точно. Отъ этой то неточности и произошли указанныя недоумѣнія.

Рецензентъ еще замѣчаетъ мнѣ, что я мало пользовался печатными источниками и не читалъ наприм. мѣсяцеслововъ прошлаго вѣка и даже извѣстной книги Я. К. Грота (жизнь Державина). На это отвѣчу: всѣхъ печатныхъ источниковъ на избранную мною тему въ такомъ скромномъ провинціальномъ городѣ, какъ Тамбовъ, и имѣть нельзя, такъ какъ у насъ нѣтъ ни университетской библіотеки, ни такой публичной, которая хоть немного удовлетворяла бы потребностямъ людей, заинтересованныхъ какою нибудь научною спеціальностію. Да къ тому же я задался цѣлію изучить именно архивные источники относительно Тамбовскаго края, чтобы такимъ образомъ внести что либо новое въ науку на данную тему, а не то, чтобы соединить въ одной компиляціи всѣ данныя по исторіи Тамбовскаго края.

Въ рецензіи «Вѣстника Европы» указано между прочимъ на то, что я неправильно привёлъ цифры населенія городовъ

Тамбовской губерніи прошлаго столѣтія. Въ Тамбовѣ у меня показано жителей 5664; въ Усмани только 46 человѣкъ и при нихъ 2 церкви. Между тѣмъ въ мѣсяцесловѣ за 1781-й годъ въ Тамбовѣ изчислено жителей 10,000 человѣкъ. Всѣ эти неправильности въ сущности мнимыя и легко объясняются такъ. Помѣщенныя въ моей первой книжкѣ цифры населенія нашихъ городовъ *буквально* взяты изъ оффиціальнаго описанія Тамбовской губерніи въ эпоху ея открытія. Описаніе это хранится въ настоящее время въ межевой канцеляріи при Тамбовскомъ губернскомъ правленіи. Разница же относительно опредѣленія числа жителей г. Тамбова между мѣсяцесловомъ и нашимъ описаніемъ, а равно и чрезвычайно малое показаніе количества Усманскихъ жителей, произошли безъ всякаго сомнѣнія отъ того, что у меня означены были жители крѣпостей—городовъ, а въ мѣсяцесловѣ—жители и городовъ и ихъ посадовъ. Въ Усмани было 46 человѣкъ жителей именно въ крѣпости, а двѣ церкви было во всемъ городѣ...

Сурово и, мнѣ кажется, тенденціозно отнеслась ко мнѣ въ іюльской книжкѣ текущаго года «Русская Мысль». Рецензентъ этого почтеннаго журнала всѣ факты, изложенные въ моемъ трудѣ, къ крайнему моему изумленію, почему то называетъ случайными, неполными и отрывочными. Онъ ставитъ мнѣ въ вину то, что я, говоря о Тамбовскихъ крестьянскихъ безпорядкахъ 1861 года, умолчалъ о безпорядкахъ въ Шацкихъ имѣніяхъ Мухановыхъ, Нарышкина и графини Шуваловой. На это я отвѣчаю: я потому умолчалъ о вышеозначенныхъ фактахъ, что не читалъ объ нихъ въ архивныхъ документахъ, а *съ вѣтру говорить я не привыкъ*. И было бы по меньшей мѣрѣ странно требовать отъ изслѣдователя, чтобы на извѣстную тему онъ прочиталъ весь громадный архивный матеріалъ; да этого и не надо для характеристики эпохи.

Рецензентъ говоритъ, что мои свѣденія о Тамбовскихъ сектахъ далеко не полны. Но я и не выдавалъ ихъ за полныя. Я написалъ о Тамбовскихъ сектахъ, что могъ, руководствуясь исключительно архивными источниками. Недокон-

ченное и недосказанное пусть восполнятъ другіе, можетъ быть и самъ рецензентъ на эту тему что нибудь знаетъ.

Далѣе нашъ авторъ сомнѣвается въ самой достовѣрности моихъ разсказовъ, упражняясь въ этомъ бездоказательно и совершенно голословно. Въ то же время онъ смутно указываетъ на *полную достовѣрность* какихъ-то своихъ знаній о Тамбовскомъ краѣ, ровно ни чѣмъ не оправдывая своей странной выходки. Между тѣмъ за меня говоритъ масса архивныхъ цитатъ, которыя всегда можно провѣрить, и десятилѣтняя, многимъ извѣстная, опытность пользованія сырыми и еще никѣмъ нетронутыми матеріалами. Если бы авторъ рецензіи, вмѣсто того чтобы упражняться въ пустыхъ фразахъ, указалъ бы мнѣ на какую нибудь неточность или невѣрность моихъ фактовъ и выводовъ, то я былъ бы ему за это только благодаренъ, потому что я занимаюсь своими работами преимущественно съ научными цѣлями, а не для построчныхъ гонораровъ и не для случайной похвалы случайнаго рецензента.

Мой рецензентъ, очевидно, слишкомъ далекъ отъ пониманія трудностей и важности архивно-историческихъ работъ. Поэтому въ своей наивности онъ даже слово «изслѣдованіе», помѣщенное въ оглавленіи моего труда, подчеркиваетъ, какъ будто нахожденіе и обнародованіе прежде никому неизвѣстныхъ матеріаловъ не есть изслѣдованіе. Ужъ не компиляціи ли, по мнѣнію моего строгаго критика, относятся къ изслѣдованіямъ?

Впрочемъ, и въ рецензіи «Русской Мысли» есть доля правды, за которую я ей очень благодаренъ. Иногда я, дѣйствительно, не указывалъ источниковъ, откуда бралъ извѣстные факты. Но это потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе разбросанности и отрывочности моихъ матеріаловъ, мнѣ пришлось бы подъ строчку текста ставить нѣсколько строкъ указаній на источники.

Недавно прекратившаяся Саратовская газета «Волга», вообще расточавшая мнѣ разнообразныя похвалы и даже сожалѣвшая о томъ, что я среди одиночныхъ архивныхъ за-

нятій потерялъ свое здоровье, отъ лица неназваннаго его Петербургскаго критика выражалась такъ: «г. Д. тратитъ массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ, не дѣлая изъ нихъ никакихъ выводовъ». Это замѣчаніе, по моему мнѣнію, неправильно. Многіе могутъ подумать, что я такъ сказать утопалъ въ богатомъ и разнообразномъ архивномъ матеріалѣ, между тѣмъ мнѣ очень часто приходилось тщательно пересматривать цѣлые десятки связокъ и вовсе не находить въ нихъ историческаго содержанія. То, что вошло у меня въ составъ главы о Тамбовскихъ писцовыхъ книгахъ, мною пріобрѣтено даже не въ архивѣ, а въ архивныхъ сѣняхъ подъ лѣстницею, на лѣстницѣ и въ окрестностяхъ разнообразныхъ чулановъ, въ массѣ всякаго бумажнаго, брошеннаго хлама, который и въ описяхъ не значится. Слѣдовательно, мой матеріалъ далеко не богатый и доставался мнѣ съ величайшимъ трудомъ. Что касается замѣчанія о недѣланіи мною выводовъ, то я на это могу сказать лишь то. Предвзятыхъ идей и понятій я не имѣлъ, приступая къ своимъ работамъ, фактовъ къ нимъ не подбиралъ и вообще такъ смотрѣлъ на дѣло, чтобы архивные факты, постепенно выясняясь, больше сами за себя говорили.

Отзывъ о моихъ «Очеркахъ» данъ былъ и въ журналѣ «Дѣло». Отзывъ этотъ, повидимому, составленъ былъ въ мою пользу: мнѣ приписанъ тамъ вѣрный историческій взглядъ на дѣло, трудъ мой, не смотря на нѣкоторые внѣшніе (къ сожалѣнію — неуказанные) недостатки, названъ *въ высшей степени отраднымъ и замѣчательнымъ явленіемъ*; но при этомъ рецензія оказалась чрезвычайно краткою, какъ бы мимоходомъ брошенною, и авторъ ея отнесся ко мнѣ, мнѣ показалось, довольно поверхностно.

Послѣдній отчетъ о моихъ книжкахъ напечатанъ въ Августовской книжкѣ журнала «Наблюдатель». Совершенно одобряя мой трудъ за главу объ эпохѣ крѣпостничества и освобожденія отъ него, почтенный журналъ о другихъ моихъ главахъ отзывается въ томъ смыслѣ, что они написаны слегка и безъ всякаго плана. По этому поводу я долженъ

высказаться, что строгаго плана въ общепринятомъ (особенно для классныхъ ученическихъ опытовъ) смыслѣ у меня и не могло быть по характеру и направленію моихъ работъ. Планъ мой дѣйствительно выяснится по окончаніи моихъ «Очерковъ», которые, по моему мнѣнію, только начаты и при изложеніи которыхъ я слѣдую плану такъ сказать концентрическому...

Авторъ рецензіи упрекаетъ меня между прочимъ въ томъ, что я совсѣмъ пропустилъ въ своей книжкѣ такой фактъ, какъ Тамбовскій холерный бунтъ 1831 года. Но это не правда. Въ первой моей книжкѣ описаніе холернаго бунта есть и рецензентъ самъ убѣдится въ этомъ, если повнимательнѣе отнесется ко мнѣ... Наконецъ рецензентъ «Наблюдателя» видитъ въ моей главѣ по Тамбовской церковной исторіи тенденцію совершенно противоположную той, на которую нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ съ такимъ гнѣвомъ указывалъ «Свѣтъ». Послѣдній винитъ меня за обличенія, а «Наблюдатель» за поблажку...

Заключаю свое краткое объясненіе извлеченіемъ касательно моего труда изъ сейчасъ названной газеты «Свѣтъ». Издаваемый г. Комаровымъ органъ, унаслѣдовавшій отжившія тенденціи покойной «Вѣсти», крайне смущенъ былъ лестными обо мнѣ отзывами нѣкоторыхъ газетъ и потому разразился самыми неприличными и недостойными инсинуаціями. «Свѣтъ» увѣрялъ своихъ читателей, что ни въ одной прокламаціи не были собраны такія вопіющія вещи о Россіи, какъ у меня, что я подтасовывалъ факты и клеветалъ на наше патріархальное прошлое... Отзывъ Комаровской газеты въ извѣстной степени былъ бы для меня чувствителенъ, если бы при безпристрастномъ сличеніи его текста съ моею книгою съ ясностію не обнаруживалось, что случайный и сердитый мой рецензентъ вовсе даже не читалъ предмета своей рецензіи и исключительно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ газетныхъ фельетоновъ... Въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы не замѣтить, что я видимо искалъ въ прошломъ своей родины и свѣтлые факты и свѣтлой памяти людей,

и старательно при случаѣ выдвигалъ на первый планъ и то и другое. Если же въ моихъ «Очеркахъ» тѣней оказалось больше, чѣмъ яркихъ красокъ, то я ли въ этомъ виноватъ? Конечно—не я, а самая прошлая жизнь, и отчасти может быть виноваты мои источники, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть односторонними, о чемъ я, впрочемъ, предупреждалъ читателей въ предисловіи къ I-му выпуску.

Какъ на образчикъ безпристрастія и основательности газеты «Свѣтъ», укажу на слѣдующее. Рецензентъ укоряетъ меня, что я и епископовъ Тамбовскихъ представилъ въ ужасающемъ видѣ, напримѣръ Пахомія. Но Пахомій обвиненъ былъ самимъ Св. Синодомъ и вины его ясны намъ изъ Синодскихъ указовъ. Что же касается другихъ Тамбовскихъ епископовъ, то обо всѣхъ ихъ, кромѣ Евгенія, сдѣланы мною должные имъ почтительные отзывы. И если бы спросили меня: о комъ изъ епископовъ Тамбовскихъ я писалъ съ большимъ удовольствіемъ, я искренно отвѣтилъ бы: о доблестныхъ и приснопамятныхъ святителяхъ Питиримѣ, Ѳеодосіи, Ѳеофилѣ, Іонѣ, Николаѣ, Макаріи и др... А о Пахоміи и о паралельныхъ ему свѣтскихъ персонахъ, въ былое время удручавшихъ нашъ край, могъ ли я молчать? Думаю—не могъ; въ противномъ случаѣ не могло бы быть вѣрной, правдивой исторіи. Неужели мы такъ уже обезсилѣли и умственно и нравственно, что правда насъ можетъ пугать? Кажется, въ исторіи всякаго народа были, есть и будутъ темныя стороны. Такъ съ ними бороться нужно, а не скрывать ихъ. Хвалить въ своемъ отечествѣ то, что похвалы не заслуживаетъ, или же намѣренно умалчивать о положительно несовершенныхъ фактахъ, это значитъ не любить родины, не желать ей совершенствоваться и всецѣло погрузиться въ самое узкое себялюбіе...

За тѣмъ я приступаю къ изложенію 3-го выпуска и начинаю эту книжку, въ цѣляхъ уясненія и дополненія прежнихъ своихъ работъ, главою о древней Тамбовской лѣтописи.

Древняя Тамбовская лѣтопись.

(Дополненная, объясненная и продолженная, преимущественно по Московскимъ матеріаламъ архива министерства юстиціи).

Третій свой выпускъ совершенно неожиданно мы начинаемъ вовсе не такъ, какъ обѣщали въ концѣ второго выпуска. Это измѣненіе плана зависѣло отъ случайно накопившагося историческаго матеріала и отъ временной невозможности предпринять въ Москвѣ архивныя изслѣдованія въ обѣщанномъ направленіи. По желанію нѣкоторыхъ любителей мѣстной исторіи, первыя страницы новаго своего труда мы посвящаемъ цѣльному изложенію «Древняго Тамбовскаго лѣтописца», о которомъ отчасти было уже сказано въ нашемъ первомъ выпускѣ. Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за полный лѣтописный текстъ, тѣмъ болѣе, что онъ отличается краткостію, своеобразнымъ, близкимъ всякому русскому сердцу, старииннымъ стилемъ и важностію сообщаемыхъ въ немъ мѣстныхъ историческихъ свѣденій. Подлинникъ Тамбовской лѣтописи еще въ 1846 году хранился въ ризницѣ Троицко-Пушкарской церкви, когда онъ списанъ былъ рукою священника Вяжлинскаго, но куда онъ дѣвался потомъ — никто не знаетъ. Вѣроятнѣе всего, онъ погибъ, по небрежности троицкаго причта, во время упраздненія стараго его приходскаго храма въ пятидесятыхъ годахъ. Старую книжицу, не представлявшую никакой значительной цѣнности, безъ церемоніи могли бросить или изорвать...

Такъ какъ однороднаго и равносильнаго указанной нами лѣтописи, историко-литературнаго памятника въ нашемъ краѣ, сколько это извѣстно доселѣ, нѣтъ, то мы и оказываемъ этой лѣтописи особенное вниманіе и прежде всего въ данномъ случаѣ предлагаемъ вопросъ: кто составилъ нашу лѣтописную рукопись?

Имѣя въ виду благочестивый тонъ лѣтописца и сдержанность его выраженій относительно перваго и третьяго Тамбовскихъ епископовъ, отличившихся въ свое время оппозиціею церковнымъ и Петровскимъ реформамъ, а также и то, что оригиналъ лѣтописи хранился въ церковной ризницѣ, мы съ большою вѣроятностію предполагаемъ, что авторомъ нашего памятника было лицо духовное и притомъ мѣстнаго великороссійскаго происхожденія, на что указываетъ своеобразный стиль лѣтописи, свойственный только грамотѣямъ и начетчикамъ Московскаго царства до-Петровскаго и отчасти Петровскаго періода. А тотъ видимый интересъ, съ какимъ нашъ безвѣстный авторъ относится къ прошлымъ судьбамъ Тамбовскаго края, очевидно указываетъ на его кровную близость къ обитателямъ описываемой имъ стороны. Правда, въ рукописи замѣтно и малороссійское вліяніе, напримѣръ не рѣдко употребляется извѣстное слово «шкота» или «шкода», но это означаетъ только то, что нашъ авторъ былъ человѣкъ по своему времени образованный и слѣдовательно знакомый съ сочиненіями Малороссійско-Кіевскихъ авторовъ, у которыхъ и могъ заимствовать вышеозначенное Малороссійское слово.

Заглавіе нашего памятника таково: «Древній Тамбовскій лѣтописецъ, содержащій повѣствованіе отъ 1636 года, т. е. отъ самаго основанія города Тамбова, до 1708 года». А самый текстъ слѣдующій: «Лѣта 7144 году по указу Богомъ избраннаго и святымъ елеемъ помазаннаго, крѣпкаго хранителя и поборника святыя православныя христіанскія вѣры, благовѣрнаго и христолюбиваго, Богомъ вѣнчаннаго, и Богомъ превознесеннаго, и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшаго, Великаго Государя Царя и Вели-

каго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца, въ 24-е лѣто благочестивыя державы Его.

По совѣту и благословенію по плотскому рожденію Отца Его, а въ духовномъ чину Отца Его и богомольца, Великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха Московскаго и всея Россіи, въ 18-е лѣто патріаршества Его. Обложенъ г. Тамбовъ, на р. Цнѣ на лѣвой сторонѣ на усть рѣчки Студенца, апрѣля въ 17 день, въ самый день Живоноснаго Христа Воскресенія, на память Преподобнаго Отца Зосимы Соловец[illegible] соборная церковь обложена того-же дни, и та собо[illegible]вершена и освящена того-же 144 года авгу[illegible] на самый праздникъ Богоявленнаго Христо[illegible] Господня, а освятилъ тое церковь свяще[illegible]озияковъ, да діаконъ Василій Мироновъ.

А городъ Т[illegible]ъ 145 году октября въ 1-й день, а имено[illegible]-построенный г. Тамбовъ по рѣчкѣ Тамбову[illegible]амбовъ отъ того ново-построеннаго город[illegible]ѣ Цнѣ верстъ за десять впала устьемъ въ[illegible]на отъ восточныя страны, а Цна рѣка тече[illegible]ой страны.

А строилъ [illegible]оенный городъ Тамбовъ, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца, Стольникъ Романъ Феодоровичъ Бабарыкинъ и, построя тотъ городъ, былъ воеводою три лѣта. А слободы на посадѣ около того города поселены сведенцами изъ Шатскаго города, изъ Переславля Рязанскаго, изъ Коломны, разныхъ городовъ сведенцами.

Слобода въ острогѣ пѣшіе казаки, полтретья ста человѣкъ, а служба ихъ по городу на караулахъ перемѣняючись посуточно по 8 человѣкъ.

На посадѣ за рѣчкою Студенцомъ Пушкарская слобода 40 человѣкъ, росписаны къ пушкамъ и къ затиннымъ пищалѣмъ.

Ниже города по Цнѣ рѣкѣ слобода полковыхъ казаковъ 500 человѣкъ. Служба ихъ по вѣстямъ воинскихъ людей,

въ посылкахъ, въ походѣхъ, жалованія имъ Государева по два рубли.

Вверхъ города на Цнѣ же рѣкѣ слобода Покровскіе тяглые крестьяне, а во 156 году написаны тѣ крестьяне въ полковые казаки, и велѣно имъ служить по Тамбовскому Земленому валу.

Во 145 году при немъ же Романѣ Бабарыкинѣ приходили воинскіе люди 100 человѣкъ подъ Тамбовъ, и за ними онъ Романъ Бабарыкинъ послалъ лучшихъ людей дворянъ и полковыхъ казаковъ по числу 400 человѣкъ. И зашли тѣхъ татаръ на степѣ, и отбили у нихъ всѣхъ коней тѣ наши служивые люди и 2 человѣка отъ тѣхъ татаръ взяли, а тѣ татары отошли пѣхотою и послѣ того онъ, Романъ, послалъ нарочитыхъ людей Андрея Колоду, а съ нимъ 50 человѣкъ. И дошли они тѣхъ татаръ у Сиверскаго Донца, и мурзу у нихъ убили начальнаго человѣка. И тѣхъ татаръ побито рядовыхъ людей 5 человѣкъ, а въ Тамбовъ привели тѣхъ остальныхъ татаръ 63 человѣка».

Здѣсь мы останавливаемся на самое короткое время и задаемся вопросомъ: что дѣлали наши Тамбовскіе старожилы съ этими плѣнными татарами? Конечно, пытали ихъ, замучивали, или же держали въ работѣ. Суровость нашихъ праотцевъ подтверждается между прочимъ сравнительно недавними (въ началѣ 60-хъ годовъ) раскопками, случайно произведенными въ Тамбовѣ во время постройки зданія губернской почтовой конторы. На мѣстѣ этого зданія рабочіе нашли нѣсколько череповъ съ свинцовою массою въ полости рта... Конечно, и Татары не щадили нашихъ, если они попадали къ нимъ въ неволю. То была своеобразная круговая порука...

Лѣтопись, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ строкъ, слишкомъ кратко говоритъ о нашемъ первомъ воеводѣ. Между тѣмъ онъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по тѣмъ исключительно затруднительнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ при немъ находился нашъ городъ. Все это ясно видно изъ

недавно найденныхъ нами въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи воеводскихъ *отписокъ*.

Городъ Тамбовъ освященъ и открытъ былъ 1-го октября 1636 года и уже 14-го того же октября Р. Ѳ. Бабарыкинъ вынужденъ былъ послать за набѣгавшими на нашу окраину татарами погоню, окончившуюся удачнымъ боемъ и плѣномъ *языковъ*. Послѣдніе отправлены были въ Москву, а которые изъ нихъ умерли въ Тамбовѣ, или во время пути въ Тамбовъ, у тѣхъ Тамбовскій воевода *отрѣзалъ уши* и отправилъ эти воинскіе трофеи въ Москву, къ Великому Государю.

«Въ нынѣшнемъ во 145 году октября въ 14 день, докладывалъ царю Бабарыкинъ, посылалъ я отъ себя въ походъ за татары голову Савву Бестужева съ товарищи, а съ ними посылалъ мещерянъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и бѣлозерцовъ, шатцкихъ и тамбовскихъ сторожевыхъ и полковыхъ атамановъ и казаковъ; и тѣ головы съ ратными людьми татаръ дошли октября въ 24 день и бой у нихъ былъ за рѣкой за Вороною у рѣчки у Карайгорки; а сколько они человѣкъ на томъ бою татаръ побили и языковъ поимали, и о томъ послужные списки прислалъ я къ тебѣ, государю, къ Москвѣ съ головою Саввою Бестужевымъ».

Стольникъ Бабарыкинъ, увѣдомляя царя о своей удачѣ, сообщаетъ ему полный списокъ всѣхъ Тамбовскихъ служилыхъ людей, отличившихся добычей Татарскихъ *языковъ*. Говоря обо всѣхъ, что они *бились явственно*, онъ особо отличаетъ тѣхъ стрѣльцовъ и казаковъ, которые были ранены, или подъ которыми были убиты и ранены лошади, или же которые, на глазахъ у своихъ товарищей и головъ, убивали и арканили татарскихъ воинскихъ людей.

«Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи, писалъ нашъ первый воевода, холопъ твой Романко Бабарыкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 145 году октября въ 25 день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ государю письмо и послалъ его съ мещеряниномъ Иваномъ Ильинымъ Вышеславцовымъ. Божею милостію, а

твоимъ государевымъ счастьемъ, головы Савва Бестужевъ, Григорей да Семенъ Свищовы, Сергѣй Ивановъ сынъ Борсуковъ съ ратными людьми татаръ побили и языковъ поимали и полонъ весь, поимали на Запольныхъ рѣчкахъ, по вотчинамъ въ бортныхъ ухожьяхъ; а что мнѣ, холопу твоему, *языки* (слѣдують ихъ имена) въ распросѣ сказали, и я, холопъ твой, тѣ ихъ разспросныя рѣчи послалъ къ тебѣ государю съ Иваномъ же Вышеславцовымъ. А которые, государь, языки на дорогѣ отъ ранъ померли до Тамбова города, и тѣхъ языковъ *знакъ—уши* я, холопъ твой, послалъ къ тебѣ, государю съ нимъ же».

Далѣе слѣдуетъ подробный перечень отличившихся на походѣ головъ, атамановъ, стрѣльцовъ и казаковъ:

Василей Павловъ сынъ бился явственно, убилъ мужика.

Иванъ Гавриловъ сынъ бился явственно, мужика взялъ жива Ишимка Баслоулова. Степанъ Володимеровъ сынъ Мальцовъ бился явственно, убилъ мужика, а самъ раненъ въ ногу и т. д.

Всѣ наши отличившіеся служилые люди были щедро награждены. Всѣмъ имъ дано было изъ дворца царское денежное жалованье, а инымъ къ томужъ была и помѣстная придача.

Не успѣли наши Тамбовцы успокоиться отъ октябрскаго похода, какъ набѣги Азовскихъ и Нагайскихъ татаръ снова вызвали ихъ къ походной жизни и къ бражнымъ тревогамъ.

«Въ нынѣшнемъ во 145 году, писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Θедоровичу всеа Русіи изъ *Новаго города Танбова* стольникъ и воевода Романъ Бабарыкинъ, Ноября въ 7 день посылалъ я отъ себя въ походъ за татары головъ Елисѣя Акинина, да Θедора Чарыкова, да съ ними сына боярскаго Богданова, да бѣлозерцовъ, шатцкихъ помѣщиковъ, атамановъ и казаковъ, и Танбовскихъ сторожевыхъ и полковыхъ казаковъ; и Божіею милостію, а твоимъ государевымъ счастьемъ, головы съ ратными людьми татаръ побили и языковъ поимали; а сколько они человѣкъ на томъ бою татаръ побили и языковъ по-

имали и въ Тамбовъ городъ привели и о томъ послано къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ съ головами съ Елисѣемъ Акининымъ да съ Ѳедоромъ Чарыковымъ; а что мнѣ, холопу твоему языки большой ногай Боишко Молѣевъ съ товарищи въ разспросѣ сказали, и я, холопъ твой, тѣмъ языкомъ имена ихъ и разспросныя рѣчи послалъ къ тебѣ государю съ сею отпискою вмѣстѣ».

Стольникъ Бабарыкинъ, очевидно, любилъ выставлять на видъ своихъ подчиненныхъ. Поэтому въ вышеуказанной отпискѣ онъ ос[illegible] царю главныхъ дѣятелей Ноябрскаго пох[illegible]

«Пришедъ, [illegible]оходу, пишетъ онъ,—головы и всѣ ратные [illegible]пу твоему, сказали про Тимоѳея Бѣшенаг[illegible]ья Пашинина, да про донскихъ атаман[illegible]мнѣ написались въ Танбовѣ городѣ въ каза[illegible] Коломну, да про Трафимка Мещеряка, да [illegible]ду Верхоценскіе волости про крестьянъ про [illegible]ша, да про Кондрашка Безсонова, да про [illegible]яска да про Губоря невѣровыхъ, да про [illegible]шина; и были тѣ служилые люди въ поход[illegible]бѣ, государю, и ихъ, государь, службою [illegible]промысломъ татаръ они дошли и побили и языки поимали; а какъ, государь, языковъ татаръ въ Тонбовъ городъ привели, и въ тѣ поры, государь, были въ Тонбовѣ городѣ изъ Иванова полку Биркина Резанцы дѣти боярскіе и Тонбовскаго и Шатцкаго уѣзду разныхъ селъ и деревень крестьяне и мордва и всѣ твоей государской милости и оборонѣ обрадовались, и тѣхъ многихъ языковъ татаръ узнали; а мнѣ, холопу твоему, сказали: тѣ де татаровя напередъ сего по вся годы на Верхоценскую волость и по вотчинамъ и на Шатцкіе и на Ряскіе и на всѣ Резанскіе мѣста войною съ большими и съ малыми людьми приходили и многихъ людей побивали и въ полонъ имали, и они де у нихъ въ полону многожды бывали и съ дороги и изъ лѣсовъ у нихъ уходили и изъ Озова окупались».

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ чрезвычайно обрадовался удачной оборонѣ любимаго имъ юго-восточнаго края и щедро одарилъ побѣдителей. Голова Елисѣй Окининъ былъ пожалованъ семью рублями и помѣстною дачею въ 50 четей и *головнымъ жалованіемъ*. Другимъ служивымъ людямъ тоже даны были всякія дачи: помѣстья, язычныя и головныя.

Возвращаемся къ нашей Тамбовской лѣтописи.

«Во 152 году, при Самуилѣ Ивановичѣ Бискинѣ, приходили воинскіе люди подъ Тамбовъ и побрали служилыхъ людей человѣкъ съ двадцать. И посланъ въ походъ за ними голова Іоаннъ Кородыкинъ, а съ нимъ послано 500 человѣкъ и дошли ихъ на степѣ и ничего имъ татаромъ наши служивыя люди не учинили, только нашихъ 30 человѣкъ порубили, а иныхъ въ полонъ взяли мѣсяца апрѣля въ 23 день.

Во 153 году была Божіимъ попущеніемъ, приходила саранча и ѣла хлѣбъ яровой.

Во 156 г. (1648), по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, въ 1-ое лѣто благочестивыя Державы Его, присланъ въ Тамбовъ Князь Іоаннъ Іоанновичъ Ромадоновскій для великаго строенія, и того лѣта построенъ Земленой валъ отъ рѣки Цны, противъ устья рѣчки Тамбова, и отъ села Кузминой гати степью до рѣки Челновой на 20 верстахъ около градскихъ и уѣздныхъ поль отъ дикія страны; а строенъ тотъ валъ седмію городами.

Того-жъ году на Татарскихъ Сакмахъ по конецъ того Земленаго валу на рѣкѣ Челновой на Лысой горѣ построенъ вновь городокъ Красной и жители построены слободами, отдѣля отъ семей Тамбовскихъ служилыхъ людей 250 человѣкъ.

На переведены изъ Шатцкаго города Бѣломѣстныя Атаманы и казаки 100 человѣкъ и поселены слободою къ тому-жъ Лысогорскому красному городку и по ихъ челобитью построенъ имъ особый городокъ.

Во 163 году, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, по общему совѣту, въ духовномъ чину со отцемъ его и богомольцемъ Никономъ, Патріархомъ Московскимъ и всея Россіи. Ревнуя апостольскому, трудно-подвижному по вселенной ученію, къ познанію Богословія, да быша вси во единословіе пристроити, посланъ въ Тамбовскія села, въ новопросвѣщенный Мордовскій народъ Мисаилъ Архіепископъ Рязанскій и Муромскій, дабы ученіемъ его к [illegible] привести, обвеселяя ихъ Царскою милостію [illegible] дачею святымъ крещеніемъ просвѣтити. А [illegible] упорныхъ, претя ихъ казію, пріобщити. И в [illegible] ѣ, и въ селѣхъ Тамбовскихъ, и въ деревнях [illegible] Архіепископскимъ прихождаху къ церквамъ, [illegible] каго чину воспріяли святое крещеніе, и до [illegible] благочестіи живяху.

А въ Шац [illegible] села Березова, въ деревнѣ Алгамазовѣ, с [illegible] стію обыкновенъ въ застарѣлой вѣрѣ свое [illegible] ордвинъ, прозваніемъ *Горчишка*, и не [illegible] авославныя христіанскія вѣры и святымъ кре [illegible] ценъ быти, и пріобща къ себѣ свою братію М [illegible] дъ къ нимъ преосвященнаго Архіепископа Мисаила, вооружась стали противъ и наважденіемъ сатанинскимъ устрѣленъ изъ лука отъ нихъ суперниковъ Божіихъ вѣрнѣйшій служитель, Архіепископъ Мисаилъ, и отъ того и кончину пріятъ, душу свою въ руцѣ Божіи предаде.

Во 164 г. при воеводѣ при Іоаннѣ Михаиловичѣ сынѣ Короваевѣ былъ приходъ воинскихъ Азовцевъ; прокопавъ валъ, они подъ Тамбовомъ на поляхъ многую пкоту народу Россійскому сотвориша, въ плѣнъ мужеска и женска полу многочисленно побраша и во своя отведоша.

Во 167 г. приходили подъ Тамбовъ, и въ Тамбовскія села многимъ собраніемъ воинскіе люди Крымскіе Татарове и подъ Тамбовомъ и въ селѣхъ Россійскаго народу въ плѣнъ многихъ побрали, и подъ Тамбовомъ на бою побито 90

человѣкъ, а приходъ имъ былъ подъ Тамбовъ того лѣта дважды.

Во 172 г. ѣхалъ изъ Астрахани митрополитъ Іосифъ чрезъ Тамбовъ.

Во 175 г. построенъ Казанскій монастырь выше города Тамбова на Цнѣ рѣкѣ, а строилъ тотъ монастырь старецъ Іосифъ.

Во 176 г. было знаменіе въ солнцѣ, темнота была на долгъ часъ.

Во 179 г. Божіимъ попущеніемъ положилъ препону великую граду Тамбову воръ и измѣнникъ Стенька Разинъ, приходили отъ него воровскіе казаки отъ града Шатцкаго, и обступили градъ, мѣсяца носмбрія въ 9-й день, и стояли около града до мѣсяца февраля, и въ то число пало труповъ служилыхъ людей и ихъ казаковъ и измѣнниковъ многое число.

Во 180 г., по указу Великаго Государя, между патріаршества, поставленъ въ Тамбовъ протопопъ Тимофей Петровъ.

Во 190 г., марта въ 25 день, поставленъ въ Тамбовъ преосвященный Леонтій епископъ. А въ Тамбовъ пріѣхалъ во 191 году ноебря въ 24-мъ числѣ и бысть на своемъ престолѣ годъ и седьмъ мѣсяцевъ и десять дней, понеже, за общее наше согрѣшеніе, попустилъ Богъ ратовати діаволу на христіанскій родъ; ненавидяй всякаго добра, начатъ бить челомъ Святѣйшему Іоакиму патріарху, Козлова города Троицкаго монастыря архимандритъ Дорофей съ братіею, священническій чинъ, и многіе жители города Козлова и по указу Святѣйшаго патріарха и по ихъ челобитью, велѣно сыскать про него епископа, съ Костромы Ипатскаго монастыря игумену Тимофею, и они были и сыскивали про него епископа, и по сыскѣ велѣно ему епископу быть въ Москвѣ, а поѣхалъ изъ Тамбова во 192 г. іулія въ 1-мъ числѣ. И съ того числа не бысть въ Тамбовѣ; а строеніе его въ Соборной церкви колоколъ въ 50 пудъ.

Во 194 г., февраля въ 15-й день, поставленъ въ Тамбовѣ преосвященный Питиримъ епископъ Тамбовскій, а прі-

ѣхалъ въ Тамбовъ во 195 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, и жилъ въ Тамбовѣ 13 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 27 дней, 12 часовъ, и іулія въ 28 день душу предаде въ руцѣ Божіи.

Во 198 г. была въ Тамбовѣ и на Тамбовскихъ поляхъ саранча и яровой хлѣбъ ѣла многое число.

Въ 203 г., декабря въ 6-й день, на память иже во святыхъ отца нашего Николая Архіепископа Мирликійскаго чудотворца: бысть преестественное чудо и страшное, ужасное знаменіе отъ иконы Пресвятыя Богородицы Казанскія, бысть-же сице: Егда бысть всенощное бдѣніе соборныя церкви въ придѣлѣ во имя Чудотв... ...олая, устроеннаго на верху соборныя церкви, и въ ...естопсалмія явившася отъ иконы Богоматере, яже ... лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ вратъ, отъ очи... каплющи и текущіи до пелены, яже подъ тою ...ною, и не яко вода померзаетъ, бѣ бо мразъ, ... на той пеленѣ аки въ губу сокрывашеся, и та ... пеленѣ пребысть, дондеже взяше и сице бысть ...ніи тогоже утренняго пѣнія.

Сіе же чудо сто... ...а Царскаго Синклита стольникъ и воевода Іоа... ...ичъ Леонтьевъ съ супругою своею и тоя собор... протопресвитеръ Сергій и священницы и дому ... ...о казначей, и отъ простыхъ народовъ не мало.

Въ 207 г. поставленъ въ Тамбовъ преосвященный Игнатій епископъ, ноембрія 21-е, а пріѣхалъ въ Тамбовъ городъ маія 27 числа.

1700 г. Іюля въ 5-ое прейде отъ житія сего Преображенскій протопресвитеръ Сергій и судія духовныхъ дѣлъ, по исходѣ 6 часа дня.

Того же году, мѣсяца Августа въ 23-е по указу Великаго Государя взятъ изъ Тамбова Игнатій епископъ Тамбовскій. А житіи его... [1]).

[1]) *Примѣчаніе*. Ризница упраздненной въ 1700 году Тамбовской епархіи передана Суздальскому митрополиту Ефрему. Архіерейскія вотчины, какъ это видно изъ прошенія митрополита Стефана Яворскаго, отошли

1705 г. Божіею волею грѣхъ нашихъ ради родилася отъ земли малая саранча, яже именуема пруза и гусеница и съѣдоша на градскихъ Тамбовскихъ и уѣздныхъ поляхъ всякій яровой хлѣбъ.

1708 г. марта въ... день при бытности господина полковника князя Григорія Ивановича Волконскаго, а въ товарищахъ при немъ князя Григорья Ивановича, былъ въ Тамбовѣ воеводою стольникъ Василій Васильевичъ Даниловъ, Божіимъ попущеніемъ, положилъ препону городу Тамбову воръ и измѣнникъ, Кондрашка Булавинъ съ своими единомышленники, а отъ него вора Булавина были посланы съ рѣки Хопра воровскіе казаки, и, пріѣхавъ ко дворцу Государеву, что за Кузминою гатью, и государевыхъ лошадей побрали они воровскіе казаки многое число, да отъ нихъ же казаковъ шкота учинися великая въ селѣхъ и деревняхъ, а градскіе люди были въ осадѣ въ то время отъ нихъ воровскихъ казаковъ, сидѣли болѣе десятихъ дней. Тогожъ году, по Его Великаго Государя указу, былъ присланъ въ городъ Тамбовъ полковникъ Ефимъ Андреевичъ Гульцъ для оберегапія съ полкомъ своимъ драгунскимъ и стоялъ около Тамбова болѣе двухъ мѣсяцевъ.

И грѣхъ ради нашихъ въ томъ же годѣ были у насъ воровскіе калмыки Тамбовскаго уѣзду на новоселенныя села и деревни, и въ вольныхъ крѣпостяхъ побрали въ плѣнъ изъ тѣхъ селъ и деревень мужска полу и женскаго, и отъ малыхъ ребятъ и отъ всякаго скота, а иныхъ многихъ и смерти предаваша, а иныхъ за рѣку Волгу отведоша, и велію шкоту роду христіанскому учиниша».

На этомъ мѣстѣ рукопись, къ сожалѣнію, обрывается. Была ли она впослѣдствіи продолжена — неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе—ее не продолжали, такъ какъ послѣ 1708 года городъ Тамбовъ со всѣмъ мѣстнымъ краемъ, по бытовымъ

подъ управленіе Воронежскихъ воеводъ. «И они ѣздили въ оныя на рѣчки Корочанъ и Кершу и не только подати собирали, жаловался Стефанъ Яворскій, но чинили противозаконные поборы и притѣсненія. Приказщики воеводскіе цѣлыми семействами жили въ вотчинахъ на счетъ крестьянъ».

условіямъ, до возобновленія въ 1758 году Тамбовской епископской кафедры, не представлялъ удобной почвы для какой либо литературной дѣятельности. Поэтому то, что въ нашей лѣтописи не договорено, это мы постараемся отчасти восполнить по вышеуказаннымъ Московскимъ матеріаламъ.

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся слѣдующіе документы относительно исторіи Тамбовскаго края: межевыя, переписныя, строеныя, мѣрныя и отказныя книги; поступныя, раздѣльныя, вкладныя и мѣновныя записи, и
владѣнныя пам[illegible] богатый, хотя и однообраз-
ный, матеріалъ [illegible]еми печатается въ мѣстныхъ
губернскихъ вѣ[illegible]. Николевымъ, и вотъ этимъ
то самымъ мат[illegible]нымъ въ довольно объеми-
стую брошюру[illegible]мся въ данномъ случаѣ для
объясненія и [illegible]овской лѣтописи.

Названные [illegible]ы интересуютъ насъ потому,
что они нѣско[illegible]ъ картину города Тамбова въ
XVII-мъ столѣ[illegible]о, представляютъ значитель-
ное писцовое [illegible]комятъ насъ почти со всѣми
мѣстными воев[illegible]XVII-го вѣка.

Внутри на[illegible]первые годы по его основаніи,
противъ деревя[illegible]реображенской церкви, стоялъ
воеводскій дворъ; рядомъ съ нимъ находилась въѣзжая изба Рязанской епископіи, потомъ тянулись рубленыя изъ *бѣлаго* лѣсу избы соборнаго причта. Относительно Рязанской епископской усадьбы въ Тамбовѣ въ нашихъ документахъ сказано: «поперегъ того мѣста 10 сажень, а въ длину 22 саженя». Архіерейское подворье состояло изъ трехсаженной сосновой избы, съ клѣтью и приклѣтомъ. Къ западу отъ этого порядка, въ направленіи къ нынѣшней Знаменской церкви, были выстроены: приказная изба, казенные анбары и дворъ стрѣлецкаго головы. Къ югу—тянулись избы приказныхъ и площадныхъ подъячихъ и у главныхъ крѣпостныхъ воротъ возвышалась стрѣлецкая караульня. Къ сѣверу отъ воеводскаго двора стояли городскія лавки, вырытъ былъ пороховой погребъ и близъ нынѣшняго Никольскаго моста красо-

вались высокія и разукрашенныя Никольскія ворота, за которыми на Студенцѣ, прежде довольно глубокомъ, была устроена мельница съ крупорушкой, рядомъ съ ней воскобойня и Саввино-Сторожевское подворье. Всѣ эти строенія въ оборонныхъ интересахъ были довольно тѣсно сплочены, такъ что даже обывательскіе огороды удалены были за рѣку Цну, къ востоку отъ города. Тамбовское городовое строенье было исключительно деревянное, рубленое; лучшія избы крыты были тесомъ, а которыя поплоше, тѣ накрывались дранью, въ слободахъ же преобладала солома. Стеклянныхъ оконъ въ городѣ Тамбовѣ въ первые годы его существованія ни у кого не было; *красныя* окна воеводской избы были слюдяныя, у другихъ избъ окна затягивались пузырями, а то и просто были волоковыя. Мебелей въ тѣ времена у насъ не полагалось. Вообще наши Тамбовцы жили очень просто, по старинному...

Самая Тамбовская крѣпость, по документамъ Московскаго архива министерства юстиціи, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. У южной крѣпостной деревянной, съ бойницами, стѣны выстроена была четырехъярусная шатровая въѣзжая башня, на каждомъ ярусѣ которой стояли пушки въ станкахъ и на колесахъ; около Цны стояла такъ называемая угловая башня, близъ которой проходилъ къ рѣкѣ тайникъ, и у нынѣшняго Никольскаго моста находились другія въѣзжія ворота, вооруженныя пушками, и отъ нихъ въ обѣ стороны до южныхъ въѣзжихъ воротъ на разныхъ разстояніяхъ возвышались глухія башни съ мушкетными бойницами. За городомъ, кромѣ того, находились укрѣпленные острожки, а къ западу отъ Тамбова тянулся и теперь отчасти сохранившійся валъ, по которому изрѣдка стояли городки и башни... Для защиты Тамбовскихъ и валовыхъ крѣпостей сформированъ былъ Тамбовскій солдатскій полкъ, расквартированный на 21 пунктъ.

Судя по нашимъ Московскимъ матеріаламъ, Тамбовскій край населенъ былъ въ XVII-мъ столѣтіи весьма рѣдко и разбросанно. Такъ напримѣръ нынѣшніе уѣзды Тамбовскій,

Козловскій и Моршанскій составляли одну Верхоценскую волость, населенную Мордвою языческою, Мордвою—новокрещенами, татарами, казаками, стрѣльцами и тяглыми крестьянами. То было время усиленной колонизаціи мѣстнаго края. Наши *дикія* поля обстраивались новыми селами и деревнями, а названія этимъ поселеніямъ давались или по именамъ первыхъ поселенцевъ (Разсказово), или по господствовавшимъ занятіямъ жителей (Молочная Гора), или по прежней оборонной роли (Старое городище), или по рѣкамъ (Духовка, Ломовисъ), или по близъ лежавшимъ монастырямъ (Мамонтово, Троиц [illegible] ва), или же по церковнымъ праздникамъ (Дим [illegible] а, Никольское, Вознесенскій Заводъ), или же по [illegible] мѣстоположенія (Крутое, Лысыя горы). Всѣ мѣ [illegible] ужилые люди, начиная съ воеводъ и кончая подъ [illegible] лѣе или менѣе торопились запасаться у насъ во [illegible] и населяли ихъ пришлыми бобылями и покупны [illegible] ми, цѣны на которыхъ до конца XVIII-го столѣ [illegible] у насъ самыя низкія [1]). Напримѣръ. Въ 1726 г [illegible] вной недоросль Леонтій Захарьевъ продалъ Та [illegible] подъячему Ивану Ивинскому двороваго Ѳедора Ив [illegible] женою и дѣтьми *за 27 рублей* [2]). Такія же низкія ц [illegible] были у насъ въ описываемое время и на землю, какъ это видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1732 году отставной вахмистръ Алексѣй Сухотинъ купилъ у подъячаго Ерофея Ивинскаго подгородной (подъ Тамбовомъ) земли 120 четвертей (во всѣхъ поляхъ) *съ лѣсы и сѣнными покосы, съ дворовою и огородною усадьбами*

---

[1]) *Примѣчаніе.* Изъ приказныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, видно, что многіе наши владѣльцы отличались попрошайничествомъ. Кто просилъ земли и иныхъ угодій на платье, кто на жену и дѣтишекъ, кто ссылался на свои многія службы и увѣчья и полонное терпѣніе. А то просили долги уплатить и на хоромное строеніе. — Это въ XVII вѣкѣ. А въ XVIII-мъ, уже послѣ Петра I-го, начались крупныя пожалованія вельможъ и это, послѣ приказной наживы, составляло у насъ главную форму распространенія землевладѣнія.

[2]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева, стр. 101.

и со всьми угодьи, и за все платилъ 10 рублей [1]). Такимъ образомъ край нашъ, отличающійся въ настоящее время превосходными качествами и цѣнностію почвы, въ прежнія времена былъ обширнымъ и самымъ удобнымъ поприщемъ для дешеваго вотчинно-хозяйственнаго обзаведенія. Можетъ быть это-то обстоятельство и было также одною изъ главныхъ причинъ появленія у насъ къ концу XVIII-го столѣтія массы землевладѣльцевъ... Такъ какъ цѣны и на сельско-хозяйственные продукты, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сообщенія и вялости торговли, стояли на нашихъ рынкахъ невысокія, напримѣръ, четверть ржаной муки стоила 56 коп., пшеничной—1 р. 30 коп., то и самые богатые владѣльцы наши жили безъ заморскихъ затѣй и денегъ имѣли мало [2]).

Выше мы замѣтили, что Московскіе матеріалы, относящіеся къ исторіи нашего края, богаты *писцовымъ* содержаніемъ, и вотъ мы хотимъ отчасти познакомить своихъ читателей съ этимъ богатствомъ, обращая въ данномъ случаѣ особенное вниманіе на монастыри съ ихъ вотчинами. Всѣ наши писцовыя выписи будутъ приведены мною между прочимъ съ цѣлію уясненія постепеннаго развитія русскаго элемента въ Тамбовскомъ краѣ, а также и для того, чтобы уяснить нашъ давній экономическій бытъ.

Въ 1640-мъ году въ Мамонтову пустынь выданъ былъ списокъ съ Тамбовскихъ писцовыхъ книгъ, а въ немъ написано: «въ Верхоценской волости монастырь Мамонтова пустынь на рѣкѣ на Цнѣ, что въ Ордашевскомъ ухожьѣ, а за монастыремъ монастырская слободка, а въ ней монастырскій дворъ коровій, а въ немъ дворникъ Филька Ивановъ; да въ слободкѣ жъ дворъ Донского казака и четыре двора монастырскихъ дѣтенышевъ, людей въ нихъ 5 человѣкъ, да крестьянскихъ 22 двора, людей въ нихъ 27 человѣкъ, одинъ дворъ бобыльскій, въ немъ одинъ человѣкъ, да два двора пустыхъ;

[1]) Тамбовскіе матеріалы П. Николева, стр. 101.

[2]) *Примѣчаніе*. Цѣны выставлены за 1746 годъ.

да къ монастырской же слободкѣ прилежитъ деревня Глубокое, а въ ней крестьянскихъ 19 дворовъ и крестьянъ 19, пашни у нихъ пахотныя 20 десятинъ въ полѣ, что пашутъ на монастырь, а крестьянскія пахоты 15 десятинъ въ полѣ, да перелогу и дикаго поля 50 десятинъ въ полѣ, да сѣна 500 копенъ» [1]).

Мамонтова писцовая выпись, довольно ясно указывающая на экономическій бытъ нашихъ монастырскихъ крестьянъ, ни слова не говоритъ о внѣшнемъ устройствѣ Мамонтовой пустыни, въ началѣ [illegible] основанной старцемъ Мамонтомъ. Писцова[illegible]тельно Троицкаго монастыря въ этомъ отнош[illegible]оятельнѣе. Она относится къ тому же 1640-[illegible]*ъ и мѣры* Богдана Карпова, и въ ней напи[illegible]скомъ уѣздѣ монастырь Троицкій новая пу[illegible]въ немъ церковь Живоначальныя Тройцы д[illegible]и-строенье игумена Нифонта; главы обиваны [illegible] и яблоко опаиваны бѣлымъ желѣзомъ, напе[illegible]жками въ косякъ; а въ церкви образъ Живона[illegible]вѣнцы у того образа серебряные сканные [illegible]адъ Перкинскаго Попа Петра, и другихъ обра[illegible] у нихъ вѣнцы и гривны серебряные; да ц[illegible]ѣнь и столбцы на празелени; а сосуды церковные оловянные, паникадило мѣдяное съ яйцомъ строфокамиловымъ, подъ нимъ кисть шелковая; да въ той же церкви книгъ довольно: Евангеліе напрестольное поволочено двоеличнымъ бархатомъ, окладъ на немъ мѣдный, и апостолъ, два охтая, минеи, уставъ, канунникъ, псалтырь и часовникъ-печатные; да блаженныя памяти великія государыни иноки Маѳы Ивановны въ монастырь жалованья ризы и стихари миткалинные, оплечья бархатныя. Да на монастырѣ жъ другая церковь древяная Благовѣщенія Пречистыя Богородицы съ придѣломъ Николая Чудотворца, а вверху въ той

---

[1]) Всѣхъ крестьянъ за Мамонтовою пустынью въ половинѣ XVII-го вѣка было 125 человѣкъ. Монастырь пользовался щедрыми вкладами великой Государыни иноки Маѳы Ивановны и Донскихъ казаковъ.

церкви образъ Саваофъ обложенъ серебромъ басмянымъ, вѣнцы и гривны рѣзные съ каменьемъ простымъ, да у того жъ образа два ожерельица жемчужныхъ да пелена дороги лазоревые... (Слѣдуетъ подробное описаніе всѣхъ другихъ образовъ). А у Николина образа панагія складная, рѣзная, да на Богородицинъ образъ убрусецъ тафта червчатая и пелены дорогильныя зеленыя, а всѣ церковныя книги при той церкви приплодъ игумена Нифонта. А ризы у церкви Благовѣщенія бязшеныя и камчатныя. А на колокольнѣ 6 колоколовъ: колоколъ благовѣстной—дача игумена Нифонта да стольника Романа Бабарыкина. Да въ той же церкви двѣ окончины слюдяныхъ въ красныхъ окошкахъ».

Троицкій монастырь, какъ видно изъ этого описанія, если не отличался богатствомъ, какъ нѣкоторые древніе русскіе монастыри, то и не бѣденъ былъ. Ясно, что въ началѣ XVII-го вѣка въ нашемъ Тамбовскомъ краѣ христіанъ было уже довольно и они могли собственными средствами легко поддерживать существованіе многочисленныхъ нашихъ монастырей. Въ концѣ Троицкой писцовой выписи перечисляются монастырскіе жители. Приводимъ этотъ списокъ: «въ монастырѣ игуменская келья, а въ ней игуменъ Нифонтъ, у него келейникъ Кононко Андреевъ; да братскія кельи: келья чернаго попа Нифонта, а съ нимъ рядовыхъ старцевъ трое: Михайло, Іона, Старецъ Саватѣй; келья чернаго попа Іосифа да рядовыхъ старцевъ Нафанайла и Пимена; келья старцевъ келаря Кирилла и казначея Васьяна; да въ томъ же монастырѣ кельи старцевъ Перфилія, Герасима, Иринарха и другаго Герасима, Петра, а у него бѣлецъ вкладчикъ Ганка Ивановъ,— Евфимія, Моисея, Арсенія, Ворлаама и церковнаго дьячка Тришки Савельева».

Для этихъ 22-хъ монастырскихъ жителей въ Троицкомъ монастырѣ срублены были три житницы, а въ нихъ въ 1640-мъ году ссыпано было *200 четей обмолоченной ржи овса 40 четей, пшеницы 15 четей, проса 30 четей.* На всякій случай около монастыря, окруженнаго деревянною стѣною, возведенъ былъ еще *острожекъ*, близъ котораго *на скот-*

скомъ дворѣ стояло 10 мериновъ тяглыхъ, 7 кобылъ, 7 жеребятъ, 27 коровъ дойныхъ, 15 бычковъ и подтелковъ; да въ гумнѣ немолоченнаго хлѣба въ трехъ кладяхъ 90 копенъ ржи, а умолоту изъ копны по чети, да въ трехъ же кладяхъ 80 копенъ овса, а умолоту изъ копны по 3 осмины, да въ разныхъ кладяхъ пшеницы 20 копенъ, а умолоту изъ копны по чети, да 20 телѣгъ гречи, а умолоту изъ телѣгъ по осминѣ. [1])

Изъ всего этого монастырскаго описанія, повидимому, можно сдѣлать заключеніе такое, что въ нашемъ краѣ охотниковъ до монастырской, безпечальной и сравнительно безопасной жизни было довольно, что они успѣли хозяйственно и удобно у себя устроиться, но что въ тоже время имъ не доставало охоты учиться грамотѣ, такъ что для Троицкаго монастыря понадобился даже особый церковный дьячекъ...

Близъ Троицкаго монастыря, по обыкновенію, выстроилась слободка. «А въ ней, говорится въ нашей выписи,— 3 двора донскихъ казаковъ, дворъ служки монастырскаго Митьки Сидорова да крестьянскихъ 30 дворовъ, а людей въ нихъ 46 человѣкъ, да бобыльскихъ 13 дворовъ, а людей въ нихъ 15 человѣкъ, да 20 дворовъ пустыхъ».

Всѣ эти слободчане жили на монастырской землѣ и потому работали на монастырь. «Пашни паханыя, сказано въ выписи, — монастырскія 33 десятины съ получетью, да крестьянскія пахоты 9 десятинъ съ четью безъ пол-пол-чети десятины; сѣна по дикому полю 1000 копенъ. И та земля дана имъ по двумъ грамотамъ блаженныя памяти Государыни великія старицы иноки Марѳы Ивановны отъ 1621 и 1628 гг.» [2]).

Кромѣ того, Троицкій монастырь по царскимъ грамотамъ изъ приказа большаго дворца отъ 1635 года владѣлъ обширными бортными и рыбными и звѣриными угодьями по рѣкамъ Цнѣ,

---

[1]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева стр. 8—10.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

Хопру и Суволѣ, платя за нихъ малые натуральные и денежные оброки въ Тамбовѣ и селѣ Конобеевѣ [1]).

Далеко не въ такомъ удовлетворительномъ экономическомъ состояніи былъ въ XVII вѣкѣ Тамбовскій Казанскій монастырь, уцѣлѣвшій въ 1764 году только потому, что онъ былъ тогда резиденціею эпархіальнаго епископа Пахомія. По грамотѣ изъ приказа большаго дворца Казанскій монастырь владѣлъ *изъ Покровскія примѣрныя земли по 30 четвертей въ полѣ и по 150 копенъ сѣна, да изъ примѣрныя земли села Татанова тому жъ монастырю отказано было по 20 четвертей въ полѣ и по 50 копенъ сѣна* [2]).

Вслѣдствіе бѣдности, нашъ городской монастырь чрезъ своего строителя старца Герасима обратился къ царю Өеодору Алексѣевичу съ прошеніемъ о милостынѣ и въ 1680-мъ году отъ 24 мая на имя тамбовскаго воеводы и стольника Ивана Андреевича Языкова послѣдовалъ царскій указъ слѣдующаго содержанія: «Построенъ тотъ Казанскій монастырь въ Тамбовѣ на посадѣ, а людей и крестьянъ и никакихъ угодій за тѣмъ монастыремъ нѣтъ, и свѣчъ и ладону и вина церковнаго взять имъ негдѣ и питаться имъ нечѣмъ... И того ради съ 189 (1681-го) года владѣть имъ вмѣсто нашего жалованья по сей нашей великаго Государя грамотѣ безоброчно и безъ перекупки подъ городомъ Тамбовомъ на рѣчкѣ Студенцѣ на плотинѣ мельницею» [3]).

Вообще надобно замѣтить, что въ XVII вѣкѣ въ нашемъ краѣ весьма удобно основывались и развивались монастыри и нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои легенды, объяснявшія ихъ происхожденіе, напримѣръ Керенскій Тихвинскій женскій монастырь, который въ прежнее время входилъ въ составъ

[1]) *Примѣчаніе.* По рѣкамъ Цнѣ и Хопру бортные ухожь и принадлежали и Мамонтовой пустыни. Земельныя богатства этой пустыни особенно стали увеличиваться съ тѣхъ поръ, какъ въ 1652 году она была приписана къ монастырю Саввы Сторожевскаго.

[2]) Тамбовскіе матеріалы П. Николева, стр. 32.

[3]) Тамъ же, стр. 33-я.

нашей эпархіи. Причины, вызвавшія основаніе этого монастыря, указаны *въ отпискѣ* Керенскаго воеводы Пыхочева отъ 1680-го года [1]).

«Холопъ твой Якушка Пыхочевъ, пишетъ царю Θеодору Алексѣевичу воевода, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 189 году (1680) іюня въ 14-й день въ Керьску въ приказной избѣ извѣщала мнѣ холопу твоему словесно старица Поросковья, а въ извѣтѣ своемъ она сказала: въ ночи де явился ей старицѣ образъ Богородицы и стоитъ де тотъ образъ передъ кельею ея на столѣ и передъ тѣмъ образомъ теплилась свѣ [illegible] отъ того де образа былъ ей гласъ, чтобъ городскіе [illegible] каялись, въ воскресные дни, праздники и пятк[illegible] и, а въ среду до полудни не работали жъ [illegible] поставили часовню на ключу, гдѣ стоитъ [illegible] окурня, и тое бы винокурню съ того мѣст[illegible] буде люди отъ работы уймутся и надъ ними [illegible] ость Господа Бога, а буде не воспокаются и [illegible] не уймутся, и надъ ними будетъ гнѣвъ отъ [illegible] того де числа разодралась на ней старицѣ рас[illegible] и былъ ей гласъ: не носить портеныхъ рясокъ, [illegible] рстяныя, и тотъ де образъ отъ нея старицы н[illegible]

15-го іюня воево[illegible] въ послалъ къ старицѣ Прасковьѣ для слѣдствія стрѣльца Ваську Константинова.

«И онъ Васька ходилъ, продолжаетъ Пыхочевъ, и мнѣ холопу твоему сказалъ: у того ключа на березѣ стоитъ крестъ поклонный, а кто его поставилъ, того онъ не вѣдаетъ».

19-го іюня старица Прасковья снова докучала воеводѣ.

«Молилась я въ ночи, да Керенская вдова Василиска Евдокимова, Анюшка Яковлева да дѣвка Аксютка Денисова и увидѣли мы образъ Богородицы: стоитъ де онъ у того

[1]) Копію съ этой отписки мы читали въ Керенскомъ монастырѣ, гдѣ она доселѣ хранится въ ризницѣ.

ключа подъ березою на обрубѣ, а кто его поднесъ и поставилъ, того она не вѣдаетъ».

25-го іюня старицу привели на воеводскій дворъ и она была *ставлена и допрашивана* и на допросѣ своемъ показала тоже, что и въ извѣтѣ 19 іюня, *тѣжъ рѣчи сказывала*—доносилъ царю Пыхочевъ.

Въ началѣ іюля Керенскій поповскій староста Алексѣй Тимофеевъ, согласившись съ воеводою, взялъ явленный образъ Богородицы въ Керенскую Богоявленскую церковь *для подлинной вѣдомости и розыску*, *не объявится ли кому какое исцѣленіе*.

«И началъ попъ Тимофеевъ, заключаетъ свое донесеніе Керенскій воевода, служить молебенъ и въ то де молебное пѣніе старицу Парасковью ударило о мость и во все де молебное пѣніе ее било...»

Всѣ немногочисленные сельскіе храмы нашего края въ XVII столѣтіи были очень бѣдны. Въ дополненіе къ тому, что на этотъ предметъ сказано нами въ первомъ выпускѣ, прибавимъ здѣсь *писцовое* описаніе сельской церкви *Троицкой слободы*. Описаніе это въ видѣ выписи изъ Тамбовскихъ писцовыхъ книгъ отъ 1640-го года хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Приводимъ съ него нѣсколько сокращенную копію.

«Слобода Троицкая, а въ ней церковь Живоначальныя Троицы съ трапезою на подклѣтяхъ, ветха; церковь и трапеза и паперть крыты дранью, все ветхо; а въ церкви строеніе иконъ полное и на тѣхъ иконахъ вѣнцы серебряные; у образовъ пелены выбойчатыя ветхія, за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи обложенъ въ басму, у образа ожирельицо низано мелкимъ жемчугомъ да прикладныхъ денегъ четверть ефимка и 2 рубля; на престолѣ облаченіе выбойчатое, крестъ миткалинный; сосуды оловянные и деревянные; ризы выбойчатыя ветхи; на колокольнѣ 2 колокола».

Въ этой убогой деревенской церкви совершалъ богослуженіе еще болѣе убогій причтъ, состоявшій изъ двухъ свя-

щенниковъ и дьячка съ семействами. На ихъ общую долю Троицкихъ крестьянскихъ дворовъ было *20* и людей *71 человѣкъ*. Да въ деревнѣ Поповкѣ было *9 человѣкъ* ихъ прихожанъ, въ деревнѣ Гулынки—70 человѣкъ, въ деревнѣ Городищѣ—40 человѣкъ и въ деревнѣ Дубровѣ—160 человѣкъ. «А въ тѣхъ деревняхъ, прибавляетъ описаніе,—крестьяне и бобыли новоприходцы разныхъ городовъ, а которые пришли изъ Чудовскихъ вотчинъ Володимирскаго и Коломенскаго уѣздовъ изъ разныхъ селъ» [1]). Эта послѣдняя приписка очень ясно указываетъ намъ на то обстоятельство, что около половины XVII [illegible] нно съ постройкою Тамбова, Козлова, Усман[illegible] ілений, шла у насъ дѣятельная колонизація [illegible] хъ монастырскихъ вотчинъ посредствомъ п[illegible] ь центральной Россіи.

Троицкому [illegible] адлежало еще село Вихляйка съ приходскою [illegible] рковію, о которой въ писцовыхъ книгахъ [illegible] «въ селѣ Вихляйкѣ церковь во имя Покрова [illegible] ородицы древяна, клѣтки, съ трапезою, крыт[illegible] церкви, кромѣ строенія иконъ мѣстныхъ, на с[illegible] ъ писанъ благоразумный разбойникъ; всё о[illegible] а вохрѣ и на празелени; на престолѣ Еванг[illegible] ъ десть, крыто мухояромъ; сосуды древяные, покровы крашенинные, пелена выбойчатая, ризы полотняныя» [2]).

Такъ какъ другія писцовыя записи относительно нашихъ приходскихъ храмовъ въ сущности такія же, какъ и эти двѣ приведенныя нами, то отъ дальнѣйшихъ писцовыхъ выписокъ мы воздерживаемся [3]). Однако, мы не можемъ не

[1]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева стр. 46.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Примѣчаніе.* Въ концѣ XVII-го вѣка въ нашемъ краѣ были слѣдующія, извѣстныя мнѣ, приходскія села съ церквами: Дубровка, Ишеево, Русское, Ачадово, Вирвиль, Селищи, Кириллово, Веденяпино, Пахотный Уголъ, Добры, Романово, Ширингуша, Ключи, Перкино, Алгасово, Ничаево, Красная Дуброва, Сасово, Керша, Грязновка, Горѣлое, Бокино, Лысыя Горы, Паганка и Конобеево—бывшая вотчина великой *Иноки* Мароы Ивановны. Избы въ тѣхъ селахъ строены были высокія, на глухихъ подклѣтяхъ, съ сѣнями и чуланами, черныя...

высказать, что внѣшняя убогость нашихъ деревенскихъ храмовъ вовсе еще не свидѣтельствуетъ о былой нашей нищетѣ. Скорѣе всего, церковная убогость наша зависѣла отъ нашей патріархальности и отъ трудности достать въ нашихъ захолустьяхъ хорошіе матеріалы и хорошихъ мастеровъ...

Въ заключеніе этой главы постараюсь указать на имена тѣхъ Тамбовскихъ воеводъ, которые доселѣ еще не были намъ извѣстны, а также и на нѣкоторыя современныя имъ событія.

Преемникомъ стольника Романа Өеодоровича Бабарыкина, основателя города Тамбова, былъ воевода Василій Өедоровичъ Яновъ, правленіе котораго ознаменовано было *приказнымъ и воинскимъ самоуправствомъ*. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ старца и труженика Мамонта, учредителя Мамонтовой пустыни, отъ 15-го іюля 1638 года въ Тамбовъ на воеводское имя послѣдовалъ слѣдующій указъ царя Михаила Өедоровича: «въ Мамонтовой пустыни поселились вольные гулящіе бобыли, и тѣхъ бобылей Тамбовскіе дворяне и дѣти боярскія изъ пустыни выводятъ сильно и достальныхъ побиваютъ на смерть и волочатъ и убытки имъ чинятъ всякіе; и отъ тое ихъ великіе продажи и насильства мамонтовскіе бобыли въ конецъ погибли и животина ихъ помираетъ съ голоду. И ты бъ воевода вывозити изъ тое пустыни крестьянъ и бобылей дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ не велѣлъ ни которыми дѣлы... и оберегалъ бы ихъ накрѣпко» [1]).

Въ 1643-мъ году въ Тамбовѣ опять былъ новый воевода, Жданъ Васильевичъ Кондыревъ. И этому правителю былъ отъ царя указъ, чтобы *монастырскими землями насильствомъ владѣти не велѣлъ*. На этотъ разъ царское повелѣніе вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне селъ Чернитова и Томникова самовольно завладѣли пустошами, сѣнными покосами, лѣсами, рыбными ловлями и бортными ухожьями Чернѣева монастыря, при чемъ ходатаемъ

[1]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева, стр. 6-я.

Примѣчаніе. Указъ царя Михаила Өеодоровича приведенъ нами съ нѣкоторыми сокращеніями.

за обитель явился Черњевскій игуменъ Корнилій... Несомнѣнно, при обоихъ этихъ Тамбовскихъ воеводахъ подъ наши города и села и деревни, и подъ *валовыя* крѣпости, приходили разные *воровскіе* люди, и Яновъ и Кондыревъ такъ или иначе бились съ ними, но объ этомъ пока мы не имѣемъ документальныхъ свѣдѣній и потому поневолѣ ограничиваемся простымъ перечнемъ Тамбовскихъ первоначальныхъ воеводъ.

Въ 1647-мъ году въ нашъ край посланъ былъ изъ Москвы стольникъ князь Иван[illegible] Ромодановскій дѣлать валъ за Тамбовомъ въ степи, меж[illegible] и Челнавскаго лѣсовъ; а мастера къ тому [illegible] были съ Пушкарскаго Приказу 4 человѣк[illegible]

Подъ 1651-мъ годом[illegible]мся съ весьма замѣчательнымъ фактомъ уч[illegible]редставителей въ Московскомъ Земскомъ собо[illegible] году въ Москвѣ ожидали выборныхъ, двор[illegible]садскихъ, людей для великаго государева д[illegible]омъ стольномъ городѣ должна была рѣшиться [illegible]россіи, изнемогавшей въ борьбѣ съ Польшею и [illegible]оего спасенія подъ высокою царскою рукою [illegible]

Сколько намъ извѣст[illegible]вѣ на соборѣ 1651-го года были представители только Шацкаго уѣзда. Или въ этомъ случаѣ выразились преимущества Шацка, какъ главнаго областнаго города, или же мы недостаточно ознакомились съ историческимъ матеріаломъ данной эпохи... Мы съ своей стороны склонны думать, что на великой и всенародной радѣ 1651-го года были представители всей земли. Стало быть, были выборные Тамбовскіе, и Козловскіе, и Кадомскіе, и Темниковскіе, и Усманскіе, и Романовскіе. И вѣроятно, со временемъ будутъ найдены въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи на это документальныя доказательства, т. е. столбцы воеводскихъ отписокъ съ именами выборныхъ.

Между тѣмъ, пока, мы предлагаемъ вниманію читателей копію съ отписки Шацкаго воеводы Никиты Заболоцкаго.

«Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайло-

вичу холопъ твой Микитка Заболоцкій челомъ бьетъ. Прислана, Государь, 2-го февраля сего 159 (т. е. 1651) года твоя Государева грамота за приписью твоего дьяка Ивана Сѣверова въ Шацкой ко мнѣ холопу твоему, а въ той твоей грамотѣ писано выбрать лучшихъ дворянъ двухъ человѣкъ, а выбравъ прислать къ Москвѣ на сборное воскресенье для твоего царственнаго, великаго, Земскаго и Литовскаго дѣла. А тѣмъ дворянамъ велѣно явиться на Москвѣ въ разрядъ къ твоему, Государь, думному дворянину Ивану Афанасьевичу Гавреневу. И имена тѣхъ выборныхъ дворянъ таковы: Остафей Ивановъ Желябужскій и Романъ Артемьевъ Любовниковъ».

Эта грамота отправлена была въ Москву, за неимѣніемъ почты, съ Шацкимъ разсыльщикомъ Ивашкой Мещеряковымъ. Въ настоящее время она хранится, какъ и всѣ подобные документы, въ Москвѣ, въ архивѣ министерства юстиціи (столбецъ 240).

Московскій Земскій соборъ, какъ извѣстно, порѣшилъ принять Малороссію въ обще-русскую семью и оборонять ее всѣми силами государства противъ поляковъ и всякихъ другихъ *вороговъ*. Вскорѣ выступилъ въ извѣстный Литовскій походъ самъ Царь, и союзъ двухъ братскихъ племенъ освятился бранною кровію.

Въ какомъ смыслѣ наши выборные подавали на соборѣ свои голоса, изъ документовъ не видно; но можно догадываться, что Шацкіе депутаты говорили за Малороссію, такъ какъ въ XVII столѣтіи нашъ край имѣлъ съ Донскимъ и Малороссійскимъ казачествомъ общіе интересы обороны отъ татаръ, да и самый воинскій духъ нашего прежняго народонаселенія по неволѣ сближалъ его съ южно-русскими борцами...

Послѣ Тамбовскаго воеводы Самуила Ивановича Бискина, извѣстнаго уже намъ по неудачной погонѣ за Татарами, въ 1652 году воеводствовалъ у насъ Иванъ Ѳедоровичъ Еропкинъ. При немъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, состоялась, послѣ тщательной переписи всего мо-

настырскаго имущества, передача нашей Мамонтовой пустыни монастырю Саввы Сторожевскаго.

Чрезъ два года, т. е. въ 1654 году, въ Тамбовѣ водворился на воеводскомъ дворѣ Моисей Ивановичъ Ерошкинъ. Повидимому, онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ извѣстному миссіонеру, Рязанскому архіепископу Мисаилу, и вслѣдствіе этого усердно помогалъ ему строить въ Тамбовѣ, рядомъ съ воеводскою усадьбою, архіерейское подворье.

Затѣмъ, до 1665 года, въ нашихъ документахъ новыя имена Тамбовскихъ воеводъ не упоминаются. Въ этомъ же году Тамбовскимъ воеводою былъ стольникъ Иванъ Павловичъ Акинфовъ. Онъ отчасти извѣстенъ только тѣмъ, что по возможности отстроивалъ и украшалъ Тамбовъ и при этомъ почему то съ особенною заботливостію относился къ той части нашего города, которая извѣстна подъ именемъ *Пушкарей*. Здѣсь имъ устроены были кузницы, въѣзжіе дворы и хлѣбные склады [1]).

Новый Тамбовскій воевода, послѣ Акинфова и извѣстнаго Хитрово, встрѣчается намъ уже подъ 1677 годомъ. Это стольникъ Василій Васильевичъ Крапоткинъ, извѣстный покровительствомъ, которое онъ оказывалъ Тамбовскому Казанскому монастырю [2]).

Въ 1680 году на Тамбовскомъ воеводствѣ мы видимъ стольника Ивана Андреевича Языкова, а въ слѣдующемъ 1681 году—Ѳедора Меньшаго Павловича Языкова. Оба они усиленно занимались составленіемъ мѣстныхъ писцовыхъ книгъ и выписей и дѣлали это не столько съ фискальною цѣлью, сколько съ административною. Поэтому ихъ имена чаще всего встрѣчаются въ нашихъ документахъ. Въ 1683 году Тамбовскимъ воеводою былъ стольникъ Иванъ Адріановичъ Апраксинъ. При немъ въ нашемъ краѣ появились значительныя вотчины Николо-Радовицкаго монастыря, а въ

[1]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева, стр. 19.

[2]) Тамъ же стр. 32.

Тамбовѣ, *за задними городовыми вороты подлѣ подьячаго Василія Миронова*, выстроенъ былъ для того же монастыря обширный въѣзжій дворъ. Въ 1690 году мѣстнымъ воеводою былъ князь Лаврентій Дуловъ. При немъ отведены были жалованныя земли Предтечинской новой пустыни (Трегуляйской) 90 четвертей въ полѣ. Жалованныя угодья даны были Предтечинскому строителю старцу Варлааму съ братьею въ *окрестностяхъ города Тамбова, за Тамбовскими валовыми крѣпостями, на порозжей степи*. Въ 1692 году отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей прислана была въ Тамбовъ на имя стольника и воеводы Александра Алексѣевича Нестерова грамота, которою, по челобитью Тамбовскаго Казанскаго монастыря игумена Корнилія, повелѣвалось отдать тому Казанскому монастырю *порозжую землю межъ воскобоины и Студенецкой мельницы* [1]).

Въ 1693-мъ году на Тамбовскомъ воеводствѣ былъ Иванъ Ивановичъ Леонтьевъ, въ 1697-мъ году Иванъ Андреевичъ Вельяминовъ-Зерновъ, въ 1700-мъ году Данилъ Петровичъ Дохтуровъ, въ 1704-мъ году Иванъ Савельевичъ Саловъ, а подъ 1707-мъ годомъ упоминаются у насъ двое стольниковъ и воеводъ, Никита да Иванъ Головкины. При Иванѣ Андреевичѣ Вельяминовѣ—Зерновѣ въ Троицкомъ монастырѣ разрѣшено было имѣть *безоброчно торжокъ одинъ день въ пятницу для торговли самыми деревенскими тутошними крестьянскими мелкими товарами, съ правомъ сбирать пошлины по торговому уставу въ тотъ Троицкій монастырь на свѣчи, ладонъ и вино церковное.* [2])

Пересматривая разные документы изъ временъ воеводства Вельяминова—Зернова, мы встрѣтились съ описаніемъ одной помѣщичьей усадьбы. Пользуемся этимъ описаніемъ, чтобы хотя отчасти воспроизвести въ нашемъ представленіи внѣшній бытъ Тамбовскихъ помѣщиковъ конца XVII-го столѣтія.

---

[1]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева, стр. 55.

[2]) Тамъ же, стр. 57.

Примѣчаніе. Мы приводили фамиліи только тѣхъ Тамбовскихъ воеводъ, которые въ первыхъ выпускахъ не названы.

«Въ деревнѣ Периненскихъ Боркахъ, сказано въ отказной помѣщицы Тимоѳеевой,—дворъ помѣщиковъ, горожень тесомъ и заметомъ, ворота чанные о трехъ верѣяхъ—крыты тесомъ, на дворѣ хороминаго строенія горница съ комнатою на глухихъ подклѣтяхъ, противъ нихъ горница жъ на жиломъ подклѣтѣ, клѣть съ приклѣтомъ, на подклѣтѣ анбаръ, баня съ передбаньемъ, двѣ конюшни, погребъ съ погребицею, амшеникъ; на томъ дворѣ дворовымъ людямъ Сидоркѣ и Якушкѣ, Гуркѣ и Микиткѣ, Борискѣ и Аганкѣ, Ѳедькѣ и Мартынкѣ, Ивашкѣ и Исайкѣ съ семействами поставлены избы, съ клѣтями и приклѣтами и сараями» [1])

Въ началѣ XVIII-го столѣтія, кромѣ воеводъ, у насъ, какъ и по всей Руси, появились еще новые начальники, творившіе судъ и расправу и кормившіеся около мѣстныхъ жителей, это: ландрихтеры, комисары, ассесоры, фискалы и разные штабъ и оберъ-офицеры. Что именно они сдѣлали для нашего края, намъ совершенно неизвѣстно, но фамиліи многихъ изъ нихъ и теперь еще принадлежатъ къ землевладѣльческимъ и дворянскимъ Тамбовскимъ фамиліямъ... Многое про нихъ можно было бы разсказать по старому воеводскому архиву, долго хранившемуся въ древнихъ мѣстныхъ епископскихъ кельяхъ, но весь этотъ архивъ неизвѣстно когда и по какой причинѣ изчезъ... Съ 1719-го года характеръ мѣстнаго управленія нѣсколько измѣняется. Вмѣсто единоличной воеводской власти выступаетъ на сцену коллегіальное управленіе провинціальной канцеляріи, съ подчиненіемъ ея Воронежскому губернатору. Поэтому послѣ воеводъ Головкиныхъ, мы уже рѣже встрѣчаемся въ нашихъ документахъ съ именами Тамбовскихъ градоначальниковъ, вмѣсто которыхъ въ дѣловыхъ актахъ выдвигается собирательное имя Тамбовской провинціальной канцеляріи.

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, сколько намъ извѣстно, есть еще и такіе документы, которые до-

---

[1]) Тамбовскіе матеріалы И. Николева, стр. 64.

вольно обстоятельно указываютъ на распространеніе у насъ христіанства.

Христіанская вѣра, повидимому, успленно стала распространяться у насъ въ XVI-мъ столѣтіи, и именно въ уѣздахъ Шацкомъ и Темниковскомъ, причемъ главными дѣятелями этого просвѣтительнаго движенія были наши *новыя* пустыни: Шацкая, Чернѣевская и Темниковская Пурдышевская. Въ первой миссіонеромъ-руководителемъ былъ *черный попъ* Матвѣй, а во второй—старецъ Ириархъ. О Чернѣевскомъ черномъ попѣ въ грамотѣ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича отъ 1583-го года говорится такъ: «по благословенію владыки Леонида Рязанскаго оный попъ Матвѣй въ Подлѣсскомъ стану общинку устроилъ и церковь Николая Чудотворца нову поставилъ, а лѣсъ покупалъ у Мордвы; да онъ же крестилъ Мордвы 15 душъ съ женами и съ дѣтьми, а иная Мордва у того Матвѣя хотятъ креститися; а которая Мордва не крещена, и та чинитъ общинкѣ пакость великую и хотятъ церковь осквернити, и монастырь разорити, и старцевъ изогнати... [1])

При подобныхъ же препятствіяхъ со стороны иновѣрцевъ распространялъ христіанство въ Темниковскомъ уѣздѣ и Пурдышевскій старецъ Ириархъ. Вотъ его жалоба Царю Ѳеодору Іоанновичу, послѣдовавшая въ 1594-мъ году: «близъ Пурдышевской пустыни Рождества Пречистыя Богородицы и Василья Блаженнаго владѣетъ деревнею князь Колунчакъ Еникѣевъ, и люди его—Татаровя чинятъ намъ обиду и насильство великое и крестьянской вѣрѣ поругаются, на монастырь палками бросаютъ. А какъ ходимъ мы около монастыря со кресты по воскресеньямъ и по Владычнимъ праздникамъ и на ердань, и князь Колунчаковы люди пріѣзжаютъ на коняхъ и крестьянской вѣрѣ поругаются, кричатъ и смѣются, и въ трубы трубятъ и по бубнамъ бьютъ, и въ смыки и въ домры играютъ, и съ огнемъ подъ монастырь

[1]) Этою грамотою царь жалуетъ Чернѣевской пустыни 100 четвертей въ полѣ и всякія угодья. Скрѣпилъ грамоту дьякъ Василій Щелкаловъ 15-го февраля 1583-го года.

приходятъ и сжечь хотятъ, и пашню монастырскую косятъ, и дубье и борти тешутъ насильствомъ, и отъ его Колунчаковыхъ людей прожити намъ впредь не мочно»... [1])

Между тѣмъ въ то же время иные иновѣрцы сами приходили въ Пурдышевскій монастырь и крестились. Такъ поступилъ въ 1592-мъ году богатый Татарскій мурза Туродѣевъ, названный въ христіанствѣ Савеліемъ. Крестившись, онъ выдалъ старцу Иринарху данную на земли и угодья. «И за тое пашню и покосы и рыбные и бобровые ловли и бортный ухожей, писалъ Туродѣевъ,—при моемъ животѣ въ томъ монастырѣ Бога молить, а послѣ моего живота въ Синодикъ меня написать и въ литею душу мою поминать, доколѣ Богъ благоволитъ міру сему быти и святые сей обители».

Примѣру Туродѣева въ 1596-мъ году послѣдовали братья Ѳедоръ да Гурей Сазоновы. «Отдали есми, писали они,—отца своего благословеніе, дворъ и гумно и пашню, игумену Иринарху съ братьею, куда хаживала отца нашего соха и топоръ и коса»... [2])

Съ наступленіемъ смутной эпохи миссіонерская дѣятельность въ нашемъ краѣ пріостанавливается. Она снова и усиленно возникаетъ, благодаря патріарху Никону, при извѣстномъ Рязанскомъ архіепископѣ Мисаилѣ и Чернѣевскомъ архимандритѣ Василіи. Окончательное же обращеніе въ христіанство всей нашей Мордвы и мѣстнаго Татарскаго дворянства послѣдовало при Петрѣ 1-мъ и въ теченіе всей первой половины XVIII-го вѣка. Изъ эпохи Петра 1-го намъ извѣстны слѣдующіе Татарскіе мурзы —новокрещены, принявшіе православіе вслѣдствіе извѣстнаго царскаго указа отъ 1714-го года: Ишеевъ, Кашаевъ, Енгалычевъ, Татаевъ,

---

[1]) *Примѣчаніе*. Деревню Колунчака Енкѣева царь велѣлъ отдать Пурдышевскому монастырю.

[2]) *Примѣчаніе*. Всѣ эти земли, прикосновенныя къ монастырямъ Чернѣевскому и Пурдышевскому вмѣстѣ съ другими Шацкими и Темниковскими землями, мѣрилъ и описывалъ въ 1564-мъ году мѣрщикъ и писецъ Морозовъ.

Мустафинъ, Маматказинъ [1]). Всѣмъ имъ, *за воспріятіе христіанскія вѣры Греческаго закона*, даны были во владѣніе, въ крестьянство, отписные крестьяне и на нихъ *владѣнныя записи*. Но крестьяне долго своихъ помѣщиковъ не слушались, *въ платежахъ всякихъ податей и въ работахъ чинились противны и прикащиковъ со многимъ оружіемъ били смертно* [2]).

Изъ разныхъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи, напримѣръ боярскихъ и воеводскихъ отписокъ, намъ стало извѣстно также и то обстоятельство, что еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича въ нашемъ краѣ замѣтны были значительные прецеденты Петровской реформы. Въ нашихъ городкахъ стояли команды *рейтаръ драгунъ, гусаръ и солдатъ*, подъ начальствомъ нѣмецкихъ командировъ. Въ Лебедяни у насъ строились товарные струги и на нихъ, вмѣстѣ съ чинами Турецкихъ и Крымскихъ посольствъ, къ намъ привозили заморскіе товары. По случаю моровыхъ повѣтрій въ Крыму и Польшѣ въ нашемъ краѣ, какъ и по всей Россіи, учреждались карантины. Помѣщики и вотчинники въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича настойчивѣе прежняго привлекались къ государевой службѣ и поэтому на нашихъ *нѣтчиковъ* мѣстные воеводы хаживали облавами. Кадомскіе, Темниковскіе и Елатомскіе мурзы начали переходить въ христіанство и черезъ это становились въ ряды кореннаго русскаго дворянства, иногда даже подавляя его своею численностію и вліяніемъ [3]).

Заканчивая главу о Тамбовской лѣтописи и о дополненіяхъ ея по Московскому архиву министерства юстиціи, мы имѣемъ основаніе указать еще на два источника по давней

---

[1]) *Примѣчаніе.* Наиболѣе замѣчательныя выраженія изъ этого указа таковы: «басурманамъ крестьянами православной вѣры не владѣть. Владѣющіе же должны креститься *конечно въ помода*».

[2]) *Примѣчаніе.* Свѣденія эти заимствованы нами изъ *Шацкихъ дѣлъ*, поступившихъ въ распоряженіе Тамбовской архивной коммиссіи.

[3]) Архивъ министерства юстиціи, столбцы по государ. разр. архиву, книга 260 я.

исторіи Тамбовскаго края. Это—портфели Миллера, хранящіеся въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и рукописное отдѣленіе Московскаго Румянцевскаго музея. Въ одномъ изъ Миллеровскихъ портфелей такъ, напримѣръ, говорится объ основаніи нашего города Шацка: «въ 7061-мъ году царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси въ Мещерѣ въ Шацкихъ воротѣхъ велѣлъ поставить городъ съ Николина дни вешняго, а воеводы тогда были для береженья князь Дмитрій Семеновичъ Шестуновъ да Степанъ Григорьевичъ Сидоровъ, а городъ дѣлалъ Борисъ Ивановичъ Сукинъ, а какъ городъ сдѣлали и съ Ильина дни велѣно годовати въ Шацкомъ городѣ князю Ивану Өедоровичу Мезецкому».

Вѣроятно, подобныхъ лѣтописныхъ указаній у Миллера собрано не мало...

А изъ описанія рукописей Румянцевскаго музея мы видимъ, что край нашъ особенную тревогу испытывалъ въ 1633-мъ году, во время извѣстной Русско-Польской войны. Въ это время воеводамъ Лебедяни и Шацка приказано было *сидѣть и жить во всякомъ береженьи противъ Ляховъ и Литвы крѣпко.*

А будутъ вамъ посланы, утѣшало Московское правительство нашихъ воеводъ, *конные*, *людные*, *одѣтные и сбруйные люди.*

А нѣтчиковъ, прибавляли Московскіе бояре, *ищите для наказанія кнутомъ и отнятія вотчинъ.*

На все это отвѣты мѣстныхъ воеводъ были таковы: «на вѣсти и на сторожи и въ подъѣзды и въ проѣзжія станицы посылать некого, а которые явились и оружны—и тѣ великіе старцы и робята лѣтъ въ 10». [1])

Слѣдующія двѣ главы мы посвящаемъ вопросу о Калмыкахъ и Булавинскомъ движеніи. Полагаемъ, что и эти главы будутъ какъ бы объясненіемъ и развитіемъ нашей краткой лѣтописи.

---

[1]) Собраніе Историко-Юридическихъ актовъ Бѣляева, Д. Лебедева.

Калмыцкія дѣла.

Единственный Тамбовскій лѣтописецъ, говоря о безпрерывныхъ степныхъ набѣгахъ въ XVII-мъ столѣтіи на наши Тамбовскія и Шацкія украйны, подробно перечисляетъ Татарскія племена и указываетъ на Татаръ Крымскихъ, Ногайскихъ, Кубанскихъ и Азовскихъ. Между тѣмъ онъ же почти ни слова не говоритъ о Калмыцкихъ набѣгахъ, какъ будто ихъ не было, или же они были относительно безвредны. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ нашимъ предкамъ часто и отъ Калмыковъ была бѣда великая: Калмыцкіе хищники не меньше Татарскихъ убивали и арканили нашихъ полоняниковъ, жгли наши поселки и конями топтали наши жатвы. Не разъ внезапно и стремительно прорывали они наши *валовыя крѣпости*, избивая засѣчныхъ и иныхъ сторожей, и съ гикомъ и съ дикими возгласами появлялись скуластыя и узкоглазыя Калмыцкія лица передъ самыми крѣпостными Тамбовскими воротами, смущая наши малосильныя воинскія команды и ихъ воеводъ... Звонили у насъ тогда въ набатный колоколъ тревогу, становились пушкари, пищальники и стрѣльцы на стѣнахъ и башняхъ, близъ главныхъ воротъ выравнивались на всякій случай конные и пѣшіе казаки, а въ соборной Преображенской церкви служили молебны до тѣхъ поръ, пока Азіатскіе кочевники не уходили въ свои Приволжскія кочевья...

Деревянныя стѣны и башни Тамбовской крѣпости, свидѣтели Калмыцкихъ набѣговъ, давно уже сгнили, земляные валы обсыпались—и только одна у насъ есть историческая святыня, относящаяся къ описываемому времени, это над-

воротная, крѣпостная икона распятія Христа Спасителя; икона эта въ настоящее время украшаетъ лѣвую стѣну нижней церкви каѳедральнаго собора... Да еще уцѣлѣла въ соборной ризницѣ фелонь приснопамятнаго Тамбовскаго епископа Питирима, въ которой, можетъ быть, нашъ святитель совершалъ богослуженіе въ осадные дни своего престольнаго города... Да, смутные и тяжелые были прежніе наши годы. И я еще со временъ своего дѣтства живо помню филологическое, правда слишкомъ смѣлое, объясненіе названія нашего города. Тамбовъ—это значитъ: *тамъ былъ бой*, тамъ кровь лилась, тамъ стоны слышались, и дико—побѣдные клики побѣдителей, когда наши, когда чужіе...

Восполняя именно эту относительно Калмыковъ крупную недомолвку нашего Тамбовскаго лѣтописца, мы на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, намѣрены сказать нѣсколько словъ о появленіи Калмыковъ въ русскихъ предѣлахъ и объ ихъ набѣгахъ на Тамбовско-Шацкій край. Своей замѣткѣ мы даемъ вышеписанное наименованіе потому, что именно такъ озаглавлены наши Московскіе источники.

Русскіе Калмыки, такъ называемые Торгоутскіе, издавна жили въ глубинѣ Средней Азіи по верховьямъ Амура, Или и Иртыша и перешли въ нижнее Поволжье въ 1630-мъ году подъ предводительствомъ своего хана Хорлюка, и шести его сыновей и многочисленныхъ нойоновъ, т. е. князей. Они вышли изъ Китая въ составѣ 50,000 кибитокъ, откочевали къ Волгѣ, покорили Ногайцевъ и безцеремонно стали грабить также и Русскихъ... Такимъ образомъ отплатили они русскому государству за его гостепріимство. И мы не знаемъ, чему въ данномъ случаѣ болѣе удивляться: необузданной ли наглости полудикихъ Азіатовъ, или же чрезвычайной терпѣливости и уступчивости Московскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, приведенный нами фактъ изъ исторіи нашихъ отношеній къ Калмыкамъ долженъ быть объясненъ между прочимъ тѣмъ, что въ XVII-мъ столѣтіи правительственная энергія почти исключительно расходовалась внутри государства, а для окраинъ ея ужъ не хватало...

Въ 1640-мъ году Харлюкъ умеръ. Преемникомъ его былъ сынъ его Шукуръ-Дайчингъ, при которомъ былъ съѣздъ всѣхъ Калмыцкихъ нойоновъ для составленія *письменнаго уложенія*.

Въ 1646-мъ году Калмыкамъ дано было царское позволеніе свободно кочевать по нижней Волгѣ, а Калмыцкихъ купцовъ не велѣно было обижать и воспрещено было дѣлать имъ *какія либо зацьпки и задержаніе*.

По смерти Шукуръ-Дайчинга Калмыцкимъ ханомъ сдѣлался сынъ его Пунцукъ. При немъ изъ Китая на Волгу пришли еще 3000 кибитокъ. Пунцукъ умеръ въ 1669-мъ году въ самый разгаръ извѣстнаго казацко-крестьянскаго движенія, передавъ правленіе своею ордою Аюкѣ, при которомъ изъ Китая откочевала къ Волгѣ еще тысяча кибитокъ. Въ 1670-мъ году Аюка близъ Астрахани истребилъ цѣлый стрѣлецкій полкъ, затѣмъ покорилъ Мангишлакскихъ Туркменъ и уже послѣ того съ большимъ трудомъ приведенъ былъ *подъ высокую царскую руку въ вѣчное подданство*. Аюка-тайша и всѣ Приволжскіе Калмыцкіе нойоны дали Астраханскому воеводѣ боярину князю Якову Никитичу Одоевскому клятвенное обѣщаніе *прямить и служить великому государю и съ пограничными воеводами быть въ любви и совѣтѣ*. За это царь Алексѣй Михайловичъ ихъ пожаловалъ, повелѣлъ выдавать Калмыкамъ ежегодное денежное жалованье, но нѣкоторые Астраханскіе и Царицынскіе воеводы были такъ разсѣянны, что Калмыцкое жалованье удерживали у себя. Бывало и еще хуже. Такъ, однажды ѣхалъ изъ Астрахани въ Москву бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій съ ратными людьми и *межъ Чернаго Яру и Царицына Калмыцкій улусъ и Калмыцкихъ людей погромилъ, да въ полонъ взялъ 15 человѣкъ, да онъ же взялъ 50 лошадей и коровъ и барановъ, и то учинилъ умысля съ княземъ Одоевскимъ*. Вслѣдствіе этого немедленно начались со стороны Калмыковъ сильные набѣги. Чаще всего они грабили нашу юго-восточную украйну, приходили на Усмань, Тамбовъ и Козловъ и *многихъ людей имали и побивали и*

арканами въ плѣнъ волочили, отговаривались передъ царскими гонцами тѣмъ, что царскаго обѣщаннаго жалованья они не получали [1]). *И отъ тое непрестанныя войны крестьяне оскудѣли въ конецъ и врознь брели*. Или же прятались въ нашихъ крѣпостяхъ, *а которые дуростію своею и самовольствомъ медлили и тѣхъ ловили и насильно везли въ крѣпости*.

Чтобы прекратить Калмыцкіе набѣги, 6 іюля 1672 года въ ихъ улусы отправленъ былъ гонцомъ дьякъ Михаилъ Барановъ. Онъ долженъ былъ договориться съ Аюкой—тайшей *о вѣчномъ доконча́ньи* и звать его съ нойонами въ Астрахань на съѣздъ.

Съ Барановымъ Калмыкамъ послано было щедрое царское жалованье: 10 ведеръ вина, 100 калачей, 5 пудовъ табаку, да *сверхъ окладу 300 рублевъ и платяную казну*.

Посольство Баранова увѣнчалось успѣхомъ. Аюка съ братьями Мамутомъ и Мелюшемъ принялъ его въ своей кибиткѣ, сидя на коврахъ и окруженный многочисленными родственниками, и далъ ему *шерть* на вѣчное холопство царю и великому князю. *А отъ Крымскаго хана*, прибавлялъ Аюка,—*мы совсѣмъ отстали и вашихъ украинныхъ городовъ воевать не будемъ, а будемъ ходить на государскихъ непріятелей, Крымскихъ и Черкасскихъ*.

Астраханскій съѣздъ былъ въ февралѣ 1673 года. Послѣ первыхъ привѣтствій, обращенныхъ къ царскимъ воеводамъ, Аюка—тайша торжественно и, по видимому, искренно сказалъ: «Дай Господи, великій государь Алексѣй Михайловичъ и благородные царевичи здравы были бъ на многія лѣта».

Воеводы встали съ своихъ мѣстъ и раскланялись съ Аюкой, который между тѣмъ продолжалъ:

— На враговъ царскаго величества ходить мы готовы, не измѣнять, зла не дѣлать и не мыслить. И на украин-

[1]) *Примѣчаніе*. Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ рукописи статскаго совѣтника Василія Бакунина, написанной въ 1761-мъ году. Рукопись хранится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ные города не ходить, людей не побивать и въ полонъ не имать и лошадей не отгонять и ни какихъ задоровъ не чинить.

На эти слова бояринъ Я. Н. Одоевскій отвѣчалъ:

— Твоя, Аюки—тайши, государская служба и радѣнье великому государю будутъ извѣстны и учнетъ государь тебя и Калмыковъ держать въ своемъ государскомъ денежномъ и всякомъ жалованіи.

Переговоры кончились торжественнымъ и клятвеннымъ обѣщаніемъ со стороны русскихъ оборонять Калмыцкіе улусы и пастбища отъ Башкиръ, Татаръ, всякихъ горскихъ и иныхъ народовъ. А Калмыки съ своей стороны *шерть учинили на вѣчное подданство царю и великому князю и къ шертной записи руки приложили.* И въ доказательство своей покорности Московскому Правительству немедленно и безплатно возвратили воеводамъ русскихъ полонянниковъ.

Наиболѣе торжественный обрядъ шертной присяги совершилъ самъ Аюка. *За всю Калмыцкую орду, за дѣтей и внучатъ своихъ*, говорится въ статейномъ спискѣ князя Я. Н. Одоевскаго,—*Аюка—тайша по своей Калмыцкой вѣрѣ кланялся богу своему Бурхану и цѣловалъ его и молитвенную книгу и четки, и саблю на голову свою клалъ и къ горлу прикладывалъ.*

Послѣ присяги началась Калмыцкая служба, которую совершалъ старшій Калмыцкій лама. Ламу близъ походнаго хурула съ музыкой встрѣтило многочисленное подчиненное ему духовенство.

Калмыцкіе жрецы изо всей силы били въ мѣдныя тарелки, звонили въ колокольчики разной величины и играли въ большія мѣдныя и малыя серебряныя трубы, они же гремѣли барабанами, дули въ раковины, вертѣли органы и заливались на скрипкахъ. При звукахъ этой оглушающей музыки медленно и важно двигались ко входу въ хурулъ разныхъ ранговъ ламы. На самыхъ знатныхъ изъ нихъ были надѣты парчевыя и стаместовыя, красныхъ и желтыхъ цвѣ-

товъ, юбки, а на головахъ у нихъ высились шапки съ треухами.

По выходѣ изъ хурула Аюка съ знатнѣйшими нойонами и ламами позванъ былъ воеводами къ столу. Во время пиршества зашли рѣчи о Калмыцкой вѣрѣ. Одинъ лама такъ богословствовалъ: «боговъ на свѣтѣ много, а главный изъ нихъ Цой-Джингъ и живетъ онъ на воздухѣ, плоти не имѣетъ, во мгновеніе ока можетъ семь разъ перевернуться вокругъ вселенной. Этотъ-то великій богъ, по молитвамъ ламъ, поселяется въ особ[illegible] Далай—Ламы».

Въ концѣ пира ламы [illegible] развеселились. Самъ Аюка—тайша, на котораг[illegible]ердно налегали гостепріимные воеводы, раскра[illegible]ированный Московскою любезностію, громко и [illegible]*нельно* началъ выражать свою привержені[illegible] Алексѣю Михайловичу. На *любительныя* слов[illegible] тайши взялся оффиціально и торжестве[illegible] самъ князь Одоевскій. Онъ говорилъ тоже, [illegible], только пространнѣе и такъ сказать *истови*[illegible]

— «Дай Господ[illegible]ъ, государь нашъ царь и великій князь во св[illegible]ь государствахъ превысочайшаго россійскаго [illegible] многія лѣта здравъ бы былъ и счастенъ и недругамъ своимъ страшенъ, чтобы всѣ великіе государи, христіанскіе и бусурманскіе, приносили достойную почесть Его Царскому Величеству, чтобъ его царская рука высилася и имя его славилось отъ моря и до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя надъ всѣми недруги его къ чести и повышенію Его Царскаго Величества имени, а къ преславнымъ его царствамъ къ прибавленію и расширенію, чтобъ всѣ подъ небеснымъ свѣтомъ Его Царскому Величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ; и просимъ у Бога, чтобъ Его Царскаго Величества прекрасно цвѣтущія и младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія благородное сѣмя и наслѣдіе были бъ нескончаемы на вѣки безъ урывку. А на насъ бы на рабѣхъ его отъ пучины премудраго Царскаго разума и милостиваго права неоскудныя

рѣки милосердія изливалися бы выше прежняго, а виннымъ была бъ пощада и долготерпѣніе, и во всѣхъ великихъ его государствахъ всему бъ христіанству былъ покой и тишина и благоденство. А наипаче бъ Господь Богъ устроилъ святыя свои церкви тихи и немятежны и святая вѣра сіяла бъ во вселеннѣй превыше всѣхъ вѣръ во вѣки вѣковъ. Аминь».

Русскіе и Калмыки разъѣхались изъ Астрахани, повидимому, искренними друзьями. О Русско-Калмыцкомъ *докончаньи* посланы были въ украинные города указы и *учиненъ былъ о томъ заказъ крѣпкій подъ смертною казнію*. Князь Одоевскій и Аюка-тайша подписали торговый договоръ, по которому *улусные люди стали пригонять лошадей и всякій домашній скотъ на городъ Тамбовъ, на торгъ*. Изъ этого договора мы видимъ, что нашъ городъ въ концѣ XVII-го столѣтія былъ средоточіемъ мѣновой Русско-Калмыцкой торговли, чего прежніе наши источники еще не сообщали...

Кончились Астраханскія пиршества. Калмыки, по искониному средне-азіатскому обычаю, быстро успѣли позабыть боярскую хлѣбъ-соль и государево жалованье. Въ ихъ кибиткахъ снова пошли *сумнительныя* рѣчи и снова вся наша юго-восточная украйна озарилась заревомъ отъ многочисленныхъ пожаровъ и огласилась воплями убиваемыхъ Калмыками нашихъ обывателей и побѣдными криками среднеазіатскихъ хищниковъ... Это видно изъ статейнаго списка *дьяка и стряпчаго Кузьмы Петровича Козлова*, который въ 1675-мъ году былъ посланъ изъ Москвы гонцомъ къ Аюкѣ—тайшѣ. Отъ царскаго имени Козловъ уговаривалъ Калмыковъ идти всѣми улусами на Крымъ и подъ Азовъ, сообща съ Гребенскими казаками и Донскими атаманами, *для промыслу, поиску и разоренья*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же напоминалъ тайшѣ и нойонамъ: «ваши тайшины Калмыки, собрався человѣкъ по сту и по двѣ и больши, подбѣгаютъ подъ Его Царскаго Величества украинные городы и воруютъ, городки, села и деревни разоряютъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ и пашенныхъ людей рѣжутъ и въ полонъ берутъ и табуны отгоняютъ многіе. И ты бъ Аюка-тайша тѣхъ воровъ

сыскавъ велѣлъ казнить смертію, чтобъ воровать имъ было неповадно».

Козловъ пріѣхалъ въ улусы съ царскими подарками. Онъ привезъ туда 105 рублей, красный кумачный шатеръ, соболей на 50 рублей, всякихъ *пѣсковъ и нитій и въ грамотѣ царское милостивое слово*. Возвращаясь въ Москву, онъ ѣхалъ на Царицынъ, Саратовъ, Тамбовъ и Козловъ и дорогой передавалъ нашимъ украйннымъ воеводамъ царскій приказъ дѣйствовать заодно съ Калмыками. Велѣдъ за Козловымъ по тому же тракту прослѣдовалъ къ Московскому двору Калмыцкій гонецъ Эркай. Съ нимъ была многочисленная свита: однихъ кашеваровъ было 18 человѣкъ; и вся эта толпа щедро кормилась на царскій счетъ и вѣроятно высматривала тѣ пути, по которымъ въ слѣдующій наѣздъ удобнѣе было бы напасть на наши степные поселки, укрѣпленные слабыми деревянными *надолобами*.

Гонецъ Эркай допущенъ былъ къ Царю и говорилъ ему отъ имени Аюки такія рѣчи: «великій государь, будь здравъ на многія лѣта, а я тебѣ великому государю заслужу, какъ укажешь; только ты, великій государь царь, пожалуй меня, пришли мнѣ 100 рублей денегъ да лисицу черную, да 100 жемчужинъ, кречетовъ, пороху и свинцу».

Калмыцкая просьба выслушана была благосклонно. Въ Калмыцкіе улусы снова посланы были дворяне Приклонскій, Климовъ и Черниковъ и толмачъ Кучумовъ. Безполезные переговоры все затягивались. Калмыки забирали у гонцевъ всякую рухлядь: бархатныя шапки, сафьянные сапоги, камчатные кафтаны, бѣльчьи шубы и, вмѣсто благодарности за это, при первомъ удобномъ случаѣ снова грабили русскихъ. Судя по воеводскимъ и боярскимъ *отпискамъ*, Калмыки болѣе или менѣе свободно грабили во всемъ обширномъ районѣ нынѣшнихъ губерній Пензенской, Саратовской, Астраханской, Воронежской и Тамбовской. Чаще всего на эту тему писали въ Москву Тамбовскіе воеводы Яковъ Хитровъ и князь Петръ Хованскій, Ломовскій воевода Камынинъ, Воронежскій - Бухвостовъ и вообще всѣ воеводы по

черть. «Деревянныя наши крѣпости жаловались они,—тѣ Калмыки посѣкли, порубили и пожгли».

14, 15 и 16 августа 1675 года былъ особенно сильный Калмыцкій набѣгъ на окрестности города Козлова. Въ это время всѣ караулы по *Козловской черть* были вырѣзаны, пашенные крестьяне съ женами и дѣтьми взяты въ плѣнъ и уведены за Волгу, домашній скотъ или угнанъ или истребленъ, а сельскія и деревенскія постройки до тла сожжены. Объ этомъ далъ знать въ Козловъ воеводѣ Пашкову прибѣжавшій туда 17 августа *попъ Ѳеодоръ*, который и самъ едва едва спасся отъ разбойниковъ, между тѣмъ какъ семью его полонили, а имущество до чиста разграбили. Козловскій воевода наскоро собралъ своихъ стрѣльцовъ и казаковъ и погнался въ степи за Калмыками, но ихъ уже и слѣдъ простылъ...

Надобно замѣтить, что Калмыцкая Торгоутская орда представляла въ гостепріимной для нея Россіи весьма странное явленіе. Она считалась въ Московскомъ подданствѣ и ея тайши именовались царскими вѣрными слугами и холопами, и она же нерѣдко бывала, какъ мы говорили, какъ бы воюющею страною, съ которою Московскіе дипломаты договаривались, руководствуясь инструкціями изъ посольскаго приказа... Такое неопредѣленное положеніе, свидѣтельствующее о слабости внѣшней Московской политики XVII вѣка, особенно тяжело отзывалось на нашей обширной юго-восточной украйнѣ...

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича Астраханскій воевода князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ снова устроилъ Калмыцко-Русскій дипломатическій съѣздъ. При этомъ Калмыки обязались *принимать Московскихъ посыльщиковъ съ великою честію, вставъ и снявъ шапку*. Впрочемъ, дружба наша съ Азіатскими кочевниками, по обыкновенію, продолжалась недолго. Въ 1678 году Калмыки ходили заодно съ Русскими полками въ количествѣ трехъ тысячъ всадниковъ подъ Чигиринъ, а въ 1681—82 и 83 гг. Аюка—тайша, соединившись съ Татарами и Башкирами, громилъ

опять наши украинныя поселенія: Тамбовскія, Саратовскія, Казанскія, Уфимскія и Воронежскія, и все по пути жегъ, Русскихъ людей въ полонъ бралъ, домашнюю скотину и лошадиные табуны отгонялъ, и отрѣзалъ отъ Москвы Астрахань. Въ это время на Калмыцкую орду ходило все Донское войско и въ 1684 году принудило ее къ миру. Мирный договоръ заключилъ князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ.

Настоящее умиротвореніе Калмыковъ совершилось при Петрѣ Великомъ. Въ 1696 году Аюка—тайша, по царскому указу, ходилъ съ тремя тысячами всадниковъ подъ Азовъ. Въ 1705 году онъ же помогалъ Борису Петровичу Шереметьеву усмирять извѣстный Астраханскій бунтъ. Въ 1708 году Калмыки пошли было на Шведовъ и Башкирцевъ, но раздумали: отчасти присоединились къ бунтовщикамъ, отчасти вернулись въ улусы и дорогой захватили много плѣнныхъ, Измѣнническая политика Калмыковъ съ особенною рѣзкостію обнаружилась при усмиреніи Булавинскаго движенія. Только спуску за это имъ не было; Петръ 1-й не любилъ своевольниковъ и улусы Калмыцкіе разорилъ, плѣнныхъ освободилъ и *навсегда* смирилъ орду. Съ этого времени Калмыки разбойничали только мелкими партіями и для нашей украйны уже не представляли никакой серьезной опасности. Случалось, въ ихъ улусахъ бывали голодовки. Тогда они толпами шли на Тамбовъ... Продавать дѣтей въ рабство, или же креститься... Вотъ почему въ прошломъ столѣтіи наиболѣе богатые и прихотливые наши помѣщики непремѣнно въ дворовой своей свитѣ имѣли Калмыковъ и Калмычатъ. И вотъ почему мѣстный великорусскій типъ такъ сильно поражаетъ иногда Монгольскими чертами.

Въ настоящее время Калмыцкая орда, когда-то столь грозная, скромно и совершенно невинно обитаетъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи и земли Донскаго войска, привлекая вниманіе своихъ Русскихъ сосѣдей исключительно этнографическою и религіозною оригинальностію, да изумительнымъ богатствомъ Тибетскихъ церковно-Богослужебныхъ книгъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ по нашимъ пустырямъ носились хищныя Калмыцкія ватаги, много пронеслось годовъ, принесшихъ отечеству не мало и счастья и бездолья; измѣнились условія жизни; надъ тучными нивами Тамбовскими лишь облака небесныя, да вольныя залетныя птицы, да русская пѣсня удалая носится; мирно пахарь нашъ и всякій иной обыватель дѣлаетъ свое дѣло, и тѣмъ пріятнѣе вспомнить намъ давноминувшую бранную тревогу, какъ путнику тѣмъ радостнѣе послѣ бури попасть въ уютный и теплый уголокъ.

Переходимъ къ вопросу о Булавинскомъ движеніи.

III.

Булавинское движеніе въ Тамбовскихъ предѣлахъ.

1708-й годъ, безъ вся [illegible] ія, принадлежитъ къ числу самыхъ политически [illegible] вообще тяжкихъ для Тамбовскаго народонаселен [illegible] То было время, когда по всему Донскому и отч [illegible] кому бассейну на всей Казацкой волѣ буйствов [illegible] Булавинцы. Волею и неволею шли за ними и [illegible] овскіе, Козловскіе, Усманскіе, Борисоглѣбскіе [illegible] няки, покидая свои привольныя нивы, своихъ [illegible] ѣтей, свои бревенчатыя *изъ облаго лѣсу жил* [illegible] *и худобу*... Шли они, эти слѣпые и подневол [illegible] за счастьемъ—за волей и разными угодьями, [illegible] замѣсто того и чаще всего свою погибель: то въ шир [illegible] мъ полѣ, въ бою съ царскими служилыми людьми, складывали они свои буйныя и неразумныя головы, то въ разныхъ застѣнкахъ среди лютыхъ мукъ суроваго XVIII-го вѣка расплачивались они за свои ошибки, за умственно-нравственную незрѣлость свою,—и приносили кровавую дань суровому вѣку...

Память объ этихъ грозныхъ временахъ, забытая нашими современниками, живо однако сохраняется въ нѣкоторыхъ столичныхъ государственныхъ архивныхъ хранилищахъ, между прочимъ и въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Мы пользовались документами этого послѣдняго учрежденія, именно воеводскими *доношеніями изъ разряду въ ближнюю канцелярію*. И вотъ результаты нашей работы, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на былую тяжкую годину нашихъ предковъ—Тамбовцевъ, какъ видно—не вдругъ освоившихся съ суровыми Московскими порядками и съ вож-

дѣленіемъ помышлявшихъ о казацкихъ общинныхъ обычаяхъ и о народно-земской волѣ.

Къ осени 1707-го года въ Донской землѣ скопилось множество бѣглыхъ *голутвенныхъ* людей, которые въ казацкихъ необозримыхъ степяхъ и подъ защитою казацкихъ вольныхъ обычаевъ искали полнаго простора, котораго не давалъ имъ суровый царь—преобразователь, донимая свою землю рекрутчиной, даровой работой и усиленной податью... Эти бѣглецы по степени своего умственнаго развитія и по самому своему нравственному складу никакъ не могли проникнуть въ великіе царскіе замыслы, идеальная и государственная сторона которыхъ совершенно и непосредственно закрывалась для нихъ крайне суровою дѣйствительностію. Для поимки бѣглецовъ царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ на Донъ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, который, угождая суровому своему повелителю, сталъ дѣйствовать слишкомъ быстро и рѣшительно. И вотъ вся казацкая земля, давно уже недовольная Москвою, по всему бассейну *тихаго* Дона заволновалась. Удалые станичники угрюмо сравнивали прежнюю волю свою съ тогдашнею неволею и потихоньку сговаривались при случаѣ постоять за давнюю казацкую привиллегію—принимать къ себѣ невозбранно всякихъ бѣглыхъ людей, государевыхъ и вотчинныхъ. Сигналъ къ открытому мятежу поданъ былъ Бахмутскимъ атаманомъ Кондратіемъ Афанасьевымъ Булавинымъ, у котораго дѣятельнѣйшими помощниками были слѣдующіе казаки: Игнатій Некрасовъ, Лука Хохлачъ, Семенъ Драный и Сергѣй Беспалый. 9-го октября 1707-го года Бахмутская казацкая ватага съ самимъ Булавинымъ во главѣ напала на Долгорукаго и истребила весь его отрядъ и его самого. Съ этого времени мятежъ быстрѣе и быстрѣе сталъ распространяться во всѣ стороны, захватывая теченіе средней и нижней Волги, Нижней Оки, Днѣпра, Десны, Самары, Медвѣдицы, Бузулука, Хопра, Воронежа, Вороны и Цны. Мятежники проникли далеко на сѣверъ и *межъ Кинешмы и Юрьевца Повольскаго стали многолюдствомъ и проѣзду не дава-*

ли. И близъ Нижняю на стругахъ промышленниковъ и цѣловальниковъ били и отъ такого воровства государевы рыбные промыслы остановились. Нижегородскіе воеводы поэтому совершенно справедливо опасались, какъ бы не было такого *бунту, какъ и въ прошлыхъ годѣхъ, при Стенькѣ Разинѣ.* Къ веснѣ 1708-го года Булавинъ на столько окрѣпъ, что рѣшился открыто напасть на самого Черкасскаго атамана Лукьяна Максимова, у котораго отнялъ царскую казну, нарядъ и зелье, при чемъ многіе дотолѣ вѣрные Петру казаки *добровольно* перешли на сторону мятежниковъ. Это было 8-го апрѣля. А 1-го мая Булавинцы штурмовали уже городъ Черкасскъ, взяли его, атаману и старшинамъ Черкасскимъ отсѣкли головы и всѣхъ Черкасцевъ принудили присягнуть себѣ («привели къ вѣрѣ»). Въ это время подъ начальствомъ Булавина въ строю было 15,000 человѣкъ. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ на нашей юго-восточной окраинѣ становилось слишкомъ серьезнымъ и грознымъ. Затрудненія усложнялись еще только что потухавшимъ Башкирскимъ возстаніемъ и надвигавшеюся съ запада изъ Польши Шведскою грозою... Было надъ чѣмъ призадуматься Петру Алексѣевичу, но тѣмъ сильнѣе возбуждалась необыкновенная энергія нашего царя—работника, выроствшаго свою имперію среди бѣдъ и затрудненій, почти непобѣдимыхъ.

Въ мартѣ 1708-го года казацкое движеніе настолько захватило Тамбовскую провинцію, что съ трудомъ поддерживались сношенія Тамбовскаго воеводы Данилова съ Козловскимъ воеводою княземъ Григоріемъ Волконскимъ. Жители нашихъ городовъ со страхомъ ожидали казацкаго нашествія, потому что мѣстнымъ воеводамъ лазутчики дали знать о намѣреніи Булавина *во многолюдствѣ придти подъ Тамбовъ и Козловъ для разоренья.* А между тѣмъ въ Тамбовѣ войска было только 100 человѣкъ; не болѣе того было вѣроятно и въ Козловѣ; правительственная помощь по Московскому обычаю замедлялась; большинство городскихъ и посадскихъ жителей возбуждало сомнѣніе въ

ихъ политической благонадежности, и *многіе Тамбовцы и Козловцы*, по словамъ Григорія Ивановича Волконскаго, *склонились къ воровской прелести*, стали на переправахъ и проѣздахъ и ловили царскихъ людей.

Въ ожиданіи Булавинскаго нападенія князь Волконскій сдѣлалъ въ Козловѣ войску и жителямъ смотръ и вотъ что писалъ онъ впослѣдствіи по этому поводу въ ближнюю канцелярію: «Козловцевъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей я собралъ и началъ смотрѣть, при которомъ смотрѣ изъ нихъ явилось старыхъ и страмныхъ и въ осадное сидѣнье негодныхъ многое число, а въ службу годныхъ явилось немногое число и безоружны; а хотя ружье и будетъ имъ роздано и они тѣмъ ружьемъ владѣть и палить безъ науки не умѣютъ и за тѣмъ въ отпорѣ будетъ остановка» [1]).

Въ апрѣлѣ Тамбовско-Козловская тревога усилилась вслѣдствіе новыхъ угрожающихъ слуховъ съ береговъ Дона. Козловскіе лазутчики доносили своему воеводѣ, что *воръ Булавинъ, собрався въ пристанскомъ городкѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ, сухимъ путемъ и водою пошолъ на Черкасскъ и Азовъ*. Съ нимъ, по словамъ тѣхъ же лазутчиковъ, были Хоперскіе, Бузулуцкіе, Медвѣдицкіе и иные казаки, и кромѣ того бурлаки, Тамбовцы и всѣ казенные судорабочіе Донскаго бассейна. На Тамбовскихъ и Козловскихъ площадяхъ толпами сталъ собираться народъ и отъ разныхъ заѣзжихъ людей охотно выслушивалъ между прочимъ такія новости: «Кондратій Афанасьевичъ скоро пойдетъ до самой Москвы и во всѣхъ россійскихъ городахъ выведетъ бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ».

Другіе къ этому прибавляли: «Теперь по атаманскому приказу земли намъ не пахать и хлѣба на государеву казну не сѣять, никуда не отлучаться и ждать перемѣнъ».

Охотно выслушивались толпою и извѣстныя Астрахан-

[1]) Для обученія Козловцевъ военному искусству князь Волконскій требовалъ изъ Москвы старыхъ служилыхъ людей *человѣкъ съ 30*, а для починки попорченнаго оружія вызывалъ изъ Тулы пятерыхъ слесарей и двухъ станочниковъ.

скія бредни Стеньки Москвитянина: «царь у насъ теперь подмѣнный, перемѣнилъ вѣру, носитъ нѣмецкое платье и велитъ брить бороды».

Въ это же время по нашимъ городамъ и селеніямъ читались подметныя Булавинскія письма слѣдующаго страннаго содержанія: «атаманы молодцы, голь кабацкая, голытьба непокрытая, дорожные охотнички и всякіе черные люди! Кто похочетъ съ атаманомъ со Кондратьемъ Афанасьевичемъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить-поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на вершины [illegible] а худымъ людемъ, и князьямъ, и боярамъ и нѣ [illegible] хъ злое дѣло не спущайте, а своихъ людей, по [illegible] торговыхъ, не троньте, а буде кто напрасно ста [illegible] бижать, и тому чинить смертную казнь».

Такимъ образомъ въ [illegible] аяхъ повторялась Разиновщина и предначина [illegible] вщина: тѣ же дѣятели, тѣ же побужденія къ [illegible] едства и цѣли, и таже первоначальная прави [illegible] вялость въ подавленіи мятежа... Тогда, по [illegible] разныхъ слуховъ и подметныхъ писемъ, поч [illegible] ъ селахъ Тамбовской провинціи жители назвал [illegible] и, выбрали своихъ атамановъ и есауловъ и [illegible] стали собираться *въ круги* для обсужденія разныхъ благопріятныхъ Булавину мѣропріятій. Дерзость Булавинцевъ въ Козловѣ и его уѣздѣ выразилась между прочимъ въ томъ, что Донской казакъ Зиновей Борыбинъ *многихъ Козловцевъ склонилъ въ злое согласіе и къ вѣрѣ привелъ и выбралъ атамана изъ Козловцевъ же*. Слѣдовательно въ городѣ Козловѣ, рядомъ съ представителемъ царской власти, уживался, конечно тайно, и Булавинскій представитель, дѣятельность котораго, судя по нашимъ документамъ, выражалась главнымъ образомъ въ заготовленіи для мятежниковъ *стрѣльнаго и огненнаго* оружія и въ возбужденіи и поддерживаніи возстанія. Этимъ другимъ Козловскимъ начальникомъ былъ нѣкто казакъ Скрылевъ. Полномочія его простирались на весь Козловскій

уѣздъ и держали весь мирный народъ въ значительномъ страхѣ.

Въ описываемое нами время въ Тамбовскомъ уѣздѣ были *государевы драгунскіе дворы*, на которыхъ разводились табуны породистыхъ лошадей для дворцовыхъ и военныхъ потребностей. И всѣ они сдѣлались *воровскою* добычею. Похитителемъ царскихъ табуновъ былъ извѣстный Лука Хохлачъ, который до возстанія служилъ царю въ званіи атамана Бузулуцкаго и Островскаго городка. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1708-го года этотъ мятежникъ съ летучею станицею въ 300 человѣкъ наводилъ ужасъ на всѣ села по Цнѣ съ притоками и по Битюгу: «всѣ тѣ селенія, говорится въ отпискахъ князя Волконскаго, тотъ воръ Лучка Хохлачъ разорялъ и онъ же сжегъ всѣ казенные корабельные припасы, и кто казался ему Хохлачу подозрительнымъ, тѣхъ онъ приказывалъ *перенимавъ сажать въ воду*». Это обстоятельство, что казачья станица въ 300 человѣкъ наводила ужасъ на нѣсколько уѣздовъ, объясняется конечно тѣмъ, что у Булавинцевъ въ нашемъ краѣ вездѣ были болѣе или менѣе явные и усердные единомышленники. 16-го апрѣля 1708-го года князь Волконскій писалъ князю Меньшикову («свѣтлѣйшему римскаго и россійскаго государствъ князю Ижорскому, и генеральному губернатору надъ провинціями Ингріею и Эстляндіею, Его Царскаго Величества государственныхъ тайныхъ дѣлъ министру, и генералу главному надъ всею кавалеріею, кавалеру и подполковнику Преображенскаго регименту, и капитану компаніи бомбардирской отъ первѣйшей гвардіи, и полковнику надъ двумя конными и надъ двумя пѣшими полками—А. Д. Меньшикову»): «марта въ 30-ое число пришли на Бетюкъ воровскіе люди съ Хопра, сказываются Донскіе казаки, человѣкъ съ 200 и воеводу Ѳедора Тинкова и попа и подъячихъ и иныхъ многихъ Бетюцкихъ жителей разграбили и воеводу держутъ скована и волостныхъ людей къ себѣ призываютъ и хотятъ воеводу на градскихъ вратахъ повѣсить; и многіе бурлаки къ тѣмъ ворамъ пристали, которымъ они ружья и лошади дали; *а Бетюцкаго бурмистра*

въ томъ городѣ пытали, привязавъ къ двумъ лошадямъ къ хвостамъ волочили сквозь окно». Даже въ самомъ Тамбовѣ многіе посадскіе жители не слушались: воеводы Данилова: въ крѣпость не шли, молебнаго пѣнія о дарованіи царю побѣды слушать не хотѣли и не скрываясь выражали удовольствіе по поводу Булавинскихъ успѣховъ... Въ такомъ положеніи дѣла были у насъ въ теченіе всего марта и до конца апрѣля.

Всеобщая паника въ нашемъ краѣ была причиною того, что поставка казеннаго провіанта съ Козловскихъ и Тамбовскихъ обывателей въ количествѣ 10,844 четвертей ржи, муки и крупъ, назначенная въ Азовѣ и Воронежѣ на 13-ое апрѣля, не состоялась и *того окладного и запросного провіанта съ двѣнадцати тысячъ пяти сотъ сорока четырехъ Тамбовскихъ и Козловскихъ дворовъ ничего не явилось*. Отъ этого царскіе служилые люди терпѣли голодъ и оборона нашего края ослабѣвала и замедлялась. Въ то же время Воронежскій вице-губернаторъ Степанъ Колычовъ, подъ начальствомъ котораго состояли всѣ воеводы Тамбовской провинціи, такъ перепугался по поводу Булавинскихъ успѣховъ, что съ цѣлымъ пѣхотнымъ полкомъ заперся въ городѣ Воронежѣ, *якобы для охраненія кораблей*. «Воръ Кондрашка Булавинъ, отписывался онъ впослѣдствіи,— во многособранномъ людствѣ имѣетъ воровскую свою станцію въ устьѣ рѣки Хопра, и тѣмъ кораблямъ, которые опредѣлены въ Азовъ, есть многое опасеніе, чтобъ надъ ними тѣ воры какой шкоды не учинили». На этомъ основаніи Степанъ Колычовъ *ограничился самымъ тѣснымъ сидѣньемъ* и до самаго конца Булавинскаго бунта какъ бы не существовалъ для края. А Булавинцамъ то и надо было, и они съ малыми силами свободно хозяйничали въ Воронежской провинціи, кстати набѣгая и въ Тамбовскіе предѣлы. Такъ 30-го марта въ село Бобровское пріѣхали Булавинцы въ количествѣ ста человѣкъ и *великаго государя денежную казну и лошадей разграбили, и всякія приказныя письма изодрали, и кабацкаго голову пытали, и многіе дома ра-*

зорили, и колодниковъ распустили, а иныхъ взяли съ собою. По окончаніи грабежа, мятежники вспомнили про Бобровскаго атамана Лукьяна Михайловича и били его *смертнымъ боемъ и оставили едва жива.* И въ то время Тамбовскій крестьянинъ Романъ Желтопятый такъ говорилъ *ворамъ.*

— Для чего вы измѣнниковъ не убиваете, и буде дадите мнѣ хотя рубль и я многихъ убью до смерти...

Атаманъ Булавинъ прибылъ къ устью Хопра въ самое вербное воскресенье. Въ то время всѣ Хоперскіе и Бузулуцкіе и Медвѣдицкіе городки передались на его сторону и изъ каждаго городка, станицы и села тѣхъ мѣстъ половина жителей шла за атаманскимъ войскомъ, а другая половина оставалась дома. Такимъ образомъ опасность постепенно увеличивалась и все ближе и ближе подходили къ Тамбову и Козлову. Оставшіеся вѣрными правительству жители названныхъ городовъ съ нетерпѣніемъ ожидали царской военной помощи, но вмѣсто того отъ 14-го апрѣля получили слѣдующій приговоръ изъ ближней канцеляріи: «имѣйте отъ воровъ опасеніе и осторожность и промыслъ надъ ними чините, а сами къ тѣмъ ворамъ не приставайте и на ихъ прелести не склоняйтесь, а буде которые жители къ воровству пристанутъ, и тѣмъ за то учинена будетъ смертная казнь». И граматы отъ царскаго имени въ Тамбовской провинціи читали такого же содержанія: «и вы бъ (жители) къ тому воровству не склонялись и о сохраненіи отъ тѣхъ бунтовщиковъ указъ нашъ чинили бъ и тамошнія мѣста до пущаго разоренія не допустили бъ». Уже въ концѣ апрѣля изъ Москвы тронулись *съ великимъ поспѣшеніемъ* къ Тамбову и Козлову два отряда: Степана Бахметева и Ефима Гулица. Въ то же время дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа приняли—бригадиръ Шидловскій и полковникъ Тевяшевъ. Но рѣшительное и быстрое усмиреніе Булавинскаго мятежа началось только тогда, когда на украйну прибылъ царскій уполномоченный, гвардіи подполковникъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, братъ убитаго Булавинымъ князя Юрія. 28-го апрѣля царь писалъ Долгорукому:

«Понеже нужда есть нынѣ на украйнѣ доброму командиру быть и того ради приказываю тебѣ оную команду. По полученіи сего письма тотчасъ поѣзжай къ Москвѣ и оттоль на украйну, гдѣ обрѣтается Бахметевъ, а кому съ тобою быть, о томъ посылается роспись».

Тогда же во всѣ украинные города разосланы были грамоты царевича Алексѣя Петровича о томъ, чтобы всѣ *жимоншіе воеводы во всемъ послушны были князю Долгорукому и отправляли бъ оное дѣло не мѣшкавъ и тотъ огнь зарань утушили бъ*. Всѣхъ войскъ въ распоряженія князя Долгорукаго дано было около 20.000 человѣкъ *драгунъ, черкасовъ, кумпанейцевъ, людей полковой службы, царедворцевъ, Москвичей и городовыхъ*. И прежде чѣмъ явились въ нашемъ краѣ правительственныя войска, мѣстные жители[1] по однимъ грознымъ Московскимъ слухамъ понемногу стали смиряться и являться съ повинными къ властямъ.

2-го мая къ князю Волконскому въ Козловъ *прибѣжали* Борисоглѣбскіе подъячіе Василій Протопоповъ, Иванъ Томилинъ, Прокофій Польшинъ, Константинъ Жильцовъ и крестьянинъ Филимоновъ.

«На шестой недѣлѣ великаго поста, сказывали они,— пріѣзжали отъ вора и бунтовщика Булавина въ Борисоглѣбской Хоперскаго городка попъ Алексѣй со многими ворами и Борисоглѣбскихъ жителей наговаривали; и тѣ воры всѣхъ колодниковъ распустили и государевъ порохъ весь за городъ вынесли».

Князь Волконскій сталъ выговаривать имъ: для чего де Борисоглѣбцы противъ тѣхъ воровъ не постояли... И они вновь говорили Козловскому воеводѣ:

«Подъячій Катасоновъ останавливалъ злодѣевъ и его многажды били, и онъ ушедъ въ городъ ударилъ въ набатъ и по тому набату градскіе жители никто къ нему не пошолъ и отбивать его не стали».

Въ великую субботу Булавинцы снова пріѣхали въ Борисоглѣбскъ, собрали всѣхъ жителей и велѣли имъ выби-

рать себѣ атамана и есауловъ. *А въ полковники по неволѣ выбрали подъячаго Катасонова.*

«И приводили всѣхъ насъ, говорили Борисоглѣбскіе бѣглецы,—къ вѣрѣ, чтобы служить намъ Булавину вѣрно, и во всѣхъ селеніяхъ Борисоглѣбскаго уѣзда они жъ воры выбрали атамановъ, и послѣ ихъ воровскаго съѣзду были у всѣхъ Борисоглѣбскихъ жителей круги по вся дни, чтобы иттить съ Булавинымъ заодно».

На Ѳоминой недѣлѣ въ Борисоглѣбскъ прискакалъ гонецъ съ письмомъ къ мѣстному атаману отъ Луки Хохлача: велѣно было половинѣ Борисоглѣбцевъ идти за ворами въ походъ на Битюгъ противъ государевыхъ полковъ. И Борисоглѣбскіе жители *воровскихъ прелестей послушались.* А непослушныхъ атаманы *безъ мотчанья сажали въ воду*.

Вышеназванные подъячіе тоже пошли противъ царскаго войска, но 28-го апрѣля убѣжали *тайнымъ обычаемъ* изъ мятежнаго лагеря близъ деревни Токая и, какъ мы сказали, явились къ Козловскому воеводѣ князю Григорію Волконскому съ повинною.

— Воръ Булавинъ и его единомышленники, откровенно показывали наши раскаявшіеся бѣглецы,—*дѣло свое починали якобы для льготы маломочныхъ людей, и въ томъ явилось у насъ сумнѣнье*...

Это *сумнѣнье* явилось главнымъ образомъ потому, что Булавинцы, слѣдуя Разинскимъ традиціямъ, не давали ходу всѣмъ торговымъ людямъ *и товары ихъ грабили безъ остатку*, причемъ нерѣдко слишкомъ сурово и безпардонно обращались и съ самою жизнью торговцевъ. Вслѣдствіе этого народная масса научалась видѣть въ приверженцахъ Кондратія Булавина не политическихъ дѣятелей и не соціальныхъ реформаторовъ, а обыкновенныхъ *добрыхъ молодцевъ* придорожнаго характера.

Въ Булавинскихъ разбояхъ нерѣдко принимали участіе и лица духовнаго званія. Мы уже указывали *на попа Алексѣя*, который овладѣлъ Борисоглѣбскомъ и жителей его склонилъ къ мятежу; теперь указываемъ еще на *Азовскаго чер-*

неца, имя котораго въ нашихъ документахъ не значится. Между тѣмъ безыменный Азовскій чернецъ, между Булавинскими атаманами былъ лицомъ не маловажнымъ, онъ былъ товарищемъ извѣстнаго Семена Драпаго и предводительствовалъ ватагою въ тысячу человѣкъ. Впослѣдствіи бригадиръ Шидловскій такъ доносилъ о подвигахъ нашего чернеца: «отъ него въ народѣ слабость росла часъ отъ часу и оный же чернецъ разорилъ Ямполь и всѣ Ямпольцы къ тѣмъ ворамъ пристали и пошли съ ними подъ Маяки»...

Участіе духовныхъ ли[illegible] въ Булавинскомъ движеніи, безъ всякого сомнѣнія, объясня[illegible] режнею бытовою и нравственною близостію духове[illegible] ароду, такъ еще болѣе тѣмъ, что изображаемые [illegible] не чужды были религіознаго характера, т. е. [illegible]ъ приверженцы, въ томъ числѣ и наши Тамбовц[illegible] проникнуты были старообрядческими тенденці[illegible]дствомъ борьбы надѣялись дать имъ торжество.

Все это наводитъ [illegible]сль, что расколъ есть явленіе во всякомъ случа[illegible]о національное, требующее особеннаго вниманія [illegible]ьнаго снисхожденія.

Какъ во времена [illegible] Пугачева, и при Булавинѣ мятежники не чужда[illegible]ческой помощи, Калмыцкой и Татарской. Такъ, 2-го мая въ деревню Ураеву, Валуйскаго уѣзда, *во многомъ числѣ пріѣхали Булавинцы съ Калмыками и Татарами*, со знаменемъ; и той деревнѣ жителей пограбили и били смертнымъ боемъ, и конскія стада отогнали, и провѣдывали про войско государево, гдѣ и сколько, и прельщали народъ страхомъ и ласкою къ вору Булавину, сманивая всѣхъ идти подъ Черкасскъ...

Къ половинѣ мая 1708-го года правительственная побѣда стала несомнѣнною. Наша украйна противъ Булавина стояла во всеоружіи. Царевичъ Алексѣй Петровичъ выполнилъ свои интендантскія обязанности относительно войскъ князя Василія Долгорукаго вполнѣ исправно. Онъ быстро снабдилъ ихъ порохомъ и свинцомъ, деньгами, канцелярскими принадлежностями, аптекою и врачами, священниками и походною цер-

ковію, дьяками, сторожами и мастеровыми, какъ это видно изъ донесенія князя Долгорукаго въ *разрядъ* отъ 14-го мая, изъ Воронежа.

«Изъ монастырскаго приказа, по царевичеву указу, писалъ онъ, попы съ церковною утварью въ полкъ ко мнѣ посланы; изъ суднаго приказа дьяки съ сторожами тожъ посланы; изъ провіантскаго и адмиралтейскаго приказа провіантъ весь посланъ: будары, пушки, порохъ, свинецъ, ружья и пушкари; изъ аптекарской палаты лѣкаря съ лѣкарствами отпущены, да изъ оружейной палаты дано 40 знаменъ.»

Напрасно Булавинъ усиленно началъ разсылать *прелестныя* письма и обѣщать каждому человѣку за приходъ къ нему *по 10-ти рублей на мѣсяцъ*. Такая щедрая приманка дѣйствовала на немногихъ, преимущественно на запорожцевъ и бѣглыхъ солдатъ, которые уходили изъ своихъ пограничныхъ полковъ цѣлыми десятками. Но перебѣжчиковъ ловили и со всѣхъ сторонъ дружно сокрушали мятежъ: съ юга начали дѣйствовать противъ Булавинцевъ, гетманъ И. С. Мазепа и Кіевскій губернаторъ Д. М. князь Голицынъ, съ востока Казанскій комендантъ Кудрявцевъ и бояринъ князь Хованскій, съ сѣвера и запада князь Долгорукій съ подручниками. Когда же въ окрестностяхъ Тамбова князь Долгорукій разбилъ ватагу Луки Хохлача, стоявшаго подъ Тамбовомъ *болѣе десятихъ дней*, то Булавинское дѣло разомъ остановилось и окончательное его уничтоженіе явилось вопросомъ времени.

Въ началѣ іюня въ борьбу съ возставшимъ казачествомъ вступилъ самъ *свѣтлѣйшій* и изъ Ижорской канцеляріи сталъ разсылать царскіе указы воеводамъ, полководцамъ и *въ разрядъ*. Вмѣшательство ближайшаго царскаго сотрудника сразу обнаружилось всегда отличавшею его дѣловитостью и хозяйственностью. Между всѣми городами юговосточной Россіи, находившимися въ районѣ возстанія, князь Меньшиковъ учредилъ правильную правительственную почту. На всѣхъ переправахъ и проѣздахъ между Дономъ и Волгой поставлены были сильные караулы. *Для землянаго и ка-*

меннаго строенія въ Казань и на Волгу вызванъ былъ извѣстный крестьянинъ Посошковъ, который и эту царскую службу исправилъ по обычаю быстро и дѣльно, не хуже любаго инженера-нѣмца. Донцамъ и Калмыкамъ отосланы были безъ *мотчанья* обычныя годовыя деньги: 7865 рублей, да множество пороху, свинцу, хлѣба, вина [1]. Нѣкоторыя команды, поколебавшіяся въ вѣрности правительству, примѣрно и жестоко были наказаны: третьяго солдата казнили передъ товарищами, двухъ били плетьми и ссылали на каторгу... Недорослей, укрывавшихся отъ службы *во многомъ числѣ*, стали *сыскивать съ большимъ поспѣшеніемъ*; все это дѣлалось вслѣдствіе *повелительнаго письма* князя А. Д. Меньшикова. Въ это время и самъ царь напряженно сталъ слѣдить за событіями на нашемъ юго-востокѣ. Въ этихъ видахъ онъ получалъ отъ всѣхъ воеводъ Приволжскихъ и Придонскихъ *еженедѣльныя вѣдомости*.

15-го іюня князь П. И. Хованскій писалъ царю, что Башкирцы совершенно повинились. «Начальнѣйшій Кучумъ-батырь, писалъ онъ, — и другіе набольшіе Башкирцы въ винахъ своихъ добили великому государю челомъ и въ вѣрной своей службѣ куранъ цѣловали и нынѣ за тѣмъ кураннымъ цѣлованіемъ у тѣхъ Башкирцевъ шатости не слышно». Это обстоятельство еще болѣе развязало руки Московскому правительству и содѣйствовало окончательному пораженію мятежа. Впрочемъ около того же времени и иныя не столь утѣшительныя вѣсти сообщалъ правительству изъ Кіева князь Голицынъ. «Мая 29-го, писалъ онъ, Сумскій полковникъ сталъ въ урочищѣ у рѣчки Уразовой и іюня противъ 8-го числа въ ночи, передъ свѣтомъ за часъ, воры Булавинцы пришли многолюдствомъ безвѣстно и съ тѣми ворами былъ у нашихъ бой часа два и больше, и иные воры многолюдствомъ со всѣхъ сторонъ ворвались въ нашъ обозъ и полковника подлѣ пушекъ застрѣлили и Воронежскаго сотника разстрѣляли въ кругу, и иныхъ старшинъ и

---

[1]) Провіантъ на время застрялъ въ Воронежѣ.

урядниковъ и рядовыхъ казаковъ многихъ побили и весь обозъ разобрали и 4 пушки со всякимъ ружьемъ взяли; а у тѣхъ воровъ побиты полковникъ и атаманъ и рядовыхъ казаковъ человѣкъ съ триста, было жъ у тѣхъ воровъ всѣхъ человѣкъ съ 20,000». Ясно, Булавинцы чуяли свой конецъ и потому напрягали всѣ свои силы до крайности. Но такіе случаи были очень рѣдки. Силы Булавина къ концу іюня были уже совершенно раздѣлены и окружены войсками князей Хованскаго и Долгорукаго. Въ началѣ іюля самъ Булавинъ застрѣлился. Игнатій Некрасовъ ушолъ на Кубань. Донъ стихъ. Вся украйна покорилась царю. Началась правительственная расправа...

Замѣчательна та вѣроломная роль, которую играли во время Булавинскаго движенія Калмыки и ихъ тайша Аюка. По договору съ царскими воеводами, Калмыки должны были идти вмѣстѣ съ правительственными войсками на Башкиръ и Булавинцевъ. Противъ тѣхъ и другихъ они должны были отдѣлить по 10,000 человѣкъ. Между тѣмъ наши мнимые союзники дѣйствовали вотъ какъ.

15 іюля 1708 года Верхнеломовскій воевода Владычкинъ писалъ въ ближнюю канцелярію:

«Мая и іюня въ розныхъ числахъ по вѣдомостямъ изъ Нижняго Ломова воровскіе казаки, *тако же и Калмыки*, многія села и деревни разорили и людей грабятъ и побиваютъ, и Чембаръ разорили, и Верхнеломовцевъ мучили и жгли огнемъ и въ воду сажали. Да въ городъ Мокшанъ пришедъ подъячаго, которому былъ городъ приказанъ, убили и разоренье всякое чинили, и нынѣ тѣ воры собираются въ разныхъ мѣстахъ для воровства и отъ приходу ихъ въ Верхнемъ Ломовѣ опасно, потому что за отсылкою въ Казань служилыхъ людей стало у насъ малолюдно и тѣ ненадежны и безоружны».

Изъ Верхнеломовскаго уѣзда Калмыцкіе и казацкіе мятежники проникли въ сѣверные уѣзды нынѣшней Тамбовской губерніи и стали отгонять у крестьянъ стада и табуны, *и отъ того воровскаго набѣгу крестьяне съ женами и*

дътьми бъгаючи живутъ по лъсамъ и помираютъ. Эти Калмыцко-казацкія ватаги разсъяны были сотникомъ Григоріемъ Зражевскимъ.

Между тъмъ другая Калмыцкая ватага, примърно въ тысячу человъкъ, пробралась на Битюгъ и въ нынъшній Борисоглъбскій уъздъ. Появившись въ нашихъ южныхъ предълахъ совершенно внезапно, Калмыки *многихъ тамошнихъ жителей побили и покололи, и хутора и слободы осадили.* Тогда противъ Калмыковъ пошолъ полковникъ Тевяшевъ *съ кумпанейцы и со многими жительми.* Дикіе кочевники настигнуты были царскими войсками близъ Острогожска. «И дошолъ я ихъ—Калмыковъ, писалъ Тевяшевъ,—и былъ у меня съ ними бой жестокій 30-го іюня, и многіе Калмыки побиты и ранены, а было ихъ *съ тысячу человъкъ и больши».* Калмыцкое *воровство* было причиною того, что царь Петръ отправилъ къ Аюкъ-тайшъ нарочнаго *для сыску и казни* тъхъ ордынцевъ, которые *подбъгали* подъ украинные города *и разореніе чинили.*

6-го іюля 1708-го года Калмыки, соединившись съ мятежными казаками, ръшились вступить въ бой съ правительственными войсками близъ самаго Азова, какъ писалъ объ этомъ Азовскій губернаторъ Толстой. «Наши солдаты, доносилъ онъ въ своей реляціи,—на тъхъ воровъ наступали мужественно и стръльба была у нихъ 3 часа непрестанно съ самаго утра; и во время того бою изъ Азова и отъ морскаго флота съ кораблей была пушечная стръльба и тою пушечною стръльбою многихъ воровскихъ людей побили».

Къ вечеру характеръ боя совершенно опредълился. Калмыки на всъхъ пунктахъ поспъшно отступили въ степь, унося съ собою своихъ многочисленныхъ раненыхъ и убитыхъ.

«Помощію всемогущаго Бога, доносилъ Толстой,—и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы и честнаго славнаго крестителя Господня Іоанна и великаго Государя счастіемъ тъхъ воровъ побито многое число и прогнали ихъ въ степь».

Калмыковъ и Булавинцевъ подъ Азовомъ было болъе

5000 человѣкъ. Изъ этого числа въ бою побито было 423 человѣка, около 400 потонуло въ Дону и въ плѣнъ взято 60 человѣкъ.» А съ нашей стороны, увѣрялъ Толстой,— убитъ одинъ человѣкъ и ранено 10 человѣкъ». [1])

Результатомъ Азовской побѣды была добровольная сдача князю Долгорукому четырехтысячной воровско-казацкой партіи съ атаманами Голымъ и Беспалымъ. Дѣло было на рѣчкѣ Боровой, близъ Сухаревскаго городка. Отъ имени сдавшагося ополченія посланъ былъ къ царю съ повинною казакъ Василій Поздѣевъ, которому между прочимъ поручено было хлопотать въ Москвѣ о томъ, чтобы виновныхъ въ Булавинскомъ возмущеніи и не получившихъ прощенія казнить на Дону и не везти въ столицу.

На другой день послѣ Азовской битвы, именно 7-го іюля произошло самоубійство Булавина. 8-го іюля тѣло его привезено было въ Азовъ атаманомъ Ильею Зерщиковымъ. «По осмотру у того вора, писали Азовскія власти,—голова оказалась прострѣлена знатно въ лѣвый високъ изъ пистоли и отъ тѣла его смердитъ».

По приказанію Азовскаго губернатора, у Булавинскаго трупа отсѣкли голову и положили ее въ спиртъ *до государева указу*. А туловище за ноги повѣсили на перекладинѣ. Въ то же время заковали въ цѣпи и посадили въ Азовскую тюрьму брата и сына Булавина, да воровскихъ заводчиковъ: Сеньку Драного, Ивашку Гайкина, Лучку Хохлача, Мишку Голубятникова, Кирюшку Курганова съ 50-ю товарищами.

Такимъ образомъ 8-го іюля 1708-го года мы можемъ считать послѣднимъ днемъ Булавинскаго движенія.

Во второй половинѣ іюля отъ всѣхъ станицъ и казачьихъ городковъ собраны были повинныя. «Булавинъ и его атаманы, плакались раскаявшіеся преступники,—прельщалъ насъ и къ себѣ привораживалъ неволею. И отъ такого его

---

[1]) За Азовскій бой 1708 года всѣмъ солдатамъ выдано по 1 рублю на человѣка.

озорничества мы пришли въ немалый страхъ, и просимъ великаго государя о милосердіи».

24-го іюля изъ Ближней Канцеляріи отъ царскаго имени посланы были грамоты И. С. Мазепѣ, князю Д. М. Голицыну, князю П. И. Хованскому, Астраханскому воеводѣ П. М. Апраксину и другимъ воеводамъ, въ томъ числѣ Тамбовскому стольнику Василію Васильевичу Данилову и Козловскому князю Григорію Ивановичу Волконскому о томъ, *что воры Булавинцы побиты въ разныхъ мѣстахъ, а воръ Булавинъ самъ себя убилъ до смерти, и милостью Божіею, а великаго государя молитвами и счастіемъ, оное воровство искоренено и всякъ о томъ да вѣдаетъ.*

Съ этого времени и нашъ Тамбовскій край относительно умиротворился. Правда, общественной безопасности отъ придорожныхъ *гулѣтяевъ* у насъ долго еще не было, до самаго начала XIX столѣтія, но это уже другая тема, требующая особаго разсмотрѣнія.

Заключаемъ нашу рѣчь о Булавинскомъ движеніи въ Тамбовскомъ краѣ вопросомъ о томъ: почему Булавинское дѣло нашло себѣ сочувствіе среди нашего народонаселенія? Думаемъ—потому, что въ началѣ прошлаго столѣтія въ нашихъ степяхъ и лѣсахъ, сравнительно безопасныхъ отъ воеводскаго и приказнаго произвола, слишкомъ много было пришлаго, вольнолюбиваго, бродячаго люда, усиливавшаго мѣстную русскую колонизацію, вслѣдствіе чего въ нашихъ актахъ многія села и деревни указываемаго времени именовались новонаселенными; къ намъ же, въ нашу сравнительно тихую глушь шли толпами и раскольники и даже заводили у насъ свои городки. Оба эти элемента какъ нельзя болѣе гармонировали съ характеромъ Булавинскаго движенія, развивавшагося во имя казацкихъ вольностей и древле-русскаго благочестія.

Послѣ Булавинскаго движенія Тамбовскій край, какъ мы сказали, повидимому, надолго умиротворяется; по крайней мѣрѣ онъ перестаетъ быть театромъ Татарско-Калмыцкимъ и казацкихъ операцій, и въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, наша

безопасность отъ внѣшнихъ враговъ установилась не безъ воли царя—Петра. Что могъ, то онъ сдѣлалъ для насъ, но было и для него много непосильнаго, невозможнаго, недомысленнаго...

По смерти Петра Великаго всероссійская жизнь повсемѣстно нравственно ослабѣла. Явилась дикая и нелѣпая бироновщина, съ ея чужеземными хищными проходимцами. Со дня на день укрѣплялся бюрократизмъ и народная жизнь видоизмѣнялась по нѣмецкому шаблону... Очень плохо приходилось въ тѣ дни и нашему краю и потому лѣтописи его, приводимыя нами ниже, представляются по преимуществу самыми скорбными. Къ нимъ то, т. е. къ изображенію мѣстнаго внутренняго быта прошлаго вѣка, мы и обращаемся теперь, желая дополнить то, что лишь очень кратко высказано было нами въ нашихъ двухъ первыхъ выпускахъ.

Тамбовскія были прошлаго вѣка.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія нашъ Тамбовско-Шацкій край быстро прославился плодородіемъ почвы и вслѣдствіе этого привлекалъ къ себѣ отовсюду, со всѣхъ четырехъ сторонъ, русскихъ переселенцевъ, между которыми были и такія особы, какъ бояринъ Петръ Самойловичъ Салтыковъ, основатель села Салтыковыхъ Бутъ [1]). Рядомъ съ русскими селились у насъ также и Башкиры, Ногайцы, Калмыки, Черкасы, Поляки и даже *люди жидовской націи*. Но всѣ названные нами искатели счастія болѣе или менѣе обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ нашъ край въ началѣ прошлаго столѣтія, славясь своими плодородными полями, въ то же время представлялъ обширное поле для всевозможныхъ аномалій общественной жизни. Отъ этого была у насъ великая бѣдность и на всемъ обширномъ пространствѣ нашихъ провинцій (Тамбовской и Шацкой) не было ни одного поселенія, имѣвшаго городской характеръ. Самый Шацкъ отличался величайшею убогостію, что видно изъ слѣдующаго донесенія провинціальной канцеляріи *высокому сенату*, отъ 10 января 1729 года: «хотя воеводскій и канцелярскій дворъ въ провинціи и имѣются, и тѣ весьма ветхи и сгнили и безъ починки во оныхъ дворѣхъ намъ приказнымъ людемъ для отправленія дѣлъ сидѣть невозможно». Эта невозможность увеличивалась отъ того, что Шацкія присутственныя мѣста часто вовсе не имѣли дровъ,

[1]) Арх. б. Шацк. пров. канц. № 7090.

Къ числу Тамбовскихъ вотчинниковъ принадлежалъ и знаменитый князь Д. М. Пожарскій.

свѣчъ, чернилъ, бумаги и сургуча. «*Сего*, кратко говоритъ вышеуказанное провинціальное донесеніе, *имъ не отпускается*».

О тюремной избѣ, по обычаю XVIII вѣка переполненной арестантами, Шацкіе канцеляристы доносили сенату такъ: «въ Шацку въ городовой крѣпости имѣется тюремный дворъ, который весьма сталъ быть ветхъ и стѣны вывалились, отчего колодниковъ стало содержать невозможно и имѣется не малое опасеніе, чтобы колодники не учинили утечки, понеже довольнаго числа солдатъ опредѣлить некого. А опредѣлено въ Шацкую провинцію штатныхъ солдатъ самое малое число и тѣ всегда въ посылкахъ».

Сенатъ взглянулъ на заявленіе Шацкой провинціальной канцеляріи снисходительно и поручилъ Шацкому воеводѣ Ивану Григорьевичу Карташову для возобновленія казенныхъ построекъ рубить около Шацка дубовую рощу. Кромѣ того, ему же и для той же цѣли выдано было триста рублей изъ таможенныхъ, канцелярскихъ и кабацкихъ сборовъ, вся сумма которыхъ въ Шацкой казнѣ не превышала въ то время 1725 рублей. Вслѣдствіе этого сенатскаго распоряженія Шацкая дубовая роща исчезла навсегда, 300 казенныхъ рублей было истрачено, но уже на слѣдующій 1730-й годъ Шацкія присутственныя мѣста снова нуждались въ серьезномъ ремонтѣ [1]).

Тамбовская и Шацкая провинціи отличались въ описываемое время многочисленными аномаліями общественной жизни, на что отчасти мы указывали еще въ 1-мъ своемъ выпускѣ. По разнымъ причинамъ нелегко жилось обывателямъ нашихъ провинцій и вотъ многіе изъ нихъ массами начали уходить въ бѣга и производить, очертя голову, самые дерзкіе разбои. А неспособные тогдашніе администраторы и слабыя военныя команды, наѣзжая въ опустѣвшія и разоренныя села и деревни, только еще болѣе стѣсняли народъ

[1]) Архивъ Шацкой провинціальной канцеляріи № 333-й.

и усложняли своимъ своекорыстіемъ тяготу народную [1]). Вотъ почему въ архивныхъ связкахъ бывшей провинціальной канцеляріи постоянно встрѣчаются обывательскія жалобы на всевозможныя притѣсненія. Въ числѣ народныхъ обидчиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія не послѣднее мѣсто занимали иногда монастыри и приходское духовенство.

Въ 1753 году крестьяне Починковской волости Сармійскаго Майдану подали въ Шацкую провинціальную канцелярію такую жалобу: «Саровской пустыни строитель Ефремъ съ братіею завладѣлъ нашею мельницею на рѣкѣ Сатѣ, и травятъ тѣ Саровскіе монахи собаками овецъ нашихъ, гусей и утокъ, отняли у насъ рыбную ловлю въ устьѣ Сатиса, завладѣли нашими сѣнными покосами, а межевую нашу выпись, взявши для прочтенія, удержали; и еще владѣютъ наглостью дачами нашими по рѣкѣ Пущѣ и лубки и мочала наши свезли» [2]).

Въ томъ же году Шацкой пригородной слободы крестьянинъ Иванъ Поповъ жаловался на своего приходскаго священника въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «города Шацка церкви Живоначальныя Троицы попъ Афанасій Алексѣевъ наглымъ озорничествомъ поселился на моей землѣ и разломалъ у меня тыновую городьбу, которая и употреблена имъ на отопленіе собственнаго дома. Да еще тотъ же попъ-за разломаніемъ дворовой и огородной городьбы немалое число земли моей въ пустошь запустошилъ и я остался безъ огороднаго овоща; и то попъ творитъ надѣясь на свое богатство и бранитъ меня, яко дѣйствительную скотину, свиньею» [3]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Неспособность давнихъ Тамбовскихъ администраторовъ видна, наприм., изъ такого факта. Въ 1760 году въ Шацкомъ острогѣ держали и подвергали разнымъ канцелярскимъ мытарствамъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ *за кражу онучь*. А разбоевъ подъ самымъ Шацкомъ тѣ же администраторы и въ томъ же году никакъ не могли прекратить.

[2]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 68.

[3]) Тамъ-же, связка безъ №. Есть только общее заглавіе: явочныя челобитныя.

А нѣсколько ранѣе, именно въ 1744 году, въ Темниковскомъ уѣздѣ былъ слѣдующій случай. Однажды въ деревню Киргу пріѣхалъ *съ солдатами* протопопъ - миссіонеръ Казанскій. Не долго думая и не тратя проповѣдническаго краснорѣчія, онъ приказалъ своимъ спутникамъ вязать Киргинскую Мордву и приготовился насильно крестить ее. *Такая проповѣдь* язычникамъ не понравилась и они съ трудомъ *отбились отъ протопопа* и ускакали въ лѣсъ. Между тѣмъ имуществомъ ихъ вполнѣ воспользовался побѣдоносный Казанскій... Какъ онъ доносилъ потомъ своему начальству о своихъ миссіонерскихъ опытахъ—неизвѣстно... [1]).

Укажемъ еще на одинъ случай грубаго насилія со стороны духовныхъ лицъ. «Сего 1744 года, бьетъ челомъ одинъ Анаевскій Мордвинъ, имѣлся я именованный въ селѣ Спаску и села Покровскаго Селища попъ Ѳедосей Ермиловъ отнялъ у меня близъ того села лошадь, цѣна—10 рублей, сани—цѣна 30 к., хомутъ и рукавицы—цѣна 60 к.» [2]).

Простыхъ людей въ прошломъ столѣтіи именитые люди, какъ извѣстно, называли *подлыми людьми* и въ обращеніи съ ними нисколько не церемонились. Такъ князь А. А. Черкасскій въ первой половинѣ прошлаго вѣка игралъ роль Тамерлана для всего Темниковскаго уѣзда и *у многихъ крестьянъ наглымъ своимъ насильствомъ и нарядныимъ дѣломъ* отымалъ земли и угодія. За великими господами тянулись иногда и ихъ управители, сатрапское величіе и самоуправство которыхъ доходило до крайностей, напр. въ такомъ родѣ. Лѣтомъ 1753 года прикащикъ князя Н. А. Долгорукаго Григорій Николаевъ, *собравшись съ множествомъ княжескихъ холопей*, напалъ на Елатомскія дворцовыя рыбныя ловли, прогналъ со струговъ всѣхъ рыболововъ, а рыбу и снасти, цѣнностію въ двѣсти рублей, взялъ себѣ [3]). При такомъ безначаліи и безправіи сами крестьяне ожесточались и

---

[1]) *Примѣчаніе.* Изъ дѣлъ Шацкой провинціи находящихся въ распоряженіи Тамб. арх. коммиссіи.

[2]) Тамъ же.

[3]) Архивъ б. Шацк. провинц. канц. № 78. (Дѣла 1763).

рѣшали свои поземельные споры и недоумѣнія саморучною расправою. Цѣлыми толпами, человѣкъ въ 200 и болѣе, выѣзжали они на рубку чужаго лѣса или на сосѣднія поля и сѣнные покосы, и послѣ ожесточенныхъ схватокъ овладѣвали чужимъ добромъ, или же, пораженные, въ безпорядкѣ бѣжали домой, подбирая убитыхъ и раненыхъ и спасаясь отъ разсвирѣпѣвшихъ сосѣдей. Во время одного изъ такихъ побоищъ между жителями селъ Ачадова и Богдановки убитыхъ оказалось 11 человѣкъ; раненыхъ было несравненно больше. Но это были сравнительно миролюбивыя села. Къ самымъ буйнымъ Тамбовскимъ селамъ описываемаго времени слѣдуетъ отнести извѣстное село Сасово. *Собирались многолюдствомъ* повѣствуютъ наши документы,—*Сасовцы запахивали чужія поля и иныхъ чужанъ били смертнымъ боемъ многижды.*

Въ царствованіе Анны Іоанновны Тамбовскій край раздѣлилъ со всею русскою землею ту великую бѣду, которую измыслилъ и осуществилъ въ своемъ родѣ приснопамятный нѣмецъ Биронъ. У насъ стали собирать недоимки, накопившіяся съ 1718 года, и все это дѣлалось *съ крайнимъ радѣніемъ и неусыпнымъ попеченіемъ безъ всякаго послабленія.* Описи подвергали рѣшительно все имущество обывателей. У одного Тамбовскаго крестьянина продали, наприм., гуся съ 3-мя гусятами, у другаго—пѣтуха съ 5 курами, у третьяго—шапку, у четвертаго—избу съ чуланомъ, огороженную тыномъ съ воротами... Все это въ публичной продажѣ пошло за 1 рубль 30 коп. Отъ этого край нашъ становился все бѣднѣе. «По многимъ посылкамъ, писали сборщики податей,—обыватели не платятъ и деревни ихъ описаны и чаемо будетъ уплата». Неплательщиковъ били и еще били, а въ концѣ концовъ всетаки получался слѣдующій результатъ: оная недоимка ко взысканію ненадежна». Тогда ихъ снова волочили въ тюрьмы и они отговаривались: «тое недоимки мы не заплатили за совершенною скудостію, а по неимѣнію у себя двора едва имѣемъ дневное пропитаніе, за содержаніемъ же подъ карауломъ, претерпѣваемъ немалыя

болѣзни». То было время по истинѣ не выносимое для мѣстнаго большинства: многія крестьянскія поля стояли *впустѣ* и заростали бурьяномъ, крестьянскія избы были безъ крышъ и стеколъ, покривившіяся и неогороженныя; и такимъ образомъ цѣлыя села представлялись *совершенною пустошью*. Тогда сборщики податей поневолѣ оставляли раззоренныхъ обывателей въ покоѣ и такъ писали про нихъ въ Тамбовскую и Шацкую провинціальныя канцеляріи: «за пустотою взыскать въ тѣхъ деревняхъ подати не съ кого». Подобные отзывы писались не про однихъ крестьянъ. Въ спискахъ владѣльческихъ имѣній намъ не разъ попадались такія отмѣтки: «владѣлецъ за укрывательствомъ податей не платитъ».

Собираніемъ недоимокъ въ нашемъ краѣ, какъ и во всей Россіи, занимались воинскія команды. Этимъ командамъ предписано было, чтобы они *не чинили въ народѣ слабыхъ поступковъ*, и потому онѣ позволяли себѣ иногда относительно единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ согражданъ такое дерзкое самоуправство, которое напоминало ихъ паціентамъ времена бесерменскихъ купцовъ, баскаковъ и подобныхъ имъ дѣльцовъ ордынскаго выхода.

Въ 1737 году черезъ Шацкую провинцію проходили команды поручиковъ Штрейта и Мочалина. Квартировать пришлось имъ въ вотчинахъ знатнаго сенатора Нарышкина и всетаки онѣ *чинили обывателямъ многія обиды и разоренія, фуражъ безденежно брали, а женъ и дочерей ихъ насиловали* [1]).

Немного позднѣе въ Темниковскій и Спасскій уѣзды, для разсѣянія воровскихъ шаекъ, прибылъ Донской полкъ Ребрикова; *и тѣ Донскіе казаки*, записано въ Шацкихъ провинціальныхъ документахъ,—*дѣлали озорничества, ознобляли народъ на морозѣ и забивали многихъ плетьми и саблями до смерти*. При этомъ истязуемые нерѣдко были привязываемы къ столбамъ и висѣли такъ по цѣлымъ днямъ [2]).

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 2644.

[2]) Тамъ же.

Говоря о мѣстныхъ бытовыхъ тяготахъ начала прошлаго вѣка, мы не можемъ умолчать о рекрутчинѣ. Эта народная повинность была тѣмъ тяжелѣе, что новобранцевъ обыкновенно заковывали въ кандалы и въ указанныя, болѣе или менѣе отдаленныя, мѣста доставляли этапнымъ порядкомъ *за крѣпкимъ карауломъ*. Поэтому, избѣгая тяжелой солдатской неволи, многіе наши обыватели уродовали себя въ виду отдатчиковъ или же запирали передъ ними ворота и отчаянно защищались. Такъ, въ Кадомской деревнѣ Дурновкѣ крестьянинъ-рекрутъ Борисъ Кириловъ заперся въ своей избѣ съ женой и дѣтьми, и когда сельскія власти всетаки ввалились къ нему, онъ рогатиной закололъ до смерти старосту Еникѣева.

Другой подобный случай былъ въ селѣ Земстчинѣ. На мірскомъ сходѣ рѣшено было отдать въ рекруты крестьянина Василія Христофорова, и вотъ ночью, передъ свѣтомъ, 7 человѣкъ пошли въ его избу взять его и сковать. Во главѣ этой деревенской команды пошелъ староста Рвачовъ.

— Пойдемъ на сходъ, сказалъ староста вовсе неспавшему и ожидавшему непрошенныхъ гостей Христофорову.

— Куда мнѣ идти — отвѣчалъ онъ упавшимъ голосомъ,—я и тутъ, если приказъ какой есть, слушать буду.

Въ это время Христофоровъ плелъ лапти и въ рукахъ у него былъ ножъ.

— Берите его, скомандовалъ Рвачовъ своимъ подчиненнымъ, при чемъ ударилъ Христофорова палкой по головѣ и навалился на него всѣмъ тѣломъ. Началась отчаянная борьба. Христофоровъ бросилъ лапти и ударилъ Рвачова ножемъ въ спину. Тутъ же въ избѣ староста и умеръ.

И замѣчательно, до описываемаго времени убійца былъ человѣкъ смирный, степенный, и только непобѣдимый страхъ передъ ненавистною рекрутчиной помутилъ всѣ его мысли и натолкнулъ на невольное преступленіе [1]).

Случалось впрочемъ инымъ крестьянамъ и отбиваться

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 2167.

отъ рекрутчины, какъ это видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1760 году въ селѣ Ушенкѣ, Керенскаго уѣзда, набирали рекрутъ, въ число коихъ попали братья Ѳома и Петръ Анисины. Мірскіе выборные по обычаю пошли арестовать ихъ, но Анисины встрѣтили ихъ съ ножами и рогатинами, двухъ убили, а сами немедленно скрылись въ Керенскихъ дремучихъ лѣсахъ [1]).

Рекрутская повинность до того озабочивала сельскія общества, что многія изъ нихъ постоянно занимались покупкою и кражею чужихъ дѣтей. Купленныхъ или краденныхъ подростковъ держали подъ карауломъ, воспитывали и затѣмъ въ свое время сдавали въ солдаты. На этомъ поприщѣ въ 1760 году особенно отличались старосты селъ Введенскаго и Спасскаго Герасимъ Трофимовъ и Естифей Федоровъ. Отъ этихъ ловкихъ старостъ въ хозяйственной предпріимчивости не отставали и помѣщики: и они, сберегая свой живой товаръ, ловили чужихъ крестьянъ для отдачи въ рекруты [2]).

Не легки были для Тамбовскаго народонаселенія и старинные Петербургскіе порядки извѣстнаго тайноканцелярскаго режима. Мѣстныя власти, желая выслужиться передъ столичными вельможами, цѣплялись за всякія мелочи, сочиняли по поводу ихъ болѣе или менѣе обширныя слѣдственныя дѣла съ допросами и пытками, и такимъ образомъ увеличивали и безъ того очень значительную массу подсудимыхъ и обездоленныхъ людей.

Въ 1726 году Шацкій инквизиторъ священникъ Василій Пихтѣлевъ въ одной своей *промеморіи* сдѣлалъ такую погрѣшность: вмѣсто того, чтобы написать—по Указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, онъ написалъ просто—по Указу Ея Императорскаго Величества. Объ этомъ донесъ Преображенскому Приказу Шацкаго Проломскаго монастыря поповскій староста Иванъ Кириловъ и неосторожнаго инквизитора потребовали въ провинціальную

---

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц.

[2]) Тамъ же, № 6711.

канцелярію. Но онъ убѣжалъ въ лѣсъ и скрывался тамъ нѣсколько дней, пока не попалъ въ руки сыщиковъ. Привели Пихтелева къ Шацкому воеводѣ Афанасію Дубасову и тотъ объявилъ ему слѣдующее рѣшеніе И. Ѳ. Ромодановскаго: «понеже учинилъ оный попъ ту погрѣшность спроста и безъ умыслу, того ради наказать его на торгу плетьми». Приговоръ привели въ исполненіе и радъ былъ злополучный священникъ, что *такъ дешево* отдѣлался отъ грозившей ему опасности, и считалъ произведенную надъ нимъ торговую казнь *за великую милость*. [1])

Бывали однакоже у насъ и неудачные доносчики, которымъ доставался такъ называемый первый кнутъ. Такимъ несчастливцемъ въ 1737 году былъ пономарь села Зарубкина Иванъ Пономаревъ, который *сказалъ въ городѣ Керенскѣ государево слово и дѣло за попомъ того же села Василіемъ*. Доносчика и отвѣтчика допрашивали въ Шацкѣ. И оказалось, что *государева дѣла* тутъ не было, а было неисполненіе одного указа Московской духовной дикастеріи. Тогда послѣдовала слѣдующая резолюція Шацкой провинціальной канцеляріи: «какъ пономарь въ доносѣ своемъ сталъ виновенъ и того ради учинить ему наказаніе и бить его кнутомъ нещадно». Зарубкинскій іерей Василій повидимому былъ оправданъ, но и его отправили въ Московскую дикастерію *за крѣпкимъ карауломъ* и духовные отцы, конечно, не поцеремонились и съ нимъ. [2])

Другимъ неудачникомъ въ доносѣ былъ у насъ архитекторъ Ѳедоръ Васильевъ. Въ 1718 году онъ сказалъ за собою слово и дѣло. Его за это били кнутомъ, допытываясь, какое это слово. Въ сенатѣ Васильевъ сознался, что государева слова за нимъ нѣтъ и что доносъ свой учинилъ онъ *безпамятствомъ и дуростію*. За это опять велѣли бить его батогами и послѣ того отпустили. Изъ этого примѣра видно, какъ мало дорожили у насъ въ ту страшную эпоху своею шкурою...

---

[1]) Арх. б. Шац. провинц. канц. № 167.

[2]) Тамъ-же, № 3632.

Самымъ выдающимся мѣстнымъ государственнымъ мученикомъ Бироновской эпохи былъ помѣщикъ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, извѣстный составитель карты Каспійскаго моря, одинъ изъ сподвижниковъ Петра 1-го и ревнителей отечественнаго просвѣщенія. Какъ приверженецъ Волынскаго, онъ былъ битъ плетьми и сосланъ въ Сибирь...

До какой степени неосновательны были причины, вызывавшія грозныя судныя дѣла по тайной канцеляріи, видно изъ слѣдующаго факта.

17-го Апрѣля 1754 года въ селѣ Спасскомъ былъ большой мірской сходъ. Въ толпѣ сначала пошумѣли, а потомъ подрались. При этомъ особенно досталось крестьянину Филипу Сидорову. Тогда онъ, спасаясь отъ разъяренной толпы, сказалъ за собою *слово и дѣло* по первымъ двумъ пунктамъ. Толпа шарахнулась въ стороны, но дѣлать было нечего. Староста Башмаковъ донесъ объ этомъ воеводѣ и пошла переборка: чуть не весь сходъ забрали въ тайную контору. Когда же дѣло болѣе выяснилось, то въ Воронежъ повезли только главныхъ подсудимыхъ, именно 40 человѣкъ.

Черезъ два года *изъ единаго высоко-монаршаго милосердія*, какъ писалъ въ Шацкъ оберъ-секретарь тайной канцеляріи Хрущевъ, *тѣ Спасскіе колодники отпущены*. Намъ неизвѣстно, всѣ ли 40 человѣкъ вернулись домой цѣлыми и невредимыми... [1])

Сказываніе слова и дѣла практиковалось у насъ и по отмѣнѣ тайной канцеляріи. 25 ноября 1762 года было у насъ, судя по прочитаннымъ нами Тамбовскимъ документамъ, послѣднее сказываніе государева слова и дѣла. Въ Темниковской ратушѣ въ это число былъ наказываемъ за безпорядочное домашнее поведеніе, по жалобѣ его жены, купецъ Димитрій Михайловъ Нѣмцовъ. Подъ батогами, вспоминаючи горькую, немилую семейную жизнь свою съ женою—старухою (Нѣмцову было 20 лѣтъ, а женѣ Авдотьѣ Васильевой за 30-ть), Димитрій Михайловъ сказалъ за собою и

---

[1]) Изъ дѣлъ Тамб. историч. архива.

женою государево слово и дѣло по первому пункту. Его заперли въ чуланъ при ратушѣ и два дня не давали пить-ѣсть. На третій день Нѣмцовъ, измученный и больной, сознался: сказывалъ де онъ тѣ рѣчи, избавляясь отъ постылой жены... [1])

Донимая мѣстное народонаселеніе разными судебными процессами по поводу *слова и дѣла*, наши Тамбовскіе воеводы въ своихъ областяхъ слишкомъ обильно *кормились* и этимъ разоряли и безъ того небогатый край. Подвиги всероссійскихъ воеводъ и приказныхъ служилыхъ людей въ этомъ направленіи настолько общеизвѣстны, что мы въ данномъ случаѣ уклоняемся отъ подробностей и ограничиваемся слѣдующими крестьянскими заявленіями.

«Темниковскій воевода Великопольскій, жаловались въ 1753 году высшему правительству обыватели деревень: Дашкиной, Шурбиной и Пичиморги,—взялъ съ насъ 731 рубль, жена его—38 рублевъ, людямъ его выдано 64 рубля, прогонныхъ и кормовыхъ денегъ воеводой взято 73 рубля; да меду 8 пудовъ, пшеницы 36 четвертей, ржи 80 четвертей, овса 58 четвертей, рыбы свѣжепросольной 10 пудъ, икры 2 пуда; и еще увели на воеводскій дворъ лошадь мерина гнѣдова».

Тогда же съ новокрещенной Темниковской Мордвы Великопольскій собралъ 589 рублей, 5 волковъ, 4 лисицы, 6 медвѣдей и 1 куницу.

«И отъ этихъ поборовъ, писали ограбленные,—жительства стали у насъ весьма убогія; и пожитковъ мало и лошадей нѣтъ» [2]).

Надобно замѣтить, что положеніе нашихъ новокрещенъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія дѣйствительно было самое плачевное. За переходъ изъ язычества и магометанства въ православіе правительство освобождало ихъ на три года отъ всѣхъ податей и повинностей. На самомъ же дѣлѣ

---

[1]) Изъ дѣлъ Тамбов. историч. арх.

[2]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 5619-й.

подати и съ нихъ сполна собирались. Къ тому же прежніе единовѣрцы ненавидѣли ихъ и обижали, а начальство не обращало на это никакого вниманія. Даже духовныя лица обижали новокрещенъ и нѣкоторыя изъ нихъ *чинили имъ разоренія и похвалялись разорить ихъ въ конецъ* [1]).

Въ томъ же 1753 году свирѣпствовалъ въ Кадомскомъ уѣздѣ смотритель казенныхъ лѣсовъ прапорщикъ Савельевъ. «И тотъ Савельевъ, писали про него Кадомскіе новокрещены правительствующему сенату,—безъ всякой нашей винности и резоновъ мучитъ насъ тирански и вымучиваетъ великія взятки хлѣбомъ, медомъ и деньгами. И въ великія колодки забиваетъ, обнажа, въ однихъ рубахахъ запираетъ зимою въ анбары и моритъ голодною смертью. Да еще моритъ работою и та работа бываетъ—копать мерзлую землю и переносить ее безъ дѣла съ мѣста на мѣсто. Да еще однажды тотъ прапорщикъ въ селѣ Кириловѣ заказалъ двѣ подводы: четверку и тройку и тѣхъ лошадей намъ сиротамъ не отдалъ» [2]).

Приказныя обиды въ первой половинѣ прошлаго вѣка безконтрольно и безнаказанно практиковались у насъ не въ одной только крестьянской средѣ. И въ городахъ обыватели не мало терпѣли отъ подьяческаго произвола, какъ это видно изъ слѣдующей жалобы Темниковской ратуши въ главный Московскій магистратъ:

«Въ Темниковской воеводской канцеляріи у отправленія всякихъ дѣлъ состоитъ канцеляристъ съ приписью подьячій Василій Григорьевъ, сынъ Поповъ, который чинитъ обывателямъ всякія несносныя обиды и разоренія и озорничества и всѣхъ членовъ ратуши съ бургомистромъ Кириловымъ держитъ въ тюрьмѣ въ великихъ колодкахъ и оттого пришли мы въ немалое оскудѣніе и въ казну Ея Величества платить не можемъ ни деньгами, ни звѣрьми».

Началось дѣло. Поповъ отвѣчалъ: «челобитчики соста-

---

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 3-й.

[2]) Арх. Тамб. губ. правл. № 6572-й.

вили на меня затѣйное и вымышленное дѣло»... Вслѣдъ затѣмъ онъ подалъ на доносчиковъ встрѣчный искъ и вслѣдствіе того *учинилась на многіе годы волокита* [1]).

Въ описываемую нами эпоху обращаетъ на себя вниманіе жалкое положеніе нашего приходскаго духовенства. Въ особенности трудно было жить такъ называемымъ церковнымъ бобылямъ, людямъ безъ опредѣленной осѣдлости и безъ опредѣленныхъ занятій. Въ обѣихъ нашихъ провинціяхъ этихъ бобылей было не мало. Въ одномъ Елатомскомъ Богоявленскомъ погостѣ ихъ проживало около 70-ти человѣкъ, да въ Темниковѣ при соборной церкви кормились 30 церковныхъ бобылей. Всѣ они, *работая на причты всякія работы*, пользовались церковною землею и назывались по церквамъ Успенскими, Троицкими, Воздвиженскими, Знаменскими и Никольскими бобылями. Если къ нимъ прибавить церковниковъ, т. е. священно-церковно-служительскихъ дѣтей, не пристроенныхъ къ приходскимъ мѣстамъ, то получалась дѣйствительно значительная масса совершенно праздныхъ людей. Ихъ-то и стремилось правительство утилизировать посредствомъ извѣстныхъ *разборовъ*, вслѣдствіе которыхъ иные бобыли и церковники поступали въ подушное и даже крѣпостное состояніе, а другіе шли въ военную службу. Церковные разборы совершались съ замѣчательною энергіею и суровостію и ложились тяжелымъ бременемъ на наше духовенство. Въ 1768 году велѣно было доставить въ Шацкую провинціальную канцелярію всѣхъ Шацкихъ церковниковъ съ ихъ родителями. Многіе изъ нихъ стали укрываться отъ этой бѣды въ лѣсахъ, оврагахъ и болотахъ. Тогда провинціальныя власти пошли на нихъ облавою съ военными командами и въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самое половодье, этапнымъ порядкомъ доставили ихъ въ Шацкъ. Между тѣмъ наступили страстная недѣля и пасха и многія приходскія церкви отъ той великой церковнической бѣды *стали пусты* и не было

---

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 4320-й.

въ нихъ божественной службы [1]). Тяжесть положенія духовенства еще болѣе увеличивалась отъ того, что въ Шацкую канцелярію вызывали и почетныхъ духовныхъ лицъ: протоіереевъ и священниковъ со всѣми ихъ дѣтьми, даже младенцами. Отговорокъ никакихъ не принимали. Тянули въ Шацкъ больныхъ и разслабленныхъ. И многія духовныя лица бѣжали тогда изъ Шацка отъ воеводскаго и приказнаго грабежа и побоевъ. Особенный страхъ наводилъ на духовенство Шацкой провинціи воеводскій товарищъ Кудашевъ, который разъѣзжалъ по селамъ, хваталъ церковниковъ, дьячковъ и пономарей, заковывалъ ихъ въ желѣза и колодки и отдавалъ подъ караулъ въ рекрутское присутствіе. Не спасались отъ него и дѣти, которыхъ онъ тщательно переписывалъ, произвольно прибавляя имъ лѣта. А защитниковъ у нашего духовенства, какъ и во всей Россіи въ теченіе *вольтерьянскаго* XVIII вѣка, не было; архипастыри же безмолствовали и смиренно покорялись губернскимъ и провинціальнымъ велѣніямъ... Правда, Тамбовскій епископъ Ѳеодосій сталъ было пристроивать церковниковъ въ усиленномъ комплектѣ къ разнымъ приходамъ, но за это попалъ подъ судъ и два года маялся, какъ мы сказали уже въ 1-мъ своемъ выпускѣ, въ Воронежской губернской канцеляріи.

Въ солдаты попадали преимущественно тѣ церковники, противъ именъ которыхъ въ епархіальныхъ спискахъ стояли такія отмѣтки: «читаетъ тупо, а писать не умѣетъ; азбукѣ, часослову и псалтыри не обучался»...

Такова была жизнь нашихъ провинціальныхъ захолустій въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Большинство Тамбовско-Шацкаго населенія, по старой привычкѣ, выносило свою судьбу, но иные не мирились съ своимъ положеніемъ и бѣжали, какъ мы замѣтили выше, босые и нагіе, на вѣкъ покидая свои дома и семьи, или же забирали съ собою и самыя семьи, оставляя на родинѣ совершенную *пустошь*. Бѣжали старики и дѣти, забывая немощи своего возраста; бѣжали священнослужители, спасаясь отъ мірской неправды

[1]) Арх. б. Шац. провинц. канц. № 2210-й.

въ раскольничьихъ скитахъ; бѣжали даже дворяне-недоросли, укрываясь отъ царской службы и отъ школьнаго ученія. Нѣкоторымъ бѣглымъ удавалось поступать въ монахи и даже священники, или же подъ чужими именами переходить границы. Но большинство ихъ пропадало безслѣдно и гдѣ горе свое они мыкали, про то слабая тогдашняя полиція не знала. А мыкали они бѣду свою по степямъ и дебрямъ Россійскимъ и жутко приходилось отъ нихъ, отъ бездомныхъ и озлобленныхъ странниковъ, мирнымъ людямъ русскимъ, прохожимъ и проѣзжимъ.

Между бѣглыми попадались и такіе, какъ дворовая помѣщика Перепечина Анисья Акимова, которой въ годъ ея побѣга съ барской усадьбы было *80 лѣтъ*. Значитъ желаніе свободы и условія этого желанія были слишкомъ сильны.

Наибольшій контингентъ бѣглыхъ какъ и слѣдуетъ ожидать,—доставляли барскія вотчины. За одинъ 1734 годъ и въ *одной связкѣ* намъ попалось болѣе 200 явочныхъ прошеній о вотчинныхъ бѣглецахъ, уходившихъ куда глаза глядятъ десятками и сотнями. И замѣчательно, большинство бѣглыхъ приходится на долю богатыхъ нашихъ помѣстій, наприм., помѣстья царевны Имеретинской Даріи Арчиловны, князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, князя Ѳ. В. Сибирскаго, князя С. А. Голицына, Е. И. Пашкова, стольника Я. Г. Порошина, князя М. М. Волконскаго и Кирилло-Бѣлозерской вотчины села Успенскаго. Бѣглые въ прошломъ столѣтіи назывались у насъ *утеклецами*, въ числѣ которыхъ, какъ мы сказали уже, было немало дворянскихъ недорослей, которые укрывались, конечно, не отъ горя-злосчастья, а отъ службы и ученія. Одинъ изъ нихъ, Кадомскій дворянинъ Разгильдѣевъ, спасаясь отъ правительственныхъ агентовъ, поселился среди собственнаго дремучаго лѣса въ глухомъ болотѣ и вотчинный староста тайкомъ приносилъ ему туда пищу. Случай съ Разгильдѣевымъ былъ далеко не единственный. Еще въ 1726 году снаряжена была въ Шацкую провинцію особая экспедиція для поимки Шацкихъ недорослей и надобно замѣтить, что

труды этой экспедиціи увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Изъ нашихъ дебрей и болотъ извлечены были слѣдующіе Шацкіе недоросли: Борисовъ, Ишеевъ, Леонтій и Матвѣй Азѣевы, князь Тенишевъ и пр. Всѣ они были люди уже немолодые отъ 35 до 50 лѣтъ, и совершенно неграмотные.

Что касается крѣпостныхъ крестьянъ, то они бѣжали, по словамъ нашихъ документовъ, *съ голоду и отъ несносныхъ побоевъ* и часто въ чужедальней сторонѣ притворялись юродивыми и жили Христовымъ именемъ. Были случаи, когда вотчинные крестьяне бѣжали, какъ мы сказали, массами. А въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны въ Шацкой провинціальной канцеляріи получено было извѣстіе, что съ разныхъ трактовъ однихъ *работныхъ людей Донской судовой экспедиціи* бѣжало 5380 человѣкъ. О значительномъ количествѣ однихъ только тѣхъ бѣглыхъ, которые укрывались въ Шацкой провинціи, можно судить потому, что съ нѣкоторыхъ Шацкихъ селъ брали ежегодно правежныхъ штрафныхъ денегъ за держаніе бѣглыхъ по нѣсколько сотъ рублей. Напримѣръ въ селѣ Кажлоткѣ въ 1767 году взяли съ міру такихъ штрафовъ *400 рублей*.

Иные крестьяне, собираясь уходить отъ своихъ господъ, предварительно такъ или иначе мстили имъ: или *уносомъ пожитковъ*, или *огненнымъ спаленіемъ хоромъ*, или открытымъ буйствомъ. Такъ, дворовая Шацкой помѣщицы Свищевой Катерина Клеменова въ день своего побѣга пришла къ барынѣ и въ ея присутствіи вцѣпилась *въ виски* ея горничной-наушницы и *учинила ей великое волосяное таскаціе*. Покончивши съ оторопѣвшею первою своею жертвою, воинственная баба такой же участи подвергла свою барыню и въ суматохѣ скрылась невѣдомо куда [1]).

Озлобленіе крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ происходило между прочимъ отъ того, что владѣльцы продавали ихъ въ розницу, родителей въ однѣ руки, дѣтей въ другія; иногда же мѣняли на лошадей и собакъ, или

---

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 266-й.

проигрывали въ карты, или просто дарили... Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ нашихъ провинціяхъ, т. е. Тамбовской и Шацкой, цѣны на крѣпостныхъ людей стояли самыя низкія. Въ 1758 году Спасскій помѣщикъ Регозинъ продалъ въ Темниковъ коллежской регистраторшѣ Евсюковой цѣлую семью въ 6 душъ, *съ хоромными ихъ строеніемъ и пожитками, скотомъ и хлѣбомъ*, за 15 рублей [1]). Въ царствованіе Екатерины II-й цѣна на людей повысилась: за одного взрослаго и здороваго парня брали уже рублей по 30 и болѣе.

Укрываясь въ разныхъ лѣсахъ и степяхъ, многіе бѣглые находили также пріютъ у тѣхъ украинныхъ помѣщиковъ, у которыхъ было много земли и мало людей. Такъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія укрывательствомъ бѣглецовъ занимался Саратовскій воеводскій товарищъ Родіоновъ. Бѣглые жили и работали въ его помѣстьяхъ лѣтъ по 20-ти, не получая за это никакой платы. А иные бѣглые находили возможнымъ укрываться у ближайшихъ своихъ сосѣдей. Такъ, напримѣръ, въ 1723 году у Кадомскаго помѣщика Ротиславскаго убѣжалъ съ женой и дѣтьми дворовый Алексѣевъ. Онъ былъ въ бѣгахъ ровно 37 лѣтъ. Гдѣ же онъ былъ все это время? Въ сосѣднемъ Темниковскомъ уѣздѣ въ имѣніи у князя Тенишева. Тамъ онъ овдовѣлъ, женился, обзавелся домомъ и хозяйствомъ и никто ни разу не безпокоилъ его [2])... Всѣ эти бѣглецы-работники были большею частію люди смирные, скромные. Но иные изъ нихъ были не таковы. Формируя разбойничьи шайки, они представляли въ описываемое нами время серьезное и трудно побѣдимое общественное зло.

До какой степени распространились разбои въ Шацкой провинціи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, видно изъ того, что для ихъ искорененія составлены были особыя воинскія команды и особая слѣдственная комиссія подъ

---

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 228-й.
[2]) Изъ дѣлъ Тамб. историч. арх.

начальствомъ главныхъ сыщиковъ Татищева и Ададурова [1]). Кромѣ того, къ тому же дѣлу *обязательно* привлечены были сельскія власти и вотчинные владѣльцы.

Разбойники собирались въ нашихъ провинціяхъ партіями человѣкъ во 100 и болѣе и на лодкахъ разъѣзжали по рѣкамъ Цнѣ, Мокшѣ, Окѣ и Вышѣ, *учиняя многія грабительства и смертныя убійства.* 13 Апрѣля 1735 года одна разбойничья шайка подплыла къ селу Фроловскому. Мѣстный священникъ Васильевъ служилъ въ это время заутреню, но разбойники вывели его изъ церкви и привели къ своему атаману.

— Какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ съ пустыми руками? закричалъ атаманъ на оробѣвшаго священника, — ступай сейчасъ-же домой и поскорѣй неси дорогимъ гостямъ хлѣба, соли и яицъ.

Все это было принесено немедленно. Между тѣмъ Фроловскіе крестьяне стояли на берегу и отсчитывали разбойникамъ обычную денежную дань. Тогда атаманъ смягчился, *пожертвовалъ на церковное приходское Евангеліе* пригоршню серебряныхъ денегъ и въ ту же церковь отдалъ шелковую женскую юбку на эпитрахиль, а мѣдною мелочью сталъ бросать въ народъ и въ воду.

Въ полдень разбойники поплыли далѣе. Прощаясь съ Фроловскими крестьянами, атаманъ вручилъ имъ слѣдующее письмо на имя Шацкаго воеводы Любовникова: «что не ловишь меня? А со мной 80 человѣкъ и сіе письмо писалъ я—атаманъ для оправданія крестьянамъ, дабы имъ не разориться. А были мы у села Фроловского съ полдня, только пообѣдали».

Та же партія вскорѣ послѣ того посѣтила села Сасово, Агламазово и Черніевъ монастырь. Въ Сасовѣ разбойники ограбили таможню, кабакъ разбили и все *пойло* вылили на

[1]) Въ 1710 году въ нашемъ краѣ наводили ужасъ на мирное населеніе воры и разбойники Никита Пишковъ и Максимъ Колыхинъ. Оба изловлены и доставлены въ Тамбовскую приказную палату. Въ Тамбовѣ же ихъ и казнили.

землю, да кабатчиковъ убили. *И было то дневной грабежъ*, жаловались потомъ Сасовскіе крестьяне. Въ селѣ Агламазовѣ атаманъ заставилъ священника кропить святою водою свои лодки, при чемъ всѣ разбойники подходили къ кресту и клали на тарелку по копѣйкѣ. Черніевъ монастырь ограбленъ былъ слегка: монаховъ не тронули и только монастырскую кружку взломали.

Послѣ небольшаго отдыха атаманъ повелъ свою шайку на усадьбу помѣщика Тюменева, который со всѣмъ семействомъ и дворовыми успѣлъ укрыться въ лѣсу, между тѣмъ въ его отсутствіе домъ его былъ совершенно ограбленъ и сожженъ. Тутъ только настигла разбойниковъ воинская команда и вступила съ ними въ бой, результатомъ котораго былъ плѣнъ воровскаго эсаула Шустова. Въ Шацкѣ плѣнника подвергли розыску *и съ того розыску разбойникъ во всемъ повинился*.

Однако шайка не унывала. Скоро она ограбила Вышенскую пристань и тамошній постоялый дворъ. Разбойники пріѣзжали на Вышу *со огненнымъ оружіемъ, палашами, кистенями и бердышами*, и по окончаніи грабежа нѣсколько дней пировали [1]).

Главные разбойничьи притоны въ первой половинѣ прошлаго столѣтія были у насъ въ окрестностяхъ Морши, Пичаева, Кадома и въ Шацкомъ Залѣсскомъ стану. Въ этихъ темныхъ трущобахъ со всѣхъ сторонъ собирались бѣглые крестьяне, солдаты, драгуны, матросы и даже лица духовнаго и дворянскаго званія. Однажды въ 1753 году въ Шацкіе лѣса отправлена была для поимки разбойниковъ значительная воинская команда. Командѣ на тотъ разъ посчастливилось: она захватила въ плѣнъ цѣлую шайку, въ которой атаманомъ былъ попъ Андрей Андреевъ, а эсауломъ сынъ его Василій. Атаманъ Андрей Андреевъ, повидимому, баловалъ своихъ подчиненныхъ, потому что въ подвалахъ у разбойниковъ найдены были бочки съ водкой и разные съѣстные припасы [2]).

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 36-й.

[2]) Тамъ-же, № 7079.

Въ тѣхъ же Шацкихъ лѣсахъ и около того же времени укрывался дьячекъ Ѳедоръ Поповъ съ братьями: попомъ Степаномъ и дьякономъ Иваномъ, да съ нимъ же были дѣти его церковники: Гаврилъ и Василій, *и всѣ тѣ люди съ рогатинами ходили по селамъ и чинили разбой и огнемъ людей жгли и было отъ нихъ огненное хоромное запаленіе.*

Въ 1764 году жители села Сосновки, Завадскаго стану, подали въ Шацкую провинціальную канцелярію на своего приходскаго священника заявленіе такого рода: «попъ нашъ Ѳедоръ съ братомъ и дѣтьми по часту невѣдомо куда отъ дому своего отъѣзжаетъ и съ невѣдомыми людьми ночнымъ временемъ возвращаясь пьянствуетъ весьма безобразно...» [1]).

Подобные же *разбойные подвиги* въ Шацкой провинціи совершалъ прапорщикъ Кареевъ, имѣвшій главную свою пристань въ селѣ Алексѣевскомъ. Часто ходили смирять его командами, но онъ *чинился тѣмъ командамъ весьма противенъ и за тою его противностію была въ поимкѣ воровъ крайняя остановка.* Шайка Кареева въ одно лѣто разгромила усадьбы троихъ помѣщиковъ: Волкова, Бунина и Вышеславцева. При этихъ набѣгахъ были убитые и плѣнные, наприм. маіоръ Коровaевъ, схваченный разбойниками во время боя и впослѣдствіи умерщвленный въ селѣ Алексѣевскомъ [2]).

Въ тоже время, т. е. около половины прошлаго вѣка, по Окѣ разбойничалъ помѣщикъ Самсоновъ. Онъ грабилъ купеческія и казенныя суда, а судовыхъ пассажировъ билъ плетьми и палками [3]). А подъ Темниковомъ занимались грабежами новокрещенъ Кашаевъ, помѣщикъ села Урей, да Темниковскій посадскій человѣкъ Данила Тюрясовъ [4]). Даже помѣщицы выходили иногда на разбойное поприще. Такъ,

[1]) Изъ дѣлъ Тамб. истор. арх.

[2]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 54.

[3]) Тамъ-же, № 8285.

[4]) Изъ дѣлъ Тамб. истор. арх.

4 февраля 1744 года Кадомская помѣщица унтеръ-офицерша княгиня Марья Алексѣевна Енгалычева встрѣтилась въ полѣ съ дворовыми людьми инженернаго корпуса кондуктора Савельева *и била ихъ дубьемъ смертнымъ боемъ и сняла съ нихъ господскихъ денегъ пятнадцать рублевъ да шубу новую, цѣна 2 рубля, кушакъ новый верблюжій, цѣна 30 копѣекъ, да шапку съ рукавицами, цѣна 50 коп.* „*И стали мы отъ тое лютости едва живы*—писалъ дворовый человѣкъ Василій Михайловъ; *а наижесточае билъ насъ княгининъ дьячекъ села Матчи Силантій Семеновъ*" [1]).

Этотъ поступокъ княгини М. А. Енгалычевой былъ далеко не единственный. Въ актахъ Тамбовскаго историческаго архива встрѣчается множество жалобъ разныхъ пострадавшихъ лицъ на ту же неугомонную княгиню. Такъ, наприм., былъ такой случай. 1746 года 10 марта дворянинъ Веденяпинъ, проѣздомъ изъ Елатьмы въ свое имѣніе Зубово, остановился въ селѣ Большомъ Никитинѣ, Кадомскаго уѣзда, у дворянки Чурмантѣевой. «И въ то число, жаловался онъ,—въ полночь къ оной вдовѣ Чурмантѣевой пріѣхала воровски М. А. Енгалычева съ людьми своими и со крестьяны и села Матчи попомъ Семеномъ Акимовымъ да церковникомъ Силою Семеновымъ, и связавъ меня били смертно и топтали и деньги 70 рублевъ моихъ отняли, и лошадь мерина гнѣдова отняли жъ» [2]).

Вообще, Кадомскій уѣздъ въ прошломъ столѣтіи почему-то отличался особенною воинственностію своихъ дамъ. Еще жива была Енгалычева, какъ на смѣну ей въ 1762 году явилась помѣщица вдова коллежская регистаторша Моисеева. Вотъ что писали про нее жители деревни Турмандеевой: «въ разные мѣсяцы и числа деннымъ и ночнымъ временемъ съ ружьями и со всякимъ дреколіемъ та Моисеева со своими дворовыми умышленно, яко разбойники, пріѣз-

---

[1]) Изъ дѣлъ Тамб. истор. арх.

[2]) Арх. б. Шацк. провинц. канц.

жаетъ въ нашу деревню и безъ всякаго милосердія бьетъ и разоряетъ насъ напрасно и то чинитъ со многими почасту [1]).

Дерзость разбойниковъ въ былое время доходила у насъ до того, что сами провинціальные воеводы въ домахъ своихъ не были отъ нихъ безопасны. Такъ въ 1730 году ограбленъ былъ разбойниками Шацкій воевода Карташевъ. Онъ самъ доносилъ объ этомъ высшему правительству въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Въ нынѣшнемъ, государь, 1730 году со втораго на третье февраля въ ночи имѣющіяся въ Шацку воеводскія хоромы зазжены отъ нѣкоторыхъ пришлыхъ невѣдомыхъ злодѣевъ, и въ нихъ имѣющіеся образы въ надлежащихъ окладѣхъ и всякіе мои пожитки, что при мнѣ было, притомъ и данные мнѣ жъ высокаго сената инструкціи и всякія крѣпости—все безъ остатку погорѣло. И я отъ жестокости того пожара съ домовыми моими едва изъ хоромъ вышелъ и пришолъ во всеконечное разореніе, понеже зазженіе тѣхъ хоромъ было не въ одномъ мѣстѣ, а занялись оныя всѣ вдругъ и самою скоростію» [2])

Сильные разбои въ нашихъ провинціяхъ вызывали со стороны правительства болѣе или менѣе энергическія мѣры къ ихъ подавленію. Въ каждый изъ нашихъ уѣздовъ опредѣлены были воинские начальники съ подчиненными имъ командами. Сельскимъ властямъ, старостамъ и сотскимъ, подъ страхомъ смертной казни, вмѣнено было въ обязанность слѣдить за безопасностію селеній и дорогъ и обо всѣхъ случаяхъ нарушенія этой безопасности немедленно доносить воеводскимъ канцеляріямъ. Всѣмъ обывателямъ приказано было покрѣпче запираться на ночь и имѣть при себѣ на всякій случай хоть какое нибудь оружіе. Съ особенною энергіею разбои искоренялись въ Шацкой провинціи во вторую половину царствованія императора Петра 1-го, который для этой цѣли собственноручно или черезъ кабинетъ-секретаря Макарова переписывался съ мѣстными воеводами: Шац-

[1]) Изъ дѣлъ Тамб. историч. арх.

[2]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 10.

кимъ Ляпуновымъ, Кадомскимъ Башкаровымъ и Темниковскимъ Крюковымъ. Въ апрѣлѣ 1714 года въ Тамбовско-Шацкій край командированъ былъ для истребленія разбойниковъ поручикъ Шишковъ съ драгунами и дѣтьми боярскими. Въ одномъ лѣсу, послѣ долгихъ поисковъ, онъ настигъ разбойниковъ и вступилъ съ ними въ бой, окончившійся пораженіемъ и бѣгствомъ шайки. Трофеями побѣдителей были раненые плѣнные (10 человѣкъ), 6 телѣгъ съ разными пожитками и 11 лошадей. Кромѣ того разбойники оставили на мѣстѣ сраженія 6 труповъ. Продолжая свой путь далѣе, поручикъ Шишковъ изловилъ въ селѣ Питаковѣ *поповъ — воровъ Ивана и Никиту. Оба они сысканы были въ Шацкую воеводскую избу и допрашиваны и на томъ допросѣ чинили запирательство.*

Посылались команды на Шацкихъ разбойниковъ и по смерти Петра 1-го, въ слѣдующія царствованія, но дѣйствовали они вяло и никакъ не могли сладить съ многочисленными шайками, *а прохожимъ и проѣзжающимъ чинили между тѣмъ не малую остановку и разоренiе*, какъ это видно изъ переписки сыщика Ададурова. [1]) Иногда впрочемъ команды ловили разбойниковъ, связанныхъ и скованныхъ привозили ихъ въ Шацкъ къ допросу, и тогда праздные люди собирались на городскую площадь и смотрѣли, какъ вырѣзывали воранъ ноздри и клеймили имъ лбы и какъ полосовали ихъ плетьми и батогами...

Въ первой половинѣ прошлаго вѣка Шацкимъ заплечнымъ мастеромъ былъ нѣкто Молоствовъ. Это былъ человѣкъ, отличавшійся крайнею жестокостію и въ свое суровое время и исполнявшій свои обязанности съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ убилъ своего сына-младенца и питался молокомъ своей жены, грудь которой сосалъ до крови. [2]) На его то *мастерство* и приходили любоваться Шацкіе обыватели, когда въ ихъ городъ привозили плѣнныхъ разбойниковъ.

[1]) Арх. б. Шацк. провинц. канц. № 54.
[2]) Тамъ же, № 6700.

Такова мѣстная бытовая исторія за первую половину XVIII-го вѣка, по сохранившимся документамъ Шацкой провинціальной канцеляріи. Не весела и не спокойна была жизнь нашихъ предковъ-Тамбовцевъ, и тѣмъ съ большимъ довѣріемъ должны мы отнестись къ нашему настоящему и будущему. Я не сомнѣваюсь, что въ описываемую эпоху были у насъ и радостныя явленія. Несомнѣнно, бывали у насъ и добрые патріархальные помѣщики, и безкорыстные чиновники, и ревностные, благочестивые пастыри, такъ какъ въ жизни человѣческой горе обыкновенно перемѣшивается съ радостію, злоба съ милосердіемъ, богатство съ нищетою, сила съ слабостію, покой съ тревогою—и мы первые искренно обрадовались бы, если бы положительныя бытовыя черты нашего края кѣмъ либо были научно, т. е. по несомнѣннымъ документамъ и инымъ памятникамъ, установлены. Тогда эта послѣдняя наша догадка о существованіи и свѣтлыхъ сторонъ отжившаго нашего быта стала бы неопровержимымъ фактомъ.

Что касается частной, домашней жизни нашихъ предковъ первой половины XVIII-го вѣка, то вотъ отзывъ на этотъ предметъ Преображенскаго, города Тамбова, попа Трифона Иванова: «живутъ у насъ въ городѣ Тамбовѣ народы простые беззаконно, Бога едва знающіе, женящіеся четвертыми браками»...

Съ открытіемъ въ 1779 году Тамбовскаго намѣстничества бытовыя условія нашего края весьма медленно и понемногу стали улучшаться. На первыхъ порахъ это улучшеніе выразилось пока въ сравнительно лучшихъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, въ относительной об-

щественной и частной безопасности и въ нѣкоторыхъ стремленіи къ просвѣщенію, такъ какъ внѣшняя обстановка городовъ оставалась у насъ прежняя.

Городъ Тамбовъ, ставшій во главѣ обширнаго края, походилъ на большое черноземное село. Почти всѣ дома его крыты были соломою, а болотистыя улицы выложены были фашинникомъ, изрыты ямами и пересѣчены сорными буграми. Бѣдность Тамбова была такъ велика, что городское управленіе, распоряжавшееся ежегоднымъ городскимъ доходомъ только въ 1500 рублей, отказалось содержать пожарныхъ лошадей. Даже храмы Божіи лишены были приличной обстановки. Въ самомъ соборѣ, нижній этажъ котораго былъ каменный, а верхъ деревянный, *завѣса церковная была ветхая и изотлѣлая, пелена сдѣлана изъ саржеваго платка, а сосуды употреблялись мѣдные и старые.* Въ то же время Тамбовскій женскій монастырь имѣлъ кельи *малыя, черныя, крытыя дранью, съ волоковыми окнами.*

Жалкая картина нашего губернскаго города дополнялась слѣдующими подробностями. На главной улицѣ весною и осенью протекалъ широкій и тинистый ручей; на западныхъ окраинахъ города стояли болота, поросшія лѣсомъ и кустарникомъ, богатымъ дичью; на базарной площади разстилалось большое озеро, въ которомъ въ лѣтнюю пору Тамбовскіе обыватели купались. По всему городу въ разныхъ мѣстахъ стояли гумна и овины. Пріѣзжему человѣку остановиться въ Тамбовѣ было негдѣ, кромѣ грязныхъ постоялыхъ дворовъ, герберговъ и харчевень. Общественныхъ увеселеній никакихъ не было. Только въ питейныхъ домахъ, свободно развивавшихъ и тогда свою коммерцію на счетъ скудныхъ кошелей простонародья, широкая русская натура по своему развертывалась; да еще прохлаждались любители шумныхъ удовольствій *въ сбитенныхъ и квасныхъ курняхъ,* запивая тамъ свою скуку ендовами хмѣльной русской браги, и въ пріютахъ нѣмецкихъ дѣвицъ Шульцъ и Фалькъ, ознаменовавшихъ своимъ прибытіемъ открытіе намѣстничества.

Въ 1779 году въ городѣ Тамбовѣ открыто было мно-

жество присутственныхъ мѣстъ и всѣ они помѣщались кое-какъ. Управленіе губернскаго прокурора заключалось въ одной малой комнатѣ. Помѣщеніе верхняго земскаго суда и магистрата было въ развалинахъ старинной воеводской избы. Но особенно плохи были Тамбовскія тюремныя избы. Г. Р. Державинъ называлъ ихъ *мерзкими хлѣвами*. О тамбовскихъ же присутственныхъ зданіяхъ онъ отзывался такъ «Всѣ сіи присутствія весьма ветхи, бревна согнивши выпятились, рамы сгнили и отъ сего стекла трескаются, печи и боровья разсѣлись черезъ крышу течь проходитъ и чинить сіи строенія невозможно».

Съ 1786 года начинается внѣшнее улучшеніе города Тамбова. Объ этомъ особенно хлопотали какъ самъ Державинъ, такъ и тогдашніе Тамбовскіе городскіе головы, купцы Максимъ Бородинъ и Николай Толмачевъ. Близъ Тамбова они устроили большой кирпичный заводъ и приступили къ постройкѣ большаго каменнаго гостинаго двора, чему много помогли купцы-капиталисты: Степанъ Суворовъ, Матвѣй Малинъ, Степанъ Самгинъ, Иванъ Сипринъ, Гаврилъ Пустоваловъ и Ѳеоктистъ Сусоровъ. Немного позднѣе купецъ Сухановъ на Ерикѣ устроилъ большую мельницу и далъ рѣкѣ Цнѣ болѣе быстрое теченіе. Съ 1788 года на сѣнной площади (теперь базарной) стали строить деревянныя лавки для мелочной торговли. Въ томъ же году учреждены у насъ такъ называемые цехи и такимъ образомъ положено начало мѣстному мастерству... Около того же времени инженеръ Соймоновъ урегулировалъ подъ Тамбовомъ рѣку Цну и, наконецъ, въ 1796 году послѣдовалъ слѣдующій любопытный губернаторскій ордеръ Тамбовскому коменданту Булдакову. «Довольно извѣстно, что осенью и весною по всѣмъ улицамъ города Тамбова и наиболѣе по большой Астраханской грязь бываетъ столь чрезмѣрна, что и проѣзду нѣтъ и приказнослужителямъ въ присутствія ходу не бываетъ,—и цѣны на все увеличиваются; того ради по Астраханской улицѣ прокопать канавы для стока воды и покрыть оную фашинникомъ, а колья и хворостъ собирать съ жителей» [1]).

---

[1]) Арх. Тамб. губ. правл. № 33-й.

Между тѣмъ въ уѣздныхъ городахъ Тамбовскаго намѣстничества присутственныя и всѣ казенныя зданія были не лучше Тамбовскихъ и нѣкоторые сообразительные чиновники поспѣшили этимъ воспользоваться. Такъ, когда обвалился Кирсановскій винный подвалъ, то винный приставъ, донося объ этомъ несчастіи, между прочимъ выразился такъ: «отъ того обвалу въ винѣ произошла немалая утечка».

Всѣ эти внѣшніе безпорядки увеличивались на первыхъ порахъ страннымъ поведеніемъ главныхъ лицъ Тамбовской администраціи, которыя между собою открыто ссорились. Такъ, въ 1781 году Тамбовскій губернаторъ князь Михаилъ Михайловичъ Давыдовъ до того поссорился съ директоромъ экономіи княземъ Василіемъ Вяземскимъ, что запрещалъ ему выѣзжать изъ Тамбова для обозрѣнія казенныхъ селеній, приказывая ему сидѣть въ губернскомъ городѣ безвыѣздно; и такъ какъ князь Вяземскій всетаки выѣхалъ изъ Тамбова, оправдываясь служебнымъ долгомъ и приказаніями графа Воронцова, то князь Давыдовъ послалъ за нимъ въ погоню военный отрядъ. Директоръ Тамбовской экономіи настигнутъ былъ при переправѣ черезъ Цну, причемъ суматоха поднялась такая страшная, что одинъ ямщикъ князя Вяземскаго потонулъ... Самъ Вяземскій однако вырвался и уѣхалъ [1]...

Въ чемъ же именно сказывались сто лѣтъ назадъ высшіе интересы нашего края?

Слабо проявлялись они въ первыхъ попыткахъ къ развитію учебнаго дѣла, во главѣ котораго стояли тогда въ мѣстныхъ дворянскихъ семействахъ странствовавшіе учителя-французы: Продонъ, Дюре и Лятуръ, или же мѣстные грамотѣи-церковники. Всѣ они не могли похвалиться своимъ житьемъ и постоянно плакались на своихъ нанимателей, которые не доплачивали имъ договорнаго жалованья и слишкомъ небрежно относились къ нимъ лично. Слѣдующій примѣръ довольно ясно, по нашему мнѣнію, указываетъ на характеръ взаимныхъ отношеній нанимателей и ихъ домашнихъ педагоговъ.

---

[1]) Арх. мин. юстиц. № 6513-й.

Въ ноябрѣ 1762 года помѣщикъ села Архангельскаго, Керенскаго уѣзда, Ларіоновъ *по контракту* нанялъ себѣ домашняго учителя церковника Өедора Попова. Поповъ обязался выучить сына Ларіонова Егора россійской грамотѣ, да пѣнію партесному, да тому жъ пѣнію онъ долженъ былъ обучить еще трехъ дворовыхъ и *выуча привести ихъ всѣхъ въ согласъ*. За все это домашній педагогъ имѣлъ получить *15 рублей, кромѣ особаго покоя и ежедневной пищи*. Сдѣлка была по тогдашнему очень выгодная для Попова и однако онъ *ночнымъ временемъ бѣжалъ невѣдомо куда*, потому что за нимъ учрежденъ былъ въ барскомъ домѣ строжайшій надзоръ и его изъ учительской комнаты *безъ караула никуда не пускали*... [1]). Была у насъ также, какъ мы говорили уже во 2-мъ своемъ выпускѣ, при мѣстной военной командѣ гарнизонная школа, ученики которой съ особеннымъ рвеніемъ занимались *барабанною наукою*, но въ то же время еще съ большимъ рвеніемъ помышляли о томъ, какъ бы имъ избѣгнуть пріютившаго ихъ суроваго заведенія. Школьники гарнизонной школы, малые и великовозрастные, часто бѣгали изъ своей школы и прятались отъ сыщиковъ въ лѣсахъ и оврагахъ. Здѣсь ихъ ловили и за карауломъ представляли въ намѣстническое правленіе, которое конечно придерживалось въ этихъ случаяхъ самой суровой педагогической системы.

Учителемъ Тамбовской гарнизонной школы въ описываемое нами время былъ нѣкто, *неслужащій дворянинъ*, Савостьянъ Петровъ. Жалованья ему *на одежду и пропитаніе* положено было *по 15 рублей въ годъ*. Каковы были научныя познанія этого Петрова, можно судить потому, что съ открытіемъ въ 1786 году мѣстнаго главнаго народнаго училища онъ поступилъ туда въ число учениковъ и совершенно затерялся въ разнообразной толпѣ школьныхъ новобранцевъ.

Въ самый годъ открытія Тамбовскаго намѣстничества

[1]) Изъ дѣлъ Тамб. историч. арх.

появилась въ нашемъ краѣ, сперва въ Нижне-Ломовскомъ монастырѣ, и духовная семинарія, на первыхъ порахъ отличавшаяся слишкомъ сомнительнымъ составомъ преподавателей. Неразвитые и малознавшіе учителя нашей семинаріи старались восполнить свои недостатки въ преподаваніи излишнею придирчивостію къ молодежи и подвергали ее суровымъ наказаніямъ. Про одного тогдашняго учителя ариѳметики, саномъ іеромонаха, сохранилось преданіе, что во всю свою педагогическую службу онъ ни разу не рѣшился подойти къ доскѣ и хоть что нибудь объяснить на ней ученикамъ. Такое странное уклоненіе отъ своей обязанности онъ объяснялъ тѣмъ, что *у него рукава широкіе и оттого у доски легко могутъ испачкаться.* Между тѣмъ безпощадное сѣченіе практиковалось этимъ самымъ педагогомъ безпрерывно. Отсюда происходило въ средѣ духовенства нерасположеніе къ семинаріи, а въ учившемся юношествѣ сильнѣйшее желаніе поскорѣе оставить негостепріимную школу и уйти изъ нея куда попало. Вслѣдствіе этого многіе ученики семинаріи, невольно подражая Тамбовскимъ кантонистамъ, бѣжали домой, рискуя попасть подъ родительскія розги, или же *за урослостію и тупоуміемъ* увольнялись въ епархіальное вѣдомство. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ семинарское начальство охотно снабжало своихъ отпущенниковъ аттестатами въ родѣ слѣдующаго: «оный дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, ни увѣщаніями и жестокими наказаніями неодолимый».

Крайняя наивность семинарскихъ педагоговъ описываемаго времени ясно видна изъ тѣхъ похвальныхъ аттестацій которыя они выдавали лучшимъ ученикамъ. Такъ, наприм. нѣкто Кириллъ Макаровскій аттестованъ былъ семинарскимъ правленіемъ такъ: «оный Макаровскій обучался богословіи съ отличнымъ успѣхомъ, философіи—съ наилучшимъ успѣхомъ, математикѣ—съ похвальнымъ успѣхомъ, физикѣ—отличительно, латинскому и россійскому краснорѣчію—съ превосходнымъ успѣхомъ, исторіи и географіи — преизхвально». Если бы въ этомъ аттестатѣ была и половина

правды, то и тогда Макаровскій долженъ былъ бы прославить русскую науку не менѣе Ломоносова. Между тѣмъ впослѣдствіи онъ пригодился только для весьма скромной должности архиваріуса въ гражданской палатѣ. Тамъ въ архивныхъ подвалахъ и угасъ столь возвеличенный своими педагогами семинаристъ...

Неблагопріятное вліяніе на первыхъ воспитанниковъ нашей духовной семинаріи имѣла, конечно, и та суровая бѣдность, вслѣдствіе которой даже и тѣ семинаристы, которые владѣли поповскими жеребьями и получали извѣстные доходы съ своихъ будущихъ приходовъ, платили за квартиры въ годъ только рублей по семи. А щеголяли они въ халатахъ, подпоясанныхъ кушаками, и нерѣдко въ самодѣльныхъ лаптяхъ...

Вскорѣ по открытіи Тамбовскаго намѣстничества высшее правительство справлялось: *„нѣтъ ли въ Тамбовскомъ краѣ обучавшихся геодезіи и прочихъ наукъ?“* Отвѣтъ на это полученъ былъ такой: «только одинъ Шацкій секундъ-маіоръ Андреевъ, будучи въ Преображенскомъ полку въ бомбандирской ротѣ, обучался ариѳметикѣ и геометріи, точію за неимѣніемъ книгъ и будучи въ походахъ много позабыто» [1]). А остальнымъ Тамбовскимъ служилымъ людямъ и забывать было нечего и самодовольно писали они въ своихъ канцеляріяхъ самыя неграмотныя и курьезныя *дѣла*, наприм., *о непойденіи* отвѣтчика (такого-то) *къ засѣдателю*, *о закрытіи престарѣлаго священническаго мѣста*, *о войденіи мурзинской жены въ ся защищеніе*, *о прострѣленіи у предвѣчнаго младенца въ городѣ Кадомѣ лѣваго глаза дробью;* и въ то же время тѣ же авторы приносили въ суды челобитныя *въ потравѣ яроваго* хлѣба скотомъ купцомъ Синельниковымъ.

Представленныя нами черты нашего отжившаго быта свидѣтельствуютъ о медленномъ культурномъ ростѣ нашей родины. Эта медленность зависѣла между прочимъ отъ того,

[1]) Арх. Тамб. Окруж. Суда № 1388-й.

что во время открытія Тамбовскаго намѣстничества въ нашемъ краѣ проживало около 3000 помѣщичьихъ семействъ, слѣдовательно предшественники наши жили подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ крѣпостнаго права, антикультурное значеніе котораго въ настоящее время едва ли кто станетъ оспоривать. Подходящею иллюстраціею къ высказанному нами мнѣнію могло бы послужить описаніе одного *дѣвичьяго бунта*, направленнаго противъ нѣкоего помѣщика Пущина. Выведенныя изъ терпѣнія, дворовыя дѣвицы, въ количествѣ 8 человѣкъ, своеручно ра[illegible] своимъ грознымъ господиномъ, послѣ того [illegible] ножницами, желѣзными гребнями и ножами, [illegible] *дѣвичей* и два дня мужественно выдерживали [illegible] оровыхъ, которыми предводительствовалъ сам[illegible] саду [1])... Но объ этомъ своеобразномъ соб[illegible] подробнѣе когда нибудь въ другой разъ.

Не смотря на [illegible] ствія, нашъ край всетаки двигался впередъ. [illegible] у насъ произошло генеральное межеваніе [illegible] было къ новой распланировкѣ городовъ. Тог[illegible] ны были большія дороги, опредѣлены были ра[illegible] селеніями, приведено въ извѣстность количе[illegible] селенія, между городами въ положенные дни с[illegible] почта, въ средѣ дворянства и чиновничества стали появляться чаще и чаще люд[illegible] просвѣщенные, добрые и трудолюбивые. Нѣкоторые из[illegible] такихъ лицъ, напримѣръ губернаторъ Державинъ, помѣщи[illegible] Рахмановъ и Ушаковъ и пр., уже указаны нами въ 1-[illegible] нашемъ выпускѣ. Теперь мы остановимъ вниманіе на бы[illegible] шемъ нашемъ генералъ-губернаторѣ, извѣстномъ М. Ѳ. К[illegible] менскомъ.

Личность фельдмаршала Каменскаго доселѣ представля[illegible]лась далеко не въ привлекательномъ видѣ и на это было и есть фактическія доказательства. Тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ высказать, что въ болѣе раннюю эпоху

[1]) Арх. Тамб. губ. правл. № 3086-й.

дѣятельности графа Каменскаго, когда онъ былъ *государевымъ намѣстникомъ* Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, его служебныя дѣйствія отличались весьма гуманнымъ и практичнымъ характеромъ. Такая противоположность въ характерѣ и дѣятельности названнаго нами лица нисколько не должна смущать насъ, такъ какъ бываютъ же съ людьми перемѣны...

Графъ М. Ѳ. Каменскій назначенъ былъ къ намъ генералъ-губернаторомъ въ 1781 году и пробылъ въ этомъ почетномъ званіи до конца 1785 года. Въ теченіе всего этого времени, судя по Тамбовскимъ архивнымъ документамъ, Каменскій задумалъ и привелъ въ исполненіе нѣсколько такихъ мѣръ, которыя несомнѣнно содѣйствовали гражданственности и порядку въ Тамбовскомъ краѣ.

Каменскій не ограничивался однимъ высшимъ надзоромъ надъ ввѣренными ему намѣстничествами. Онъ самъ вникалъ во всѣ мелочи правленія и отъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ властей требовалъ строгой отчетности. Даже сотскіе обязаны были имъ представлять въ нижніе земскіе суды еженедѣльные рапорты о происшествіяхъ. Въ видахъ строгаго надзора надъ управляемымъ краемъ М. Ѳ. часто совершалъ поѣздки по уѣздамъ, ревизуя не только города, но и села и деревни.

До какой степени нашъ генералъ-губернаторъ былъ внимателенъ къ различнымъ мѣстнымъ происшествіямъ, видно изъ слѣдующаго. Въ концѣ 1784 года въ имѣніи помѣщика Сабурова учитель де-ля-Туръ изъ-за чего-то поспорилъ съ капитаномъ Мартыновымъ. Мартыновъ сталъ грубо бранить учителя и прибилъ его палкою. Объ этомъ узналъ Каменскій и немедленно приказалъ взыскать *съ обидчика и своевольника* по всей строгости законовъ [1]).

7 февраля 1783 года задонскій врачъ Михайловъ *усмотрѣлъ* въ имѣніи Липецкаго помѣщика Хотяинцова *скита-*

[1]) Арх. Тамб. губ. правл. № 14-й.

ющихся унгарцев подъ названіемъ лекарей съ лекарствами. Унгарцы были арестованы и доставлены въ Тамбовъ, гдѣ ихъ признали австрійскими фельдшерами и воспретили имъ практику. Безъ всякихъ рапортовъ Каменскій узналъ и объ этомъ и дозволилъ арестованнымъ медицинскую практику, основываясь на такомъ соображеніи: «лучше хоть какая нибудь помощь болѣющему народонаселенію, чѣмъ никакой».

Съ особенною строгостію Каменскій относился къ тѣмъ чиновникамъ, которые притѣсняли простой народъ. Въ 1781 году онъ ревизовалъ Борисоглѣбскій уѣздъ и въ это время 19 Новохоперскихъ мѣщанъ подали ему письменную жалобу на уѣздныхъ начальниковъ, которые не платили имъ денегъ за работу у перевоза чрезъ рѣку Хоперъ. На этомъ прошеніи Каменскій собственноручно написалъ: «по сей просьбѣ городничій изъяснится письменно на оборотѣ». Испуганный городничій подполковникъ Страховъ, чтобы оправдаться, оговорилъ казначея прапорщика Салькова: я де не получалъ отъ него денегъ. А казначей въ свою очередь отзывался неполученіемъ резолюціи изъ казенной палаты. Словомъ, начались извѣстныя приказныя уловки. Но отъ Каменскаго трудно было скрыть суть дѣла, онъ хорошо понялъ Борисоглѣбскихъ дѣльцовъ и безъ прошенія удалилъ ихъ отъ службы.

Во время этой же генералъ-губернаторской поѣздки обнаружено было, что Тамбовская казенная палата обижаетъ государственныхъ крестьянъ, ихъ собственныя земли отдаетъ въ оброчныя статьи, вмѣсто пустопорожнихъ, получая конечно за это извѣстную благодарность отъ заинтересованныхъ лицъ. Раздѣлавшись со всѣми виновниками такого злоупотребленія, Каменскій немедленно разослалъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ циркуляръ съ строжайшимъ запрещеніемъ обирать простой народъ, а по возвращеніи въ Рязань командировалъ во всѣ подчиненные ему уѣзды землемѣровъ для точнаго опредѣленія крестьянскихъ и пустопорожнихъ земель.

Слѣдующій фактъ еще рельефнѣе представляетъ намъ Каменскаго, какъ начальника чрезвычайно гуманнаго относительно темнаго, простаго народа. Въ 1782 году проводили границу между Тамбовскимъ и Пензенскимъ намѣстничествами. Для этого въ нынѣшній Спасскій уѣздъ командирована была комиссія изъ чиновниковъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и изъ землемѣровъ, которые, проводя границу, поставили пограничные вѣхи около села «Красной Дубровы». Краснодубровскимъ крестьянамъ это показалось подозрительнымъ. Они подумали, что ихъ землю перемежевываютъ и притомъ не въ ихъ пользу, составили мірской сходъ и единогласно порѣшили собственноручно расправиться съ комиссіею. Сказано-сдѣлано. Въ то время какъ комиссія спокойно занималась своимъ дѣломъ, изъ «Красной Дубровы» показалась многолюдная толпа крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. Съ крикомъ и при звукахъ набата эта толпа бросилась на чиновниковъ и разогнала ихъ. Мѣстныя власти, сильно перепуганныя, дали знать о случившемся въ Тамбовъ и началось слѣдствіе надъ Краснодубровцами, которые послѣ своего необдуманнаго, сгоряча сдѣланнаго, дѣла успѣли образумиться и были тише воды—ниже травы. Спасскій острогъ, какъ ближайшій къ «Красной Дубровѣ», былъ переполненъ подсудимыми. Въ это время въ городъ Спасскъ прибылъ самъ Каменскій и повелъ дѣло совершенно по своему. Заключенныхъ онъ освободилъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе тюремное сидѣнье, а комиссіи сдѣлалъ строгій выговоръ». Крестьяне, внушалъ онъ чиновникамъ,—народъ темный, имъ нужно было сначала растолковать дѣло и тогда они были бы совсѣмъ покорны и не стали бы буйствовать». Такимъ образомъ, благодаря М. Ѳ. Каменскому, десятки крестьянъ были избавлены отъ Сибири и каторги.

Эта же заботливость графа Каменскаго о крестьянствѣ видна и изъ слѣдующаго его письма къ князю Вяземскому: «слыша жалобы коронныхъ крестьянъ и совершенное порабощеніе бѣдныхъ богатыми, а особливо своеволіе старостъ и сотскихъ, которые явно почти торгуютъ людьми и про-

даютъ своихъ собратій постороннимъ селеніямъ подъ видомъ худаго поведенія, и со оныхъ получа деньги пропиваютъ, не отдавая въ міръ, или дѣлятъ по себѣ: и и для пресѣченія сего неустройства положилъ всемѣрно предупреждать лживые приговоры при рекрутской отдачѣ; и для того посулы старостамъ за продажу почти прекратились... А хотя жалобы на меня посему и были, но и ихъ не опасаюсь, ибо тѣ жалобы будутъ приносить одни грабители»...

Поддерживая въ войскахъ подчиненнаго ему края строгую дисциплину, Каменскій [illegible] ремя требовалъ, чтобы офицеры не обижали [illegible] иновниковъ наказывалъ. Такъ, въ декабрѣ 1[illegible] прапорщикъ Лукинъ избилъ солдата Максимова. [illegible] е этого, по личному приказанію генералъ-губе[illegible] истый на руку офицеръ посаженъ былъ под[illegible] цѣлый мѣсяцъ.

На первыхъ порахъ [illegible] амбовскаго намѣстничества мѣстное судопро[illegible] ичалось крайнею неудовлетворительностію. [illegible] ели послѣ многолѣтнихъ тяжбъ узнавали от[illegible] хъ присутственныхъ мѣстъ, что они не туда п[illegible] ьбы. И вотъ, чтобы оказать содѣйствіе всѣмъ [illegible] ъ просителямъ, Каменскій приказалъ прибить [illegible] всѣхъ Тамбовскихъ и Рязанскихъ присутственны[illegible] объявленія съ изложеніемъ того, куда подавать просителямъ и по какимъ дѣламъ просьбы. Въ случаѣ ошибки просителей подачею прошеній, судьи и другіе присутствующіе обязаны были немедленно, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, вразумить ихъ.

Подобными дѣйствіями Каменскій пріобрѣлъ среди Тамбовскаго народонаселенія такое довѣріе, что нѣкоторые купцы обратились къ нему съ жалобою на его предмѣстника графа Р. И. Воронцова. «Графъ (слѣдуютъ его титулы) Воронцовъ, писали они,—забиралъ у насъ товары въ долгъ, а денегъ и по сіе время не платитъ».

Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ и того, что Каменскій, бывшій впослѣдствіи въ своихъ имѣніяхъ суровымъ крѣпостникомъ, во время своего генералъ - губернаторства

содѣйствовалъ отчасти ослабленію мѣстнаго крѣпостнаго права. Въ то время многіе Тамбовскіе помѣщики, возвратившись изъ Турціи послѣ первой Турецкой войны, привезли съ собою плѣнныхъ Турокъ, Арабовъ, Татаръ и Болгаръ и сдѣлали ихъ своими крѣпостными. Такъ поступилъ самъ Тамбовскій комендантъ полковникъ Булдаковъ. Но когда Каменскій узналъ объ этомъ, то велѣлъ всѣхъ этихъ плѣнниковъ освободить.

Считаемъ не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ весьма важныхъ и полезныхъ распоряженіяхъ Каменскаго по Тамбовской губерніи.

При немъ и по его указанію въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ начали собирать статистическія данныя объ урожаѣ разныхъ хлѣбныхъ растеній, именно о количествѣ посѣва и сбора, о числѣ въ городахъ и деревняхъ новорожденныхъ, умершихъ и о числѣ жителей по сословіямъ. Собирателями статистическихъ данныхъ въ городахъ были городничіе, а въ уѣздахъ капитанъ-исправники. Тѣмъ и другимъ помогали священники [1]). Во время управленія того же Каменскаго заведены были у насъ запасные хлѣбные магазины, въ силу указа 1765 года, началась правильная почтовая гоньба и по всѣмъ главнымъ трактамъ устроены были каменные и деревянные мосты и перевозы. Съ особеннымъ вниманіемъ графъ Каменскій отнесся къ проведенію между всѣми Тамбовскими городами большихъ дорогъ. Дороги эти должны были имѣть въ ширину не менѣе 30 сажень, обрыты канавами шириною въ аршинъ и глубиною въ полъ-аршина и обсажены деревьями. «Не для красоты это, пояснялъ Каменскій,— а для безопасности зимою во время мятелей». Работы по проведенію нашихъ большихъ дорогъ шли безпрерывно все лѣто и всю осень 1783 года и время это было исключитель-

[1]) *Примѣчаніе.* Въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ было въ 1782 году (по собственноручной записи Каменскаго) «муж. пола жителей 314,272. Прибыли въ годъ 3480 душъ, на 90 душъ по одной; на 67 душъ по одному браку. Прибыли въ душахъ и въ бракахъ въ сытыхъ мѣстахъ гораздо болѣе, нежели въ голодныхъ».

но страдною порою для всего Тамбовскаго крестьянства, работавшаго большею частію даромъ, по наряду отъ нижнихъ земскихъ судовъ [1]). Крестьяне рубили просѣки въ лѣсахъ, сажали деревья и оплетали ихъ кошолками, копали канавы, настилали гати и строили мосты. Въ ноябрѣ 1783 года всѣ большія Тамбовскія дороги были уже совершенно готовы и весело мчались по нимъ почтовыя тройки, звеня излюбленными поддужными колокольчиками... А еще раньше въ мартѣ того же года, Тамбовскіе землемѣры Реткинъ, Нѣмцевъ и Лопачевъ составили первую почтовую карту Тамбовскаго намѣстничества.

Наконецъ при Каменскомъ же разные чиновники Тамбовскаго намѣстничества облеклись въ усвоенные имъ мундиры, чего прежде не было; въ нѣкоторыхъ городахъ построены были новыя зданія присутственныхъ мѣстъ; городъ Тамбовъ выстроился по новому плану; основаны были приказъ общественнаго призрѣнія и банкъ и вообще началось болѣе правильное губернское устройство, результатомъ котораго была между прочимъ сравнительная безопасность для проѣзжихъ на большихъ дорогахъ, чего до Каменскаго у насъ не было. Вмѣстѣ съ гражданственностію постепенно стала развиваться у насъ и промышленность, конечно, не столько фабричная, сколько сельско-хозяйственная. Такъ, во время извѣстнаго Крымскаго путешествія Екатерины II-й, для котораго потребовалось лошадей 41,800, выставленныя отъ Тамбовской губерніи лошади, въ количествѣ 1423-хъ, оказались наиболѣе красивыми, выносливыми и рысистыми... Впрочемъ, Тамбовское коневодство прославилось еще въ 1710 году, когда Петръ 1-й *за лучшими лошадьми* для кавалеріи посылалъ ремонтеровъ именно въ Тамбовскую провинцію; и сюда же, для лучшей выкормки, высылалъ конскіе табуны изъ подъ Москвы и Азова...

Кромѣ того въ описываемое нами время нынѣшніе сѣверные Тамбовскіе уѣзды славились еще своею мѣховою

---

[1]) *Примѣчаніе.* Со ста душъ брали по 2 человѣка.

торговлею, лѣснымъ и медовымъ промысломъ. Въ Спасскихъ торговыхъ книгахъ заключается слѣдующее любопытное указаніе на пушной товаръ и его цѣны около половины прошлаго вѣка: куплено купцомъ Журавлевымъ 13,000 зайцевъ по 30 рублей за тысячу, 100 лисицъ по 8 рублей за десятокъ, 20 волковъ по 12 рублей за десятокъ, 200 кошекъ по 3 рубля за сто, 100 горностаевъ—10 рублей сто и хорей бѣлыхъ, цѣна 3 рубля; да бѣлокъ зеленыхъ и бѣлыхъ 12,000 по 20 рублей за тысячу; да онъ же Журавлевъ купилъ мерлушки черной и бѣлой 20 рублей тысяча».

Пошлинъ съ купца Журавлева взято 38 рублей 47 копѣекъ.

Темниковско-Спасскій край издавна былъ богатъ лѣсомъ, краснымъ и чернымъ, и тамошніе русскіе и инородческіе обыватели усиленно занимались бортнымъ промысломъ и имѣли много пчельниковъ, наприм. у одного Темниковскаго помѣщика маіора Ершова въ 1755 году на одномъ *пчельномъ заводѣ* было болѣе 4000 ульевъ. [1]) Медовая торговля сосредоточивалась въ самомъ городѣ Спасскѣ и была довольно значительна, какъ это видно изъ слѣдующей торговой записи: «Московскій купецъ Бѣлозеровъ купилъ на Спасскомъ торгу меду—сырца на 280 рублей 200 пудъ. А пошлины платилъ 24 рубля 50 копѣекъ и оный медъ отпущенъ до Москвы и дана тому Бѣлозерову зачетная выпись».

Въ медовой Спасской сторонѣ много было также краснаго и бѣлаго воску, который продавали въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Москву по 6 рублей 50 копѣекъ пудъ. Тамъ же валили крупныя сосновыя бревна и продавали ихъ на Донъ по 5 рублей десятокъ...

Но особенно на нашихъ Тамбовско-Шацкихъ рынкахъ было изобиліе хлѣба, щетины, кожъ, сала, дегтя и смолы. Щетина продавалась въ половинѣ прошлаго вѣка по рублю

---

[1]) Изъ дѣлъ Тамб. историч. архива.

пудъ, а яловочныя кожи по 5 рублей за сто, деготь продавали по 20 копѣекъ за ведро и сало-сырецъ по 60 копѣекъ за пудъ.

Тѣмъ не менѣе наша промысловая культура въ прошломъ столѣтіи вообще была крайне бѣдна и выражалась единственно въ изготовленіи толстыхъ суконъ, желѣза и чугуна, спирта, конскихъ и бараньихъ голицъ и въ рогожныхъ издѣліяхъ (послѣднія по 2 рубля 60 копѣекъ за сто). Этотъ послѣдній товаръ отправляли на Оку и Волгу.

Всѣ эти указанныя [illegible] прямыя и косвенныя заслуги
М. Ѳ. Каменскаго пред[illegible] тѣмъ болѣе рельеф-
ными, что онъ, прибыв[illegible], долго не имѣлъ
добросовѣстныхъ сотру[illegible] но изъ слѣдующаго
письма его къ князю [illegible] урору А. А. Вязем-
скому: «У насъ идет[illegible] ма. Ассесоръ казен-
ной палаты Хлюпин[illegible] ьянъ. Таковой же и
Рязанскій ассесоръ: [illegible] ервый разъ эдакъ по-
жаловалъ. Вотъ на[illegible] ришлите мнѣ прокуро-
ра верхняго земск[illegible] те его сами... Любите
меня; я, право, [illegible]

Впослѣдствіи [illegible] съумѣлъ справиться съ
мѣстными чиновника[illegible] же князю Вяземскому на
эту тему въ слѣдую[illegible] ніяхъ: «а мои сослужив-
цы жалованье берутъ не даро[illegible], ибо я неустройства по
Тамбову усмирялъ и укрощалъ».

Въ концѣ 1785 года графъ Каменскій оставилъ должность генералъ губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго намѣстничествъ, и край нашъ, безъ сомнѣнія, въ свое время сильно пожалѣлъ объ этомъ. Даже въ церковныхъ дѣлахъ сказалось отсутствіе Каменскаго. Вотъ что доносилъ консисторіи въ 1786 году Шацкій протопопъ Даніилъ Михаиловъ: «въ обращеніи иновѣрцевъ въ текущемъ году никакого успѣха не послѣдовало, потому что къ слушанію слова Божія Мордва собирается не по прежнему, а самымъ малымъ числомъ и одни почти мужескаго пола старшіе люди, а молодые и жены ихъ къ оному не приходятъ. Да и тѣ

обыватели, которые считались христіанами, не являются къ исповѣди и причастію»... [1])

Преемникомъ графа М. Ѳ. Каменскаго по управленію Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествами былъ графъ И. В. Гудовичъ, извѣстный между прочимъ своею враждою къ Г. Р. Державину и изгнавшій его изъ Тамбова при помощи вице-губернатора Ушакова и прокурора Огарева.

Просвѣтительное вліяніе Екатерининской эпохи выразилось у насъ между прочимъ въ постепенно возраставшемъ количествѣ людей истинно просвѣщенныхъ. Не прекращая ближайшихъ и сердечныхъ отношеній къ своему отечеству, которое они любили нелицемѣрно, но въ то же время такъ сказать критическою любовію, тѣ люди горячо стремились къ западу и къ его свѣтлымъ и гуманнымъ идеямъ, освѣжая такимъ образомъ родную атмосферу болѣе здоровыми началами... Такъ въ 1791 году Тамбовскій помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Вышеславцевъ, имѣя 25 лѣтъ отъ роду, пренебрегъ всѣми своими хозяйственными, семейными и служебными интересами и поѣхалъ *въ* Берлинскій *университетъ учиться*. Слушая профессорскія лекціи, Вышеславцевъ въ то же время неутомимо *переводилъ на русскій языкъ Флоріана*. Подлинникъ его переводовъ въ рукописи хранится у одного изъ его внуковъ, Л. В. Вышеславцева. Къ несчастію, нашъ талантливый и трудолюбивый соотечественникъ, о которомъ Берлинскіе профессора отзывались съ полнымъ сочувствіемъ, неожиданно умеръ въ 1794 году, въ Берлинѣ. Но любовь къ литературѣ въ извѣстной степени сдѣлалась въ его родѣ фамильною и безъ всякаго сомнѣнія нашъ извѣстный писатель, А. В. Вышеславцевъ, вдохновлялся примѣромъ своего замѣчательнаго дѣда...

Еще симпатичнѣе Вышеславцева представляется намъ другой Тамбовскій гражданинъ, Шацкій помѣщикъ и дѣйствительный камергеръ, Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ. Въ бурную Пугачевскую эпоху, когда со стороны крестьян-

[1]) Арх. Тамб. губ. правл. № 657.

ства совершилась масса извѣстныхъ злодѣяній относительно дворянъ, а потомъ началось грозное правительственное возмездіе, великодушный нашъ соотечественникъ отнесся къ своимъ замутившимся крестьянамъ съ христіанскимъ всепрощеніемъ. Крестьяне его, по приказанію старосты Ѳедотова, *ходили въ лѣса для ловли дворянства и разную добычу денежную въ тѣхъ лѣсахъ дѣлили*; слѣдовательно заслуживали тяжкой кары. И дѣйствительно судъ приговаривалъ ихъ кого къ сѣченію плетьми и къ каторгѣ, кого вмѣстѣ съ старостой къ повѣшенію... Но добрый помѣщикъ, руководствуясь христіанским [illegible] и опираясь *на великодушіе всемилосердой* [illegible] талъ ходатайствовать за своихъ увлеченныхъ [illegible] за своихъ *сиротъ*... И многіе крестьяне только [illegible] айству спаслись отъ заслуженнаго наказанія.

Просвѣтительныя и г [illegible] въ средѣ нашихъ интеллигентныхъ людей, р [illegible] въ слѣдующемъ поколѣніи. Всѣхъ выразите [illegible] й мы не знаемъ. Память объ нихъ выясня [illegible] ю. Въ данномъ случаѣ мы останавливаемся н [illegible] ановичѣ Кривцовѣ. При Александрѣ 1-мъ он [illegible] ымъ царскимъ флигель-адъютантомъ и послѣ от [illegible] й войны сопровождалъ государя во всѣхъ его по [illegible] время Лейпцигской битвы у Кривцова была оторвана нога и онъ вынужденъ былъ оставить военную службу. Впослѣдствіи Кривцовъ былъ Воронежскимъ губернаторомъ, на этомъ посту мужественно воевалъ съ чиновными взяточниками, изъ которыхъ двухъ совѣтниковъ онъ даже прибилъ палкою въ присутствіи губернскаго правленія, и за это былъ переведенъ въ другую губернію, кажется Казанскую. Въ началѣ царствованія императора Николая 1-го Николай Ивановичъ почему-то попалъ въ опалу и навсегда удалился въ свое Кирсановское имѣніе, въ село Любичи, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города.

Мы обратили особенное вниманіе на Николая Ивановича Кривцова потому, что онъ былъ замѣчательно гуманнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Оба эти свойства выражены

были имъ въ обширномъ и обстоятельномъ проэктѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Проэктъ относится къ 1820 году и доселѣ нигдѣ еще не напечатанъ [1]). Къ сожалѣнію, Кривцовъ, слѣдуя направленію Екатерининской эпохи, отличался крайнимъ вольтерьянствомъ. Не скрывая своихъ антирелигіозныхъ убѣжденій, онъ еще при жизни своей приказалъ приготовить для себя могильную плиту съ такою оригинальною и самоувѣренною надписью: «non timeo, non credo».

Довольно обширная біографія Николая Ивановича Кривцова составлена однимъ изъ его Тамбовскихъ друзей—Я. И. Сабуровымъ. Въ настоящее время она находится въ распоряженіи издателя «Русскаго Архива», П. И. Бартенева.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ и еще о двухъ мѣстныхъ дѣятеляхъ: коллежскомъ ассессорѣ Метлинѣ, бывшемъ Кадомскомъ воеводѣ, и о капитанѣ Нестеровѣ. Оба они, по собственному почину, ревностно занимались географическимъ изученіемъ мѣстнаго края и составили *Тамбовскій географическій реэстръ*. Къ сожалѣнію, объ ихъ жизни мы ничего не знаемъ и потому поневолѣ ограничиваемся только указаніемъ на ихъ почетную дѣятельность.

Считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь и еще объ одномъ мѣстномъ сравнительно просвѣщенномъ дѣятелѣ. Это нѣкто землемѣръ Кандауровъ, славившійся въ свое время ораторствомъ. Его ораторство, конечно, самаго невысокаго достоинства, но около эпохи открытія нашего намѣстничества и оно имѣло свою цѣну.

Привожу здѣсь одну рѣчь Кандаурова, сказанную имъ 16 декабря 1781 года по случаю вторичнаго избранія, съ открытія намѣстничества, мѣстныхъ дворянъ на общественныя дворянскія должности.

«Сколь многолюдны бывали въ древности при наступленіи олимпическихъ истеченій собранія, то довольно свѣ-

---

[1]) Намъ обѣщали достать проэктъ Кривцова и тогда мы постараемся его напечатать.

домо каждому; ибо чѣмъ знатнѣе и знаменитѣе былъ кто либо, тѣмъ паче желалъ оказаться отмѣннѣе въ обществѣ при томъ великомъ всея Греціи торжествѣ. Но Богомъ избранныя и превознесенныя владычествовать монархини нашея, матери отечества, непобѣдимыя въ войнѣ и милосердіи Екатерины — установленія, по трехъ годичномъ истеченіи времени, собрали насъ по подобію древнихъ Греческихъ обычаевъ къ свидѣтельству жизни, порядка поведеній и соблюденія должности именитаго и благороднаго дворянства. Хранившій осторожно правосудіе избранный судія ожидаетъ благодарности отъ избравшихъ его. Не меньше жъ и тотъ, кто избралъ, чувствуетъ удовольствія, что поручалъ жребій судебъ своихъ совершенному по божественнымъ ея величества уставамъ правосудія хранителю. Но виновницѣ стеченія нашего за всѣ ея ежедневно, ежечасно и ежеминутно изливаемыя щедроты кто, не наведя на себя божественнаго гнѣва, не долженствуетъ принести чувствительныя благодарности, которая по истинѣ не можетъ быть сокрыта и удержана во внутренности сердца... Я, будучи изъ числа дворянъ нашего намѣстничества, хотя и не имѣю дара витійства, но отъ усердія и ревности пылая—поставляю за священный долгъ лучше слабо изъяснить святость и пользу общественныхъ избраній, нежели въ молчаніи пропустить столь удобный случай къ принесенію достойной и праведной благодаренія жертвы».

Далѣе авторъ, служащій по нашему мнѣнію, типичнымъ выразителемъ льстиваго, самодовольнаго XVIII вѣка, слегка похваливаетъ Петра, положившаго *токмо основы благоденствія Россіи*. Затѣмъ съ новою силою восклицаетъ: «возможно ль прославить по достоинству великую Екатерину, совершившую счастіе наше и возведшую насъ на высшую благоденствія степень; и не прямо ль чувствуемъ мы златой вѣкъ, управляяся собою? Уже 15 лѣтъ прошло, какъ пользуемся мы избираніемъ изъ среды нашея предводителя, коему наша и женъ и дѣтей нашихъ поручена судьба къ защищенію отъ нападающихъ... Сколько чрезъ учрежденіе

совѣстныхъ судовъ получаемъ мы выгодъ! Того никто довольно выразить не въ силахъ. Не меньшую жъ предводителя имѣетъ важность и дворянскій засѣдатель, ибо поставленъ онъ предстателемъ малогласной бѣдности. И уѣздный судья избирается не къ совершенному ль нашему благополучію? Ибо онъ примиряетъ тяжущихся и изъясняетъ гнусность тяжебной жизни. Земскому исправнику долженствуемъ мы вручить судьбу, поставя его хозяиномъ всего того, что имѣемъ».

Ораторъ, довольно утомившись въ похвалахъ Екатеринѣ II-й и ея учрежденіямъ, послѣ короткой остановки, съ высипренней похвалою отнесся и къ генералъ-губернатору Каменскому: «а въ прошлую войну не дознали ль мы, сказалъ онъ,—что неутомимый правитель здѣшней генералъ-губернаторской должности заслужилъ отъ воиновъ совершенную любовь, а отъ сыновъ Россійскихъ великую похвалу и благодарность. И мы, точно подражая ему, вручимъ жребій судебъ своихъ людямъ свѣдущимъ законы и трудолюбивымъ, старостію и болѣзньми не удрученнымъ».

Здѣсь Кандауровъ снова возвращается къ похваламъ Екатеринѣ II-й: «и размноженіе всероссійскаго народа преизобильно произведено ею же чрезъ вызовъ изъ другихъ государствъ и поселеніе въ Россіи иностранцевъ. Не усугубляется ли оное и чрезъ спасительное соблюденіе многихъ тысячь несчастно-рожденныхъ? Несчастно-раненому и чрезъ многіе годы служившему воину по установленію инвалидныхъ командъ отнынѣ не страшны болѣзни ранъ и старость. Спасительное учрежденіе приказовъ общественнаго призрѣнія не подаетъ ли сладчайшаго упованія всѣмъ бѣднымъ, что они въ болѣзняхъ и нуждахъ благостію великія Екатерины никогда не будутъ оставлены? Отмѣнныя преимущества купечества не нудятъ ли и самыхъ лѣнивыхъ къ трудолюбію и прилежанію въ распространеніи торговли?»

Рѣчь оканчивается молитвеннымъ воззваніемъ: «Всеблагій Творецъ вселенныя, огради нашу государыню всесильною десницею твоею. На изливающую столь щедро благодѣянія

на вѣрноподданныхъ излей на нее таковыя сугубо, соблюди и сохрани ее; и чѣмъ сугубѣе милосердіемъ твоимъ увѣнчаваться будетъ матерь отечества нашего, тѣмъ паче будемъ мы преизобиловать въ благоденствіи».

Самобытная и сильная умственная жизнь въ описываемое время проявлялась у насъ также и среди крестьянства и выражалась между прочимъ въ замѣчательныхъ опытахъ технической смѣтливости. Для примѣра указываю на Моршанскаго крестьянина Дмитрія Петрова, который съ конца прошлаго столѣтія занимался у насъ содержаніемъ плотничьихъ артелей. Онъ-то и удивилъ весь Моршанскъ слѣдующимъ своимъ искусствомъ.

Прихожане Моршанской Никольской церкви пожелали выстроить каменную церковь, вмѣсто прежней деревянной. Но такъ какъ эта деревянная церковь была еще крѣпка, къ тому же отличалась хорошимъ устройствомъ, то прихожанамъ жаль было ломать ее, и они порѣшили сдвинуть ее съ мѣста, чтобы очистить площадку для новой церкви. Патентованный механикъ, какой-то иностранецъ, запросилъ за это такую большую цѣну, какой никакъ нельзя было дать ему. Въ это время неожиданно является съ своими услугами Дмитрій Петровъ. За 250 рублей онъ взялся сдвинуть деревянную церковь съ мѣста. Начались приготовленія. Подъ церковь подвели толстыя бревна и посредствомъ земляной насыпи слегка ее приподняли. Послѣ этого сдѣлали подъ церковію новый бревенчатый фундаментъ, въ родѣ *полатей*, а подъ бревнами устроили катки. Вся церковь была опутана канатами и по угламъ скрѣплена желѣзными болтами. Когда все было готово, Дмитрій Петровъ попросилъ священника, чтобы звонили въ большой колоколъ. На благовѣстъ собрался народъ. Нѣкоторые вошли въ церковь и стали молиться, другіе же остались за стѣнами церкви. И вотъ Моршанскимъ гражданамъ представилась слѣдующая картина. Церковь, наполненная молящимися, оглашаемая пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, повинуясь сотнямъ рукъ рабочихъ—сдвинута была

съ прежняго своего мѣста на 42 аршина и во время этого движенія только крестъ на верху церкви слегка колебался [1])...

И такъ край нашъ понемногу, но безостановочно шелъ впередъ. Одинъ за другимъ являлись у насъ дѣятельные, талантливые и властные люди и понемногу подвигали они косную массу къ лучшимъ формамъ общежитія. Въ слѣдующей главѣ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о двухъ такихъ полезныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ: объ архіереяхъ Ѳеофилѣ и Іонѣ. Въ первомъ своемъ выпускѣ я уже отчасти говорилъ о нихъ. Здѣсь докончу недоконченное.

[1]) «Русская Старина» за 1876 годъ, янв. стр. 219—220. Наша замѣтка.

V.

Тамбовская епархія временъ епископовъ Θеофила и Іоны.

1788—1821 гг.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію внутренняго быта Тамбовской епархіи во времена епископа Θеофила, мы кратко познакомимъ читателей съ тѣми біографическими фактами, которые относятся къ нашему достопамятному владыкѣ.

Епископъ Θеофилъ (Раевъ) родился въ нынѣшней Черниговской губерніи, въ Глуховскомъ или въ Новгородсѣверскомъ повѣтѣ. Дѣтство его прошло въ самой нищенской обстановкѣ: до 18-ти лѣтняго возраста онъ не имѣлъ обуви и являлся въ церковь и въ архіерейскую школу въ затрапезномъ халатѣ. Поэтому надо думать, что воспитанникъ Раевъ былъ съ самаго ранняго дѣтства сиротою. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ его учителемъ поэзіи въ Новгородской семинаріи. Съ 4-го октября 1770 года онъ уже іеромонахъ и префектъ той же семинаріи. Въ іюлѣ 1774 года Θеофилъ въ санѣ архимандрита назначается Новгородскимъ Ректоромъ. Черезъ 8 лѣтъ онъ настоятель Новгородскаго Хутынскаго монастыря, а въ апрѣлѣ 1787 года его рукоположили въ епископа Старорусскаго, Новгородскаго викарія. 6 мая 1788 года преосвященный Θеофилъ назначенъ на епископскую каѳедру Тамбовскую и Пензенскую, по смерти епископа Θеодосія Голосницкаго оставшуюся вакантной, и въ августѣ того же года прибылъ въ Тамбовъ. Скончался епископъ Θеофилъ 22-го декабря 1811 года отъ апоплексичес-

каго удара. Могила его находится въ главной церкви Тамбовскаго Казанскаго монастыря у южной стѣны [1]).

Тамбовская епархія передъ пріѣздомъ преосвященнаго Ѳеофила находилась въ полномъ упадкѣ. Бѣдность причтовъ доходила до крайности. Священники ходили по приходамъ въ лаптяхъ, полушубкахъ и посконныхъ рубахахъ, и только немногіе изъ нихъ имѣли возможность въ торжественные дни надѣвать нанковыя рясы. Жили они въ простыхъ, большею частію курныхъ, избахъ и въ бытовомъ отношеніи почти вовсе не отличались отъ убогаго и невѣжественнаго крестьянства. Нѣкоторые приходы по ихъ бѣдности не могли содержать полныхъ причтовъ. Для примѣра беремъ Кадомскій соборный приходъ. Въ 1786 году при Кадомскомъ городскомъ соборѣ состоялъ одинъ протопопъ Андрей Гавриловъ; діакона, дьячка и пономаря не было. Слѣдовательно почтенный протоіерей и на клиросѣ пѣлъ, и за діакона эктеніи говорилъ, и, можетъ быть, даже на колокольнѣ звонилъ. Да и одному протопопу плохо было жить въ приходѣ, потому что на его долю назначено было только 72 двора, обитатели которыхъ сами не всегда были сыты и одѣты.

Указанный нами приходъ былъ далеко еще не самый плохой въ Тамбовской епархіи. Это видно изъ слѣдующаго краткаго консисторскаго описанія, относящагося къ началу 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

«Шацкаго уѣзда, Ломовицкаго заказу, села Малаго Гагарина церковь Благовѣщенія, а при ней состоитъ попъ,

---

[1]) *Примѣчаніе.* По смерти Ѳеофила осталось множество книгъ духовнаго содержанія, преимущественно на латинскомъ и греческомъ языкахъ и денегъ 34 тысячи рублей, не считая растащенныхъ послушниками и консисторскими чиновниками. Книги, по завѣщанію, поступили въ семинарскую библіотеку, а деньги достались наслѣднику преосвященнаго, родственнику его, дворянину Камардину, и частію завѣщаны были епархіальнымъ вдовамъ и сиротамъ и служителямъ архіерейскаго дома. Несомнѣнно, Ѳеофилъ былъ весьма богатымъ епископомъ. Это видно между прочимъ изъ того, что по смерти преосвященнаго въ его погребѣ нашли 3000 бутылокъ разныхъ винъ.

дьяконъ, дьячекъ и пономарь и на ихъ долю дворовъ приходскихъ значится 54».

Были въ Тамбовской епархіи и такъ называемые хорошіе приходы, но и отъ нихъ прибыли было мало. Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія лучшими сельскими приходами считались между прочимъ села Матчерка, Рянза и Моршка. Въ первомъ приходскихъ дворовъ было 138, *пашенной церковной земли 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ 20 копенъ.* Въ Матчерскомъ приходѣ по штату полагалось 2 священника, 1 діаконъ, 2 дьячка и 1 пономарь.

Остальныя два села описаны въ консисторскихъ документахъ такъ: «Село Рянза. Въ немъ 87 дворовъ, земли 20 четвертей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ 15 копенъ. А поповъ 2, еще дьяконъ, дьячекъ и пономарь». — Село Моршка. Въономъ селѣ 83 двора и остальное все, какъ въ Рянзѣ».

Бѣдное Тамбовское духовенство въ описываемое время отличалось еще крайнимъ невѣжествомъ. Правда, незадолго до прибытія въ Тамбовъ Өеофила основана была мѣстная духовная семинарія, но она долго не могла и сама какъ слѣдуетъ устроиться и вслѣдствіе этого ея вліяніе на епархію выражалось весьма медленно и слабо. Многіе Тамбовскіе священники прошлаго столѣтія съ трудомъ подписывали свои имена и читали плохо. Неудивительно поэтому, если нѣкоторые причты подавали въ консисторію заявленія слѣдующаго наивнаго содержанія: «въ праздникъ Флора и Лавра, писалъ въ 1770 году причтъ села Горѣлаго, — вбѣжалъ въ церковь въ песьемъ видѣ нечистый духъ и отъ сего пришли мы въ великое сумнѣніе, но какъ оградили себя крестнымъ знаменіемъ и уповали на милость Божію, то неизвѣстно куда оное привидѣніе пропало» [1]).

Въ 1726 году въ священники Тамбовскаго села Инішакова поставленъ былъ дьячекъ Сила Алексѣевъ. Предвари-

[1]) Арх. Тамб. дух. консист. № 247-й.

тельно его проэкзаменовали въ Воронежѣ и вотъ какую резолюцію далъ епископъ Іосифъ послѣ экзамена: «у слушанія въ книжномъ чтеніи оный Алексѣевъ явился неумѣющъ; велѣть ему выучить заповѣди и святыя тайны». И этотъ-то экзаменъ признанъ былъ удовлетворительнымъ..

Бѣдное и невѣжественное Тамбовское духовенство, разумѣется, не имѣло почти никакого авторитета въ обществѣ, тѣмъ болѣе, что сами епархіальныя власти относились къ нему съ крайнимъ пренебреженіемъ. Нерѣдко Тамбовская консисторія посылала кого нибудь изъ своихъ приставовъ *сыскать* нужнаго ей по какому нибудь *сумнительному* дѣлу приходскаго священника. Приставъ, т. е. простой сторожъ, ѣхалъ въ приходъ, заковывалъ тамъ священника въ кандалы или колодки и въ такомъ позорномъ видѣ, къ крайнему соблазну всѣхъ приходскихъ людей, отвозилъ его къ духовному начальству. Члены консисторіи допрашивали подсудимаго и въ большинствѣ случаевъ до поры до времени *сажали его въ цѣпь со стуломъ*. Если же дѣло доходило до самого преосвященнаго, то приходскому пастырю случалось испытывать и извѣстныя отеческія внушенія. Въ особенности любилъ кулачную расправу Тамбовскій епископъ Пахомій, управлявшій нашею епархіею въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Нѣсколько замѣчаній объ этомъ суровомъ владыкѣ высказано нами въ 1-мъ выпускѣ.

Вслѣдъ за епархіальнымъ начальствомъ и все общество обыкновенно относилось къ причтамъ съ крайнею грубостію, о чемъ могутъ свидѣтельствовать приводимые ниже факты.

7 декабря 1770 года въ селѣ Мансыревѣ, Кадомскаго уѣзда, собрались по случаю какого-то праздника церковники Егоръ, Димитрій и Тимоѳей; съ ними была и сестра ихъ Марья. На утро они думали возвратиться домой, между тѣмъ ночью вотъ что съ ними произошло. Неожиданно явились къ нимъ въ избу дворовые помѣщика Дивѣева, перевязали ихъ и отвезли къ барину. И стали съ тѣхъ поръ беззащитные церковники ходить на барщину наравнѣ

съ Дивѣевскими крѣпостными, а сестру ихъ помѣщикъ насильно выдалъ замужъ за одного своего двороваго [1])...

Случай такого грубаго самоуправства относительно лицъ духовнаго происхожденія былъ далеко не единственный. Въ теченіе всего XVIII столѣтія священнослужительскихъ дѣтей нерѣдко произвольно записывали въ подушный окладъ и отдавали въ солдаты. Причты были въ совершенной зависимости отъ помѣщиковъ и отъ приказныхъ. Тѣ и другіе называли приходскія церкви *своими* и распоряжались въ нихъ *по усмотрѣнію*.

Мы пропускаемъ ми[illegible]вѣстные намъ факты грубаго, кулачнаго наси[illegible]ными лицами, терпѣвшими самыя тяжкія ос[illegible]лько отъ помѣщиковъ, но и отъ ихъ дворово[illegible]анно, нелѣпо, но было такъ: какой нибудь б[illegible]еръ или приказчикъ изъ крѣпостныхъ считали[illegible]ходскаго священника и на этомъ основаніи[illegible]свысока. Оскорбляемымъ священникамъ, защ[illegible]лось иногда обращаться къ покровительству[illegible]ін и тѣми самыми устами, которыя произноси[illegible]миръ вамъ—выкрикивать: слово и дѣло [2]).

Нѣкоторые пр[illegible]ской епархіи о нравственномъ достоинствѣ сво[illegible]рей имѣли самое грубо-наивное представленіе и вслѣдствіе этого винили ихъ иногда за то, за что слѣдовало бы хвалить. Такъ напримѣръ, однодворцы села Байгоры, Усманскаго уѣзда, серьезно жаловались епархіальному начальству на своего приходскаго священника Ефима Иванова: «нашъ новый попъ хуже стараго, съ нами не сообщается и въ кабакъ не ходитъ, вина самъ не пьетъ и намъ не подноситъ» [3]).

При такихъ бытовыхъ условіяхъ нравственныя качества нашего приходскаго духовенства въ прошломъ столѣтіи рѣдко

[1]) Дѣло объ этомъ хранится въ арх. Тамб. дух. консисторіи. Оно безъ №.

[2]) Арх. Тамб. дух. конс. № 238-й; за ноябрь 1760 года.

[3]) Арх. Тамб. дух. конс. № 74-й.

принимали должное направленіе. Поэтому мѣстный консисторскій архивъ переполненъ массами слѣдственныхъ дѣлъ самаго криминальнаго свойства. Вѣроятно, то же самое и и въ другихъ консисторскихъ архивахъ, но я говорю только о Тамбовскомъ. Обилію криминальныхъ консисторскихъ дѣлъ содѣйствовало также и то обстоятельство, что наши приходскіе отцы любили о своихъ непорядкахъ увѣдомлять епархіальное начальство въ болѣе или менѣе пространныхъ *доносахъ*. Такимъ образомъ оказывается, что опыты нашей новѣйшей отреченной литературы, т. е. литературы доносовъ и наускиваній, практиковались уже давно... Впрочемъ Ѳеофилъ не потакалъ кляузнической литературѣ и наиболѣе видныхъ представителямъ ея дѣлалъ *собственноручныя* внушенія, не исключая въ этомъ случаѣ изъ района своей дѣятельности и самихъ священнослужителей...

Вступивъ въ управленіе такою неблагоустроенною епархіею, епископъ Ѳеофилъ сразу понялъ это и горячо принялъ къ сердцу и до конца своей многотрудной службы велъ неустанную борьбу съ епархіальными пороками и не совершенствами. Ѳеофилъ больше дѣйствовалъ силою своей архипастырской власти и особенное вниманіе обращалъ на исправленіе внѣшнихъ эпархіальныхъ безпорядковъ. Это былъ примѣрный эпархіальный администраторъ-хозяинъ.

Прибывъ въ Тамбовъ изъ Новгорода, богатаго знаменитыми древними храмами, преосвященный Ѳеофилъ пораженъ былъ крайнею бѣдностію Тамбовскихъ церквей. Каѳедральный соборъ разваливался; Казанскій монастырь былъ въ такомъ состояніи, что многія зданія его отъ ветхости погнулись. Почти тоже надобно сказать и относительно приходскихъ церквей. Про одну изъ нихъ, Христорождественскую, городской благочинный такъ доносилъ новоприбывшему епископу: «оная церковь въ Тамбовѣ весьма ветхая и деревянная и колокольня при ней пришла въ такое горестное состояніе, что при входѣ на нее причетниковъ для благовѣста или звона вся шатается, особенно при большихъ вѣтрахъ совершенно бываетъ къ паденію близка». При

этомъ слабость надзора за церковнымъ имуществомъ была такова, что въ одной церкви города Тамбова *неизвѣстные люди украли всѣ колокола*. Въ то же время многіе священники уклонялись отъ церковной службы и нерѣдко городскія и сельскія церкви Тамбовской епархіи *стояли безъ пѣнія*. Это чаще всего бывало въ городѣ Козловѣ. «Между другими города Козлова священниками, говорится въ одномъ консисторскомъ документѣ описываемаго времени,— было къ намъ, къ стыду церкви, объясненіе о священникѣ Архангельскомъ, который во всю осень никакой службы въ церкви не чинилъ къ величайшей досадѣ прихожанъ» [1]).

Болѣе всего епископъ Ѳеофилъ смущенъ былъ монастырскими безпорядками, которые дѣйствительно были замѣчательны, что видно изъ слѣдующаго любопытнаго доношенія іеромонаха Вышенской пустыни Авраамія.

«Въ прошлыхъ годѣхъ, писалъ онъ Ѳеофилу,—присланъ къ намъ въ ножныхъ желѣзахъ іеродіаконъ Николай и онъ, снявъ съ себя показанныя желѣза, живетъ въ обители не смирно и всякій церковный доходъ похищаетъ. Невѣдомо куда псалтырь съ часословомъ продалъ. Воску во обитель святую подаютъ и оный воскъ онъ Николай укралъ. Такожде которые подаютъ убрусы и онъ Николай оными убрусами подпоясывается, а когда въ церковь Божію придетъ, точію мятежъ дѣлаетъ и бьетъ всѣхъ насъ смертно. Монаха Трифилія билъ снемши рубаху кнутомъ и у монаха Филарета вышибъ глазъ. Да онъ же Николай именуется у насъ строителемъ безъ указу и монастырскими доходами корыстуется одинъ; земли и луга монастырскіе отдаетъ въ наемъ безъ братскаго нашего приговору, а деньги беретъ самъ и намъ на свитки и ряски ничего не даетъ, да онъ же держитъ монастырскій перевозъ, да имъ же Николаемъ дана вкладная книга и по оной книгѣ собрано 40 рублевъ. Въ монастырѣ онъ ничего не строитъ и монастырь разорилъ весь и насъ моритъ голодною смертію: дни по три и больше ѣдимъ безъ соли» [2]).

---

[1]) Арх. Тамб. дух. конс. № 36, 116.

[2]) Арх. Тамб. дух. конс. № 375.

После того какъ собраны были обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ Тамбовскихъ епархіальныхъ *безобразіяхъ, подобныхъ которымъ въ другихъ епархіяхъ отнюдь не водится* (слова Ѳеофила), приступлено было къ внѣшнему благоустройству епархіи. Ѳеофилъ немедленно и весьма искусно началъ собирать деньги съ разныхъ благотворителей, дополняя епархіальную кассу многочисленными штрафами съ провинившихся причтовъ и добровольными приношеніями со стороны тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя желали получить какую нибудь награду. Результатомъ этихъ финансовыхъ операцій было то, что важнѣйшіе храмы города Тамбова, а также и монастыри епархіи, вскорѣ стали неузнаваемы. На мѣстѣ ветхихъ деревянныхъ зданій появились зданія прочныя и каменныя. Въ городѣ Тамбовѣ быстро начали строить корпуса и флигеля духовной семинаріи, возводить второй этажъ каѳедральнаго собора и заново отдѣлывать Казанскій монастырь съ архіерейскимъ домомъ и консисторіею. Епископъ—хозяинъ любилъ *строиться*; поэтому Тамбовскіе жители часто видѣли своего архипастыря на верхнихъ подмосткахъ возводимыхъ имъ построекъ. Ко всякой работѣ онъ внимательно присматривался и часто давалъ мастерамъ болѣе или менѣе дѣльные совѣты.

Между тѣмъ за епархіальнымъ духовенствомъ Ѳеофилъ учредилъ самый строгій надзоръ, не чуждый иногда и доносовъ. Лица, пользовавшіяся архіерейскимъ довѣріемъ, стали постоянно доносить владыкѣ о самыхъ мелкихъ происшествіяхъ изъ епархіальной жизни. Такъ, отъ 9 ноября 1795 года Тамбовскій псаломщикъ Павелъ Ѳедоровъ доносилъ ему: «сего ноября 8-го дня пѣвчій Михайла Пензенскій не былъ у всенощной, презрѣлъ архангеловъ и царскую службу, о чемъ Вашему Преосвященству и репортую».

На другой день въ консисторію сдана была слѣдующая резолюція: «пѣвчаго Пензенскаго посадить въ консисторіи на трое сутокъ на хлѣбъ и на воду и обязать его подпискою, чтобы онъ таковыхъ упущеній не чинилъ».

22 ноября того же года псаломщикъ Ѳедоровъ снова до-

носилъ: «сего 22 ноября показана царская панихида, а протодіаконъ Георгій у оной не былъ, въ чемъ и репортую по приказанію Вашего Преосвященства».

Вслѣдствіе этого доноса протодіаконъ, по архіерейской резолюціи, ходилъ по всѣмъ Тамбовскимъ церквамъ и въ каждой при народѣ клалъ по 25 поклоновъ [1]).

Даже такія сравнительно высокопоставленныя епархіальныя лица, какъ архіерейскій казначей Аѳанасій, при случаѣ не избѣгали суровыхъ наказаній. 9 ноября 1795 года казначей былъ въ городѣ въ гостяхъ и немного засидѣлся тамъ. Архіерей узналъ объ [illegible] ̶лалъ за нимъ послушника. Вѣроятно, послуш[illegible]сѣмъ лестно аттестовалъ Аѳанасія, поэтому [illegible] день послѣдовало такое распоряженіе: «іером[illegible]сія увѣщевать въ консисторіи, а послѣ того [illegible] положить въ градскихъ церквахъ по 50 по[illegible]тургіи» [2]).

Города Демшинска свя[illegible]никовъ въ нетрезвомъ видѣ вошелъ однажды въ [illegible]кую церковь во время литургіи. Узнавши об[illegible]илъ послалъ за нимъ консисторскаго пристава [illegible] представленъ былъ къ нему въ оковахъ... Пос[illegible]нника Максимова полтора года продержали в[illegible]онастырѣ на хлѣбѣ и водѣ и опредѣлили за тѣмъ [illegible]марскую вакансію [3]).

Въ 1801 году преосвященный Ѳеофилъ началъ рѣшительно очищать Тамбовскіе монастыри отъ нетрезвыхъ и вообще порочныхъ монаховъ. Этому дѣйствію предшествовалъ слѣдующій архіерейскій циркуляръ, адресованный ко всей епархіальной монашеской братіи: «слухи доходятъ до насъ, что въ монастыряхъ пьянственные навыки къ соблазну народа весьма усиливаются. Того ради велѣть настоятелямъ подъ опасеніемъ жестокаго сужденія отнюдь не допускать сей богомерзкой страсти усиливаться не только

---

[1]) Арх. Тамб. дух. конс. № 615.

[2]) Тамъ-же, № 595.

[3]) Тамъ-же, № 613.

между братіею, но и между послушниками и служителями монастырскими. Сіе зло надлежитъ искоренять жестокими и несносными мѣрами, а ежели кто и таковыми мѣрами ко исправленію явится упорствующимъ и непреклоннымъ, то таковыхъ безъ малѣйшей потачки и укрывательства представлять къ намъ».

Заботясь о благообразіи и благочиніи духовныхъ лицъ своей епархіи, Ѳеофилъ сурово и нерѣдко самолично наказывалъ тѣхъ священниковъ, которые очень убого и неряшливо одѣвались; но особенному преслѣдованію подвергались съ его стороны люди нетрезвые. Этихъ онъ не только неизбѣжно отрѣшалъ отъ мѣстъ, но и входилъ съ ними въ продолжительныя личныя объясненія...

Многіе священники Тамбовской епархіи въ 80 годахъ прошлаго столѣтія были такъ неопытны въ своемъ дѣлѣ, что не умѣли служить преждеосвященной литургіи. Это обстоятельство, конечно, не укрылось отъ зоркаго владыки и вызвало съ его стороны слѣдующій циркуляръ: «во многихъ епархіи нашея церквахъ священники во святую четыредесятницу не только не служатъ преждеосвященныхъ литургій, но и понятія объ оныхъ не имѣютъ, что самое величайшимъ соблазномъ для народа боголюбиваго бываетъ, а для духовнаго чина порокомъ небреженія. И если какіе священники отселѣ не станутъ служить преждеосвященной литургіи, то таковыхъ немедля отсылать къ намъ».

Строгости Ѳеофила, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали противъ него крайнее неудовольствіе въ Тамбовскомъ духовенствѣ. Священникъ села Паревки Антонъ Васильевъ вслѣдствіе этого однажды публично выразился такъ: «мутило бы преосвященнаго владыку животомъ такъ, какъ онъ нами мутитъ» [1]). Слова эти дошли до архіерея и онъ приказалъ виновника немедленно доставить къ нему въ кандалахъ...

Ѳеофилъ вообще требовалъ, чтобы въ его епархіи поддерживалась самая строгая дисциплина и чтобы клирики слу-

[1]) Арх. Тамб. дух. конс. № 155.

шались своихъ священниковъ-настоятелей. Между тѣмъ многіе дьячки и пономари оказывали священникамъ, по своей грубости, явное неповиновеніе. Таковыхъ ослушниковъ Тамбовскій владыка приказывалъ тѣлесно наказывать въ приходахъ. Это видно изъ многихъ его резолюцій, наприм. изъ слѣдующей: «дьячка Никиту Васильева за неповиновеніе настоятелю и за разные непорядки при всѣхъ церковникахъ въ страхъ имъ подлѣ церкви наказать лозою».

За одно свойство Тамбовское духовенство особенно любило своего владыку, именно за то, что онъ, по возможности, не давалъ *своихъ* въ обиду и вступался за нихъ при случаѣ со всею силою архіерейскихъ полномочій и связей. Униженному нашему духовенству, вынужденному подобострастно относиться не только къ помѣщикамъ, но и къ ихъ старшимъ холопамъ, такая помощь была весьма кстати [1]).

Ни для кого не тайна, что въ прежнія времена во многихъ епархіяхъ, въ томъ числѣ и въ нашей, архіерейская свита была немалою тягостію для духовенства. Преосвященный Ѳеофилъ обратилъ свое вниманіе и на это обстоятельство и цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе суровыхъ мѣръ понемногу смягчилъ отношенія между архіерейскою свитою и епархіальнымъ духовенствомъ. Такъ, въ 1792 году Тамбовскій протодіаконъ Григорій Алексѣевъ, проѣздомъ въ Пензу для свиданія съ родственниками, *чинилъ по тракту съ священно-церковно-служителей незаконные денежные поборы и принужденно бралъ для себя подводы, а сверхъ сего продавалъ у нѣкоторыхъ священниковъ, кои должны были ему въ деньгахъ, ихъ дома безъ всякой оцѣнки* [2]). Обо всемъ этомъ доведено было до свѣдѣнія епископа Ѳеофила и вотъ его резолюція: «за таковую наглую и нахальную дерзость протодіакона объявить ему въ консисторіи выговоръ, обязавъ

[1]) *Примѣчаніе.* Въ какомъ черномъ тѣлѣ у насъ держали духовенство, это видно изъ того, что крѣпостной прикащикъ Шацкаго помѣщика Яковлева Талачановъ титулованъ былъ своимъ приходскимъ священникомъ: Ваше Высокородіе...

[2]) Арх. Тамб. дух. конс. № 33-И.

его подпискою всѣ взятки возвратить безъ задержанія и немедленно. Всѣ деньги внести ему въ консисторію, а консисторіи разослать оныя кому слѣдуетъ. Кромѣ того велѣть протодіакону положить по 100 поклоновъ въ Предтеченской церкви, въ Покровской и въ Соборѣ, подъ наблюденіемъ градскаго благочиннаго и консисторскаго канцеляриста».

Послѣ этого и подобныхъ взысканій воинственные набѣги на запуганное духовенство со стороны архіерейской свиты количественно и качественно ослабѣли. Правда, протодіаконы, иподіаконы, пѣвчіе, костыльники, свѣщеносцы, даже кучера и форейторы все-таки *брали*, но при этомъ *оглядывались* и довольствовались малымъ даяніемъ...

До Феофила у насъ были довольно частые случаи совращенія приходскихъ священниковъ въ расколъ. Они уходили изъ своихъ приходовъ *невѣдомо куда* и ихъ забывали и не преслѣдовали. Не то стало при Феофилѣ. Онъ тщательно разыскивалъ бѣглецовъ и возвращалъ ихъ, послѣ искусовъ и увѣщаній, въ православіе. Вотъ примѣръ. Священникъ села Несвицкаго Зиновій Ефимовъ убѣжалъ въ Иргизскій Воскресенскій монастырь къ старцу Прохору, прожилъ тамъ около 3-хъ лѣтъ, *упражняясь въ богослуженіи и разныхъ по священству требахъ*, и думалъ вѣкъ свой свѣковать въ Заволжской глуши. Но его мѣстопребываніе стало извѣстно Феофилу и Зиновій Ефимовъ представленъ былъ въ Тамбовъ...

Въ Тамбовской консисторіи о. Зиновій такъ разсказывалъ о своемъ вступленіи въ скитскую жизнь: «прежде всего старецъ Прохоръ приказалъ мнѣ ходить въ церковь и примѣчать, какъ старообрядческая служба производится. Это продолжалось четыре недѣли. Послѣ того всѣ Иргизскіе монахи собрались въ своей церкви и смотрѣли, какъ я исповѣдывался у бѣглаго попа Потапія Семенова, изъ Тамбовской епархіи. По окончаніи исповѣди, продолжавшейся *нарочито долго*, меня облачили въ ризы, и во всѣ священныя одежды, поставили передъ царскими дверями на амвонъ и велѣли читать книгу: изложеніе проклятія ересей. Я прочиталъ, что велѣли.

Тогда Потапій Семеновъ приступилъ ко мнѣ и помазалъ меня масломъ на челѣ, щекахъ, ноздряхъ, устахъ и ушахъ. Церемонія закончилась сугубою эктеніею.

Покаявшійся священникъ Зиновій Ефимовъ, не дождавшись окончательнаго архіерейскаго суда, скоропостижно умеръ въ Тамбовѣ [1]).

Современникъ о. Зиновія Ефимова, священникъ села Красивки Васильевъ, надѣлалъ Ѳеофилу хлопотъ еще болѣе, такъ какъ впалъ въ ересь жидовствующихъ или субботниковъ и открыто проповѣдывалъ: «Христосъ не настоящій Богъ и родился отъ обыкновенной дѣвицы; пришествія Христова не будетъ и воскресенія его не было». Въ домѣ этого священника собирались его единомышленники и вели ночныя бесѣды на разныя библейскія темы. «Слышно было, показывали потомъ свидѣтели, — въ поповскомъ домѣ громкое пѣніе и большой ревъ». Васильевъ вздумалъ было совратить въ свою секту заштатнаго діакона своего прихода Петрова, но тотъ съ такою силою вцѣпился въ бороду своего искусителя, что его едва оттащили. Чѣмъ кончилось все это оригинальное дѣло, съ точностію неизвѣстно. Васильева, какъ намъ извѣстно, *запретили* и заключили въ Козловскій монастырь, но едва ли этимъ ограничилось наказаніе отступника [2]).

Сознавая недостатки причтовъ своей епархіи и серьезно понимая свои архипастырскія обязанности, преосвященный Ѳеофилъ думалъ исправить зло между прочимъ образованіемъ духовенства. Въ этихъ видахъ онъ горячо относился къ мѣстной духовной семинаріи и особенно покровительствовалъ *ученымъ* священникамъ, предпочитая ихъ заслуженнымъ практикамъ. Часто посѣщая епархію, Ѳеофилъ всегда и вездѣ экзаменовалъ священниковъ и клириковъ и въ случаѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ задавалъ имъ уроки. Инымъ онъ давалъ уроки по чтенію и пѣнію, другимъ по катехи-

---

[1]) Арх. Тамб. дух. конс. № 524-й.

[2]) Тамъ-же, № 312.

зису, третьимъ по церковному уставу; про всѣ такіе уроки неутомимый архипастырь помнилъ и всѣ они были выслушиваемы имъ въ указанное время лично.

Заключаемъ нашъ очеркъ изъ временъ епископа Ѳеофила разсказомъ о Синодальной ревизіи, которой подверглись дѣйствія нашего архипастыря по поводу доносовъ на его взяточничество. Доносы эти были небезосновательны только въ томъ смыслѣ, что Ѳеофилъ никогда не отказывался отъ денегъ, но за то всѣ полученныя имъ отъ благотворителей суммы шли на нужды епархіи... Что же касается оставшагося по смерти Ѳеофила довольно значительнаго капитала, то онъ могъ образоваться совершенно безгрѣшно отъ добровольной платы за исполненіе разныхъ требъ...

Главнымъ доносчикомъ былъ архіерейскій казначей Назарій, который въ 1804 году писалъ на высочайшее имя, что *въ Тамбовской епархіи совершается великій грабежъ, что самъ архіерей беретъ со ставленниковъ и со всѣхъ просителей немалыя деньги якобы на образъ Богородицы.*

Слѣдствіе по этому доносу производилъ членъ Московской Синодальной конторы протопресвитеръ Лукіанъ. Доносчикъ въ свое оправданіе представилъ слѣдователю записную книжку священника Филиппа Сергѣева, а въ этой записной книжкѣ значилось: «архіерею дано мною за ставленье 35 рублей, секретарю 42 рубля, повытчикамъ 12 рублей, протоколисту 7 рублей, иподіаконамъ 5 рублей, пошлины 10 рублей, за исповѣдь 1 рубль 50 копѣекъ, на хлѣбы столько же и на угощеніе 10 рублей».

Слѣдствіе, не смотря на угрожающее начало, кончилось совершеннымъ оправданіемъ Ѳеофила, который съумѣлъ оградить себя отъ всякихъ обвиненій, а іеромонахъ Назарій поплатился сильно: по лишеніи сана его сдали въ солдаты [1])...

Что же сдѣлалъ епископъ Ѳеофилъ для своей епархіи?

Получивъ епархію крайне разстроенную во всѣхъ отно-

[1]) Арх. Там. д. конс. № 301-й.

шеніяхъ, онъ завелъ въ ней сравнительно строгій порядокъ. Если нравственному епархіальному усовершенствованію онъ только положилъ начало, то внѣшнему благоустройству нашей Тамбовской церкви онъ голова...

Недавно мнѣ пришлось бесѣдовать о Феофилѣ съ однимъ столѣтнимъ старцемъ—бывшимъ Тамбовскимъ семинаристомъ, и вотъ его мнѣніе, которое я привожу буквально: «правда, преосвященный Феофилъ положилъ таксу на всѣ мѣста и просителей бивалъ *палями*, а все-таки его любили, ибо бралъ онъ не себѣ, [illegible] въ церковную кружку за тремя печатями и есл[illegible]илу, то тамъ мощи»...

Преемникомъ [illegible]вленіи Тамбовскою епархіею былъ еписко[illegible]вскій) [1]. Преосвященный Іона родился въ [illegible] 1762 году. Какъ сынъ бѣднаго причетни[illegible] пеленокъ былъ подъ гнетомъ той нищет[illegible]жегодно помираетъ у насъ такая масса дѣ[illegible]й пищи, безъ чистаго воздуха и почти бе[illegible]мотру маленькій церковникъ Иванъ (такъ зва[illegible]у до принятія монашества) тѣмъ не менѣе росъ и росъ [illegible] выросъ изъ него наконецъ видный, здоровый и сильный семинаристъ. 8-ми лѣтъ отъ рожденія Иванъ Васильевскій остался *круглымъ сиротою* на попеченіи своей слѣпой бабки и долго питался съ нею въ церковной богадѣльнѣ мірскимъ подаяніемъ. Ему было 15 лѣтъ, когда его взяли въ Лаврентьевъ монастырь въ училище на казенное содержаніе. По воскресеніямъ и праздникамъ молодого семинариста отпускали къ его бабушкѣ и онъ по бѣдности принужденъ былъ ходить съ своею слѣпою ста-

[1]) *Примѣчаніе.* Послѣ Феофила Тамбовскимъ епископомъ 26 февр. 1812 года назначенъ былъ Платонъ Любарскій, но 11 марта того же года его перевели въ Астрахань, такъ что епископъ Платонъ даже и не видалъ своей паствы.

рушкою по городу для сбора подаянія хлѣбомъ и копѣйками. Ивану Васильевскому минуло 19 лѣтъ, когда знаменитый Московскій митрополитъ Платонъ перевелъ его изъ Лаврентьевскаго монастыря въ Перервинскую семинарію. Это сдѣлалось противъ воли его бабушки, которой крайне хотѣлось поскорѣй пристроить внучка къ мѣсту, именно—пономарскому въ Калугѣ. Но Московскій владыка на это замѣтилъ: «оставь, старушка, внучка у меня, онъ за насъ съ тобою будетъ Бога молить». Въ 1792 году, по окончаніи курса въ Московской академіи, Васильевскій поступилъ священникомъ въ одинъ Калужскій приходъ; въ 1807 году, овдовѣвъ, принялъ монашество съ именемъ Іоны; черезъ два года его назначили въ санѣ архимандрита ректоромъ Калужской семинаріи; наконецъ въ 1812 году была его хиротонія въ епископа Тамбовскаго и Шацкаго.

Въ противоположность своему предшественнику преосвященный Іона отличался кроткимъ характеромъ и не имѣлъ привычки подавлять своихъ подчиненныхъ начальственною суровостію и величіемъ архіерейской обстановки. Особенное вниманіе свое онъ обратилъ въ нашей епархіи на духовныхъ вдовъ и сиротъ и въ видахъ облегченія ихъ участи основалъ епархіальное попечительство. Кажется, въ этомъ случаѣ сказалось его горемычное дѣтство, пріучившее его быть отзывчивымъ на чужую бѣду. Внимательность къ подвѣдомственному духовенству Іона выражалъ между прочимъ и въ томъ, что старательно наблюдалъ за ходомъ ученія въ семинаріи и духовныхъ училищахъ и оказывалъ неизмѣнное и искреннее покровительство тѣмъ священникамъ, которые умѣли сочинять проповѣди. Въ дѣлѣ церковнообщественнаго проповѣдничества епископъ Іона самъ подавалъ примѣръ духовенству и такимъ образомъ положилъ прочное начало развитію проповѣди въ Тамбовской епархіи [1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* До времени еп. Іоны священники Тамб. епархіи не обязывались говорить проповѣди своего сочиненія. Они должны были читать проповѣди по книжкамъ, присланнымъ изъ Св. Синода еще въ 80-хъ гг. прошлаго вѣка.

Вступивъ въ управленіе нашею епархіею послѣ чрезвычайно дѣятельнаго Ѳеофила, Іона однако же не могъ не замѣтить сразу, что и на его долю осталось много работы. Поэтому съ его стороны начался рядъ разнообразныхъ мѣропріятій.

Въ 1814 году онъ назначилъ въ каждое благочиніе по два учителя изъ діаконовъ и лучшихъ дьячковъ. Цѣль этого распоряженія заключалась въ обученіи чтенію, письму, нотному пѣнію, катехизису и церковному уставу малограмотныхъ и неопытныхъ клириковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ принято было за правило лично испытывать въ чтеніи и пѣніи каждаго ставленника даже и въ томъ случаѣ, если ставленникъ имѣлъ удовлетворительный семинарскій аттестатъ.

Въ томъ же году преосвященный Іона привелъ въ порядокъ епархіальную статистику, т. е. метрики, обыскныя и приходо- расходныя книги, и впослѣдствіи во время частыхъ своихъ поѣздокъ по епархіи лично повѣрялъ всѣ эти книги. Если же онъ посѣщалъ какой либо монастырь, то требовалъ отъ настоятелей свѣденій о рукописяхъ, заключавшихъ въ себѣ историческія данныя, и о другихъ предметахъ мѣстной христіанской древности.

Большое вниманіе нашъ архипастырь обращалъ также и на внѣшній порядокъ Богослуженія. Но особенно упорную и безпрерывную борьбу Іона велъ противъ нравственной распущенности духовенства. Въ 1812 году, въ годъ вступленія своего въ управленіе епархіею, онъ отправился въ продолжительное пастырское путешествіе и вотъ что замѣтилъ тогда же относительно нашего приходскаго духовенства: въ нѣкоторыхъ благочиніяхъ происходили *непорядочные, буйственные и пьянственные поступки священниковъ и клириковъ; запрещенные священники тайно вѣнчали свадьбы; ставленныя грамоты отдавались въ залогъ кабатчикамъ; въ самыхъ алтаряхъ между духовными лицами иногда бывали словесныя и рукопашныя*

междоусобія [1]). А священникъ села Борщевой Василій Степановъ, поссорившись съ сотскимъ Гончаровымъ, отомстилъ ему такъ. Послѣ заутрени въ полномъ облаченіи вышелъ на средину церкви и *по чину передалъ Гончарова анаоемѣ*, отслуживши послѣ того благодарственный молебенъ [2]). Консисторія была завалена слѣдственными дѣлами. Даже такія особы, какъ Темниковскій протопопъ Асинкритъ, бывали подъ судомъ владычнымъ и консисторскимъ разъ по 40 и болѣе.

Какъ человѣкъ кроткаго характера, епископъ Іона при исправленіи нравственнаго быта своего духовенства не употреблялъ суровыхъ мѣръ. Онъ вызывалъ виновныхъ священнослужителей къ себѣ и подолгу горячо и искренно бесѣдовалъ съ ними. Бесѣды его нерѣдко сопровождались слезами и со слезами же выходили отъ него его собесѣдники. Нѣтъ сомнѣнія, что доброе слово любвеобильнаго архипастыря падало иногда на добрую почву и вызывало искреннее раскаяніе. Но бывало и не такъ; суровыя и ненормальныя условія приходской жизни вступали въ свои права и жизнь многихъ духовныхъ лицъ текла по прежнему...

Изъ множества примѣровъ, подходящихъ къ данному отзыву, приведу только одинъ, слѣдующій. Села Сергіевскаго, Лебедянскаго уѣзда, дьячекъ Василій Максимовъ вздумалъ увеличить доходы своего прихода. Съ этою цѣлію 19 октября 1817 года онъ тайно положилъ на престолъ приходской церкви образъ преподобнаго Сергія, а подъ образомъ спряталъ письмо съ такимъ текстомъ: «сіе слово не упустите, что вамъ Господь внушаетъ; гнѣвъ на васъ спущу, если вы по оному не исполните, спадетъ камень съ неба горящъ и попалитъ васъ и будете вы слѣпы и тучею огненною позжени будете. Преподобнаго отца нашего Сергія удовлетворите!... о горе, о горе, о горе вамъ, живущимъ на землѣ! По полученіи сего свитка пойте молебенъ со освя-

---

[1]) Арх. Тамб. д. конс. № 912 и 36.

[2]) Тамъ же, № 326.

ніемъ воды, собравъ весь народъ онаго храма прихожанъ. если сіе не исполните, то третій ангелъ пріидетъ съ огнемъ мечомъ. И сіе не рукою, но духомъ написася. А кто сему не повѣритъ, тотъ на мѣстѣ умретъ».

Въ колокольнѣ въ то же время найдено другое письмо того же анонимнаго автора. «Преподобный отецъ вашъ Сергій Чудотворецъ, гласило это второе письмо, — проситъ и молить безпрестанно слить ему хоть одинъ, пудовъ въ 70, колоколъ. И сіе написа апостолъ Петръ не рукою, а духомъ. А кто сему слову не повѣритъ, тотъ будетъ отъ Бога проклятъ».

На другой день начались [illegible] олебны... Ободренный усердіемъ прихожан[illegible]кій священникъ Прокопьевъ сталъ говорить [illegible] если у насъ поваго большого колокола не [illegible]утся пожары» [1]).

Преосвященному Іонѣ, [illegible]у, пришлось много хлопотать о защитѣ прих[illegible]ства отъ разныхъ притѣсненій и оскорбленій [illegible]о возмутительнаго свойства. Напримѣръ:

Въ 1813 году въ с[illegible] Елатомскаго уѣзда, поступилъ діаконъ Мих[illegible] Это сдѣлалось безъ согласія вотчиннаго уп[illegible]ванова же) и потому противъ новаго дьякона [illegible]енія. *Два года* управляющій не допускалъ его до свящ[illegible]нослуженія и скрылъ отъ него всѣ стихари. Наконецъ 2 сентября 1815 года Михаилъ Ивановъ какъ-то досталъ стихарь и началъ служить всенощную. Въ это время вошелъ въ церковь управляющій, схватилъ діакона за волосы и вытолкалъ его на паперть. Церковная служба докончена была однимъ священникомъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того діаконъ Ивановъ шелъ домой по большой дорогѣ изъ сосѣдняго базарнаго села. Управляющій догналъ его, схватилъ и при помощи прислуги потащилъ къ селу. «Тащили меня, жаловался потомъ пострадавшій,—по землѣ за волосы съ боемъ плетей

---

[1]) Арх. Там. д. конс. № 79-й.

и я падалъ неоднократно безпамятно, но они къ поднятію меня еще больше сѣкли плетьми; близъ же села нашего управляющій вынулъ изъ кармана ножницы и въ поруганіе остригъ мнѣ половину головы» [1]).

Возможность фактовъ подобнаго насилія надъ духовными лицами свидѣтельствуетъ, конечно, о слабости мѣстнаго религіозно-общественнаго развитія. Не очень еще удалилось отъ насъ то время, когда кощунственныя насмѣшки надъ многими священными предметами и издѣвательство надъ духовенствомъ считались у насъ какъ бы признакомъ свѣтскости и просвѣщенія. Такое отношеніе къ церкви иногда выражалось и въ слѣдующей грубой формѣ.

Однажды священникъ села Хрѣнинаго, Липецкаго уѣзда, Герасимовъ крестилъ въ церкви младенца. Въ это время ѣхавшій на охоту помѣщикъ Доможировъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, что такое дѣлается въ церкви, и вошелъ туда. Съ нимъ же преспокойно вошла въ церковь и любимая его собака, *которую выгнать изъ священнаго мѣста священникъ не осмѣлился* [2]).

Разумѣется, бывали иногда и такіе случаи, когда духовныя лица, можно сказать, насильственно вооружали противъ себя свою паству. Въ селѣ Ялтуновѣ, наприм., священникъ Иванъ Ивановъ пришелъ однажды съ молебномъ къ крестьянину Прюзину и вмѣсто эпитрахили для шутки надѣлъ на себя хомутъ... Когда узналъ объ этомъ преосвященный Іона, то на рапортѣ благочиннаго написалъ слѣдующую резолюцію: «вышеписаннаго мерина надобно сыскать и учинить что надобно» [3]).

Заканчивая свой отзывъ о Тамбовской епархіи временъ епископа Іоны, я не могу не замѣтить, что нашъ добродушный владыка иногда слишкомъ былъ снисходителенъ къ проступкамъ своего духовенства. Такъ, 12 марта 1818 года со-

---

[1]) Арх. Тамб. дух. конс. № 715.

[2]) Тамъ же, № 334-й.

[3]) Тамъ же, № 232-й

...й ключарь Наполинскій во время богослуженія началъ ...ить своему архипастырю и выговаривать ему, что онъ безчеститъ, креста бронзоваго за отечественную войну не ...тъ... На другой день Наполинскаго позвали въ присутствіе ...нсисторіи и прочитали ему тамъ формальный выговоръ. По ...лъ запальчиво началъ перебивать членовъ консисторіи и съ ...азартомъ говорилъ имъ: «не вамъ меня судить, не вашего ума это дѣло; я примѣрный протоіерей въ епархіи и собору принесъ выгоды на 30 тысячъ. А преосвященный хотѣлъ меня повѣсить, да не сдѣлается по его желанію».

За эти продерзости протоіере[illegible]линскій былъ наказанъ тѣмъ только, что его перевели [illegible] между тѣмъ онъ заслуживалъ наказанія и [illegible] дѣлу, именно по обвиненію въ крайне жесто[illegible] съ воспитанниками военно-сиротскаго учили[illegible]гію, этихъ воспитанниковъ въ 1815 году [illegible] поджогахъ и съ *пристрастіемъ* допрашивал[illegible]згами, били кулаками по щекамъ, драли им[illegible] головы назадъ, окровавленныхъ топтали и [illegible] на руки и на ноги кандалы, а *увѣщатель*-[illegible]линскій *былъ испуганныхъ кантонисто*[illegible] *зубамъ* [1])...

Кромѣ всего вышес[illegible]конство Іоны ознаменовано у насъ учрежд[illegible]ія Библейскаго Общества, директоромъ котораго въ [illegible]мбовѣ былъ маіоръ Сергѣй Чубаровъ, а казначеемъ купецъ Праздниковъ. И замѣчательно, большинство нашихъ библейскихъ членовъ принадлежало къ разнымъ сектамъ, въ особенности къ молоканству. Это дѣлалось, безъ всякаго сомнѣнія, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы членскими дипломами оградиться отъ разныхъ административныхъ и судебныхъ преслѣдованій...

Въ 1821 году преосвященный Іона оставилъ Тамбовскую каѳедру для Астраханской. Затѣмъ онъ былъ экзархомъ Грузіи и членомъ Св. Синода. Проѣздомъ изъ Тифлиса въ

---

1) Дѣло о Тамб. пожарѣ 1815 года хранится въ архивѣ Тамб. губерн. правленія.

столицу Іона посѣтилъ Тамбовъ и радостно былъ привѣтствованъ всѣмъ Тамбовскимъ обществомъ, особенно же духовенствомъ и семинаріею. У насъ въ Тамбовѣ есть еще и теперь не мало старожиловъ, которые помнятъ Іону именно какъ добродушнаго архипастыря. Къ этому они добавляютъ, что нашъ приснопамятный владыка имѣлъ величественную осанку, видный ростъ и открытое красивое лицо. Такой отзывъ современниковъ отчасти подтверждается портретомъ Іоны, украшающимъ, вмѣстѣ съ другими архіерейскими портретами, верхній залъ Тамбовскаго архіерейскаго дома.

Преемникомъ Іоны былъ епископъ Ѳеофилактъ. Ему и слѣдовавшимъ за нимъ архіереямъ, не смотря на усиленную епархіальную дѣятельность Ѳеофила и Іоны, предстояла очень большая работа относительно нравственнаго и бытоваго исправленія духовенства, такъ какъ развитіе массъ всегда съ трудомъ подчиняется единичному вліянію самыхъ умныхъ и энергичныхъ дѣятелей... Упорнѣе всего держалось въ средѣ нашего приходскаго духовенства сутяжничество. Объ одномъ изъ самыхъ рьяныхъ и неисправимыхъ сутягъ отжившаго времени, о священникѣ Гавріилѣ Товицкомъ, я уже сообщалъ въ первомъ своемъ выпускѣ. Въ настоящей замѣткѣ я дополняю его характеристику его же собственнымъ авторскимъ опытомъ, именно докладною запискою Тамбовскому епископу Арсенію. Содержаніе докладной записки, надѣюсь, подтвердитъ прежде высказанное мною мнѣніе о Товицкомъ, какъ человѣкѣ по умственнымъ способностямъ далеко не заурядномъ.

«Я былъ подъ запрещеніемъ, писалъ онъ, будто бы за неуважительный отзывъ о святыхъ отцахъ. Но въ чемъ сей отзывъ заключается—не знаю. Говорятъ, будто я называлъ себя святымъ отцемъ. Но это правда, ибо я ношу имя и санъ священника, т. е. освященнаго, святаго. Дѣйствія мои для всякаго вѣрующаго служатъ освященіемъ, а какъ они могли бы быть тѣмъ отъ неосвященнаго, не святаго? *Ничто же можетъ дать неимый. Вѣмы, яко Богъ грѣшника не послушаетъ, много же можетъ молитва*

праведнаго. Да и сами святые отцы, Іоаннъ Златоустый и Василій Великій, въ литургіяхъ своихъ предписали діакону говорить къ священнику: *помяни мя, владыко святый*. И такъ святые отцы—это архіереи и іереи.»

Высказавъ это, если можно такъ выразиться, антиепископальное и пресвитеріанское убѣжденіе, отецъ Товицкій далѣе объясняется по поводу обвиненія его въ разныхъ отступленіяхъ отъ обрядовъ православной церкви.

«Былъ я, говоритъ онъ, судимъ за обливаніе младенцевъ при крещеніи. Справедливо, что въ требникѣ упоминается объ одномъ только погруженіи, но нужды и законъ измѣняютъ. Если младенецъ хилъ и можетъ захлебнуться или простудиться въ холодной, нерѣдко со льдомъ, водѣ крещенія, то что прикажете, владыко, дѣлать? Неужели для соблюденія церковнаго обряда надлежитъ ему утопленнымъ быть? Этому повѣрить невозможно. Надлежитъ, напротивъ, изобрѣсти средства безвредныя, но равносильныя къ оправданію новорожденнаго. И они изобрѣтены. Святый Кипріанъ (въ книгѣ «наставленіе правильно состязаться съ раскольниками, на стр. 274) говоритъ: «крещеніе поливательное равносильно погружательному.» И въ требникѣ Петра Могилы говорится: въ осторожность залитія младенца должно крестить его поливаючи». Въ нашемъ требникѣ предписывается священнику имѣть при совершеніи таинства крещенія ножницы и блюдо, сирѣчь мису, въ коей погружать невозможно. Самъ Іисусъ Христосъ повелѣлъ апостоламъ *крестити*, но не сказалъ: погружати. Такимъ образомъ не въ погруженіи и не въ поливаніи благодать, а въ крещеніи въ три лица святой тройцы».

Оправдывая свои дѣйствія и отстаивая свои священническія права на свободное отношеніе къ обрядности, нашъ *широковѣщательный* и неугомонный діалектикъ продолжаетъ свою полемику такъ.

«Справедливо ли осужденъ я и оштрафованъ за служеніе литургіи при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ, по прочтеніи Евангелія до эктеніи оглашенныхъ? Думаю — нѣтъ, ибо сіе

творилось по обычаю пресвитеровъ честнѣйшихъ меня. Кромѣ того, когда бываетъ къ литургіи приложеніе, молебенъ или панихида, служатъ же при отверзтыхъ царскихъ дверяхъ. Консисторія судила меня на основаніи положеній своего устава, но на сіе не грѣхъ сказать: уставъ не есть соборное постановленіе, а только изложеніе обыкновеннаго порядка молитвословія... И сами отцы церкви, *дѣйствуя священная,* не весьма уважаютъ всеобщій церковный уставъ, и не только въ нашей епархіи, но можетъ быть во всей Россіи едва ли есть церковь, гдѣ бы все до послѣдней йоты исполняемо было по уставу. Такъ, велѣно, чтобы при входѣ въ алтарь священника съ кадиломъ, Евангеліемъ или Святыми Дарами, предшествовали ему два свѣщеносца, но предшествуетъ всегда одинъ, а иногда и того нѣтъ. Написано, чтобы кажденіе совершаемое было по прочтеніи Апостола, между тѣмъ оно и при архіереяхъ совершается при самомъ чтеніи. Написано, чтобы при совершеніи литургіи діаконъ вѣялъ рипидою надъ святыми дарами, но нынѣ и рипидъ въ священническихъ церквахъ нигдѣ нѣтъ. Во многихъ священническихъ служебникахъ написано: діаконъ глаголетъ — и о всѣхъ и за вся. О спасеніи благочестивѣйшаго... и т. д., а ликъ поетъ — на многая лѣта, владыко (т. е. священникъ). Но едва ли гдѣ такъ дѣйствуется... Нигдѣ не писано, чтобы при возгласахъ благословлять трапезу или антиминсъ Евангеліемъ, но не только священники, даже архимандриты и архіереи творятъ сіе, какъ нѣчто таинственное. Антифоны велѣно пѣть съ повтореніемъ, а поютъ и въ крестовой архіерейской церкви безъ повторенія. Благодарный молебенъ долженъ быть съ кажденіемъ, а его поютъ и архіереи безъ кажденія. Вѣнчая бракъ, должно водить новобрачныхъ образомъ круга, а водятъ и самые члены консисторіи кругомъ образа на аналоѣ. Но что говорить объ уставѣ! Даже соборныя правила нерѣдко безъ зазрѣнія совѣсти нарушаются. Такъ, правилами запрещается ядшему священнику, а также и въ святую четыредесятницу, крестить, но кто приметъ на себя обязанность дожидаться

рожденія младенца и цѣлыя сутки не ѣсть? И кто увѣритъ священника, что новорожденный съ чистаго понедѣльника доживетъ до недѣли ваій? 14-е правило Трульскаго собора запрещаетъ рукополагать во священника ставленника моложе 30-ти лѣтъ, но я принялъ священство на 24-мъ году, а многіе изъ товарищей моихъ и на 20-мъ году. И что жъ изъ этого? Неужели за это штрафуютъ архіереевъ? Стало быть, и я невиновенъ. *Не на лица зряще судъ праведенъ творити должно*».

Отецъ Товицкій въ своей оригинальной докладной запискѣ, очевидно, рѣшился о съ епархіальною властію смѣло, рѣзко и осн потому рѣчь его течетъ неудержимо. Онъ прод

«Діаконъ кадитъ мнѣ, ж меня доносители, а я его благословляю, точн я дѣлалъ такъ по приличію: низшій бо отъ вы словляется. Что это не написано въ служебникѣ еще ничего не слѣдуетъ. Въ архіерейскомъ с семъ также не упоминается, но преосвященн кадящихъ имъ діаконовъ благословляютъ, да руками. И какому жъ бы это пункту свода зако авилу регламента было противно?»

«До Вашего Преосвященст имаетъ епископа Арсенія отецъ Товицкій,—дошелъ слухъ, будто я, ходя по приходу, ругаюсь надъ святыми иконами и *черкаю* ихъ. Но можно ругаться надъ иконами и не черкая ихъ, а украшая богатыми окладами; можно черкать и не ругаться, какъ то дѣлаютъ священники, замѣтившіе соблазнительную неисправность на иконахъ».

«Меня оставили въ подозрѣніи, заключаетъ свое объясненіе нашъ смѣлый полемистъ,—а за что? Судить такъ, значитъ судить по примѣру Іудеевъ, распявшихъ Христа. Справедливо ли я разоренъ и доведенъ до рѣшимости ходить по міру, прося Христа ради на пропитаніе? Справедливо ли поступили со мною, волоча изъ одного прихода въ другой? Не отрицаю, можетъ быть и есть законъ: замѣченныхъ въ поро-

жахъ исправлять разореніемъ, но онъ не долженъ относиться къ неукоризненнымъ священникамъ. Если бы и дѣйствительно я былъ виновенъ и достоинъ наказанія, то справедливость требуетъ, чтобы наказаніе падало на меня одного, а не на мое семейство, которое, не бывъ участникомъ въ моихъ порокахъ, со мною принуждено раздѣлять изгнанническое горе. О нихъ прошу. А самому мнѣ все равно: я привыкъ уже когда насыщатися, когда алкати. Для жены, Евы малодушной, и дѣтей малыхъ оправдите мя».

Прочитавъ эту докладную записку о. Товицкаго, епископъ Арсеній приказалъ *безпокойнаго просителя* отослать въ Трегуляевъ монастырь на 4 мѣсяца [1]).

Бѣднаго и горемычнаго Товицкаго за разныя и оригинальныя выходки и крайне неуживчивый характеръ консисторія и потомъ часто донимала ссылками и штрафами. Однажды велѣно было взыскать съ него 10 рублей въ пользу епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ. Товицкій не заплатилъ, потому что платить было рѣшительно нечѣмъ. Тогда консисторія предписала благочинному взыскать съ виновнаго штрафъ, *не смотря ни на что*. И вотъ, минуя благочиннаго, Товицкій написалъ Тамбовской консисторіи: «глупая и наивная консисторія! Я всѣ глаза проглядѣлъ, все ищу у себя въ домѣ денегъ, и ничего не нахожу, а ты велишь достать эти деньги, да еще не смотря ни на что»...

Въ 50-хъ годахъ Товицкій, какъ это сказано въ первомъ нашемъ выпускѣ, былъ лишенъ священства и вскорѣ умеръ въ крайней бѣдности. Эти свѣденія нуждаются въ поправкѣ. Правда, Товицкій въ 50-хъ гг. лишенъ былъ священства, но еще долго безпокоилъ епархію прошеніями на имя архіерея и консисторіи, кляузами въ синодъ и даже доносами на высочайшее имя. Оставшись не у дѣлъ, онъ по видимому единственную отраду своей погибшей жизни находилъ въ сутяжническомъ авторствѣ. Одинъ изъ такихъ его опытовъ, составленный отъ имени его сына Ивана, дьячка Кирсановской соборной церкви, мы приведемъ сейчасъ же.

---

[1]) Арх. Тамб. дух. конс. № 13-й.

Дьячекъ Товицкій, дѣйствуя по отцовскому наученію, прослылъ непомѣрнымъ гордецомъ и *безумно-заносчивымъ человѣкомъ*, такъ что многіе причты, въ среду которыхъ его переводили, давали ему *отступнаго*, лишь бы только онъ уходилъ отъ нихъ. Непомѣрная дьячковская гордость выражалась, между прочимъ, въ томъ, что Товицкій во время всенощной *звонилъ*, *когда ему вздумается*, и *держалъ себя съ старшими чинами причта самымъ непринужденнымъ образомъ*, *даже во время богослуженія*. Кирсановскій протоіерей Колансовскій далъ знать о дьячковскихъ проказахъ епархіальному архіерею. Началось обычное слѣдствіе.

Когда слѣдователь—священникъ Стандровскій приступилъ къ дѣлу, Иванъ Товицкій сразу оборвалъ его слѣдующими словами: «какой ты слѣдователь, законовъ не знаешь!»

Спасаясь отъ личныхъ объясненій съ неугомоннымъ дьячкомъ, отецъ Стандровскій потребовалъ отъ него письменныхъ отвѣтовъ, и вотъ что написалъ своему слѣдователю подсудимый. Мы будемъ приводить объясненія Товицкаго въ сокращеніи, останавливаясь на болѣе выдающихся мѣстахъ.

«Благочинный Колансовскій жалобную книгу благочинія держитъ у себя въ домѣ и пишетъ въ ней, что захочетъ, или по совѣту своей протопопицы, а протопопица къ клиру не принадлежитъ».

«Движителями протопопскаго пера въ разсужденіи доносовъ на меня были не мои неисправности, а протопопская злоба. Посмотрите, отецъ слѣдователь, что благочинный пишетъ про меня: комаръ съ дуба свалился и оттого великій громъ учинился. Между тѣмъ о томъ, что большая корова (намекъ на Колансовскаго) въ болотѣ увязла, умалчиваетъ».

«Отецъ протопопъ говоритъ, что я не бывалъ въ церкви по лѣности. А почему ему извѣстна дѣйствительная причина моего небытія въ церкви? Спрашивалъ ли меня о семъ благочинный и давалъ ли я отвѣтъ: по лѣности? Вѣроятно, онъ мало уважаетъ того, кто сказалъ: храни незлобіе и виждь правоту».

«Протопопъ любитъ моего товарища, стараго дьячка, а онъ поетъ хриплымъ и отъ старости дребезжащимъ голосомъ. Пусть же старикъ передастъ свое мѣсто другому и тогда возрадуется душа его на ложѣ его».

«Протопопъ пишетъ про дьячка Каменецкаго, будто онъ даромъ обучилъ 500 мальчиковъ, но это неправда и на кого же, послѣ того, благочинный походитъ? На то животное, которое по природѣ своей весьма неопрятно и не любитъ почивать на чистой и свѣжей постелькѣ».

«Жалуется благочинный, будто разъ я былъ пьяный въ церкви. Неправда. Можетъ быть наболѣвшіе злобою протоіерейскіе глазки отразили такое впечатлѣніе. Сему не противорѣчу».

«Я повалилъ будто бы столъ въ церкви и произвелъ соблазнъ. Въ комъ? Развѣ въ томъ, кто всѣхъ насъ называетъ конницею и гриварями, ризы-рогожками, священнодѣйствія-шалостями. Радуюсь за протопопа, поздравляю его съ побѣдою».

«Пустымъ и глупымъ человѣкомъ обзываетъ меня протопопъ. Позволительно дьячковской головѣ быть глупою, но кто позволилъ быть глупымъ и пустымъ доносомъ изъ преисполненной премудростію главы Кирсановскаго протоіерея?»

Въ заключеніе Товицкій пишетъ: «да что долго разговаривать—весь этотъ доносъ хоть брось».

Краснорѣчиваго Кирсановскаго дьячка отрѣшили отъ мѣста и послали въ монастырь на 3 мѣсяца. Начались новыя просьбы и все авторствовалъ самъ бывшій отецъ Товицкій. «Я пресмыкаюсь, писалъ онъ уже отъ себя, — по окнамъ чужихъ хижинъ, а вы сыну моему мѣста не даете» [1]).

Заключаю свою замѣтку о Товицкомъ слѣдующимъ сообщеніемъ. Его считали всѣ давно уже умершимъ. Пишущему эти строки именно въ этомъ смыслѣ не разъ говорили въ консисторіи. И вдругъ въ мартѣ текущаго 1884 года мнимый умершій, въ видѣ глубокаго, дряхлаго и бѣдноодѣ-

---

[1]) Истор. вѣсти. Мартъ 1882 г. Наша замѣтка.

таго старца, снова появился въ Тамбовѣ... Это явленіе крайне всѣхъ удивило, но еще больше всѣ *дивy дались*, когда узнали, что престарѣлый Гавріилъ Товицкій прибылъ въ епархіальную резиденцію... хлопотать о возвращеніи ему священническаго сана...

Съ цѣлію дополненія мѣстной церковной исторіи, слѣдующую 6-ю главу своего изслѣдованія мы посвящаемъ вопросу о ссыльныхъ въ монастыряхъ Тамбовской епархіи. Въ данномъ случаѣ мы именно укажемъ на значеніе мѣстныхъ монастырей, какъ учрежденій исправительныхъ... Такая роль была чужда нашихъ монастырей въ XVII вѣкѣ. Она есть явленіе уже позднѣйшее.

Ссыльные въ монастыряхъ Тамбовской епархіи.

Многіе убѣждены, что городъ Тамбовъ въ давнія времена былъ ссылочнымъ мѣстомъ, своего рода Сибирью. Эта мысль выражена также и въ извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова «Казначейша». Но это не правда. Ссыльные у насъ бывали, но только ихъ ссылали не въ г. Тамбовъ, а въ разные монастыри Тамбовской епархіи. Говоримъ такъ на основаніи многочисленныхъ архивныхъ источниковъ. Изъ собственно Тамбовскихъ ссыльныхъ мы можемъ указать только на одного извѣстнаго Грузинскаго католикоса и царевича Антонія, о которомъ мы уже немного говорили въ первомъ своемъ выпускѣ. Католикосъ Антоній, проживившій въ нашемъ городѣ около 6-ти лѣтъ, съ 1812 года по 1818 г., былъ четвертымъ сыномъ послѣдняго Грузинскаго царя Ираклія. Въ 1783 году, во время переговоровъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, онъ былъ уже архимандритомъ, 20-ти лѣтъ отъ роду. Сосланъ онъ былъ во внутреннюю Россію за участіе въ тѣхъ антирусскихъ волненіяхъ, которыя произошли въ Грузинскомъ царскомъ семействѣ вскорѣ послѣ присоединенія Грузіи къ русскому царству. Окруженный значительною Грузинскою свитою, ссыльный царевичъ проводилъ шумную и веселую жизнь и скоро очутился въ неоплатныхъ долгахъ. Въ Январѣ 1817 года долги эти въ количествѣ около 190,000 р. выяснились. Между тѣмъ католикосъ получалъ изъ казны казеннаго жалованья 10,000 р. и на этомъ основаніи наивно отказывался платить кредиторамъ. «Я во время Московскаго разоренья, писалъ онъ чрезъ князя А. Н. Голицына императору Александру 1-му,

потерпѣлъ большіе убытки и не имѣю состоянія, а есл платить мнѣ долги изъ жалованья, то самому останетс мало». На это письмо изъ Петербурга послѣдовалъ таке отвѣтъ: «вычитать у католикоса Антонія треть жалован и вносить въ Тамбовскій уѣздный судъ для удовлетвор нія кредиторовъ»...

Лицъ, въ разное время сосланныхъ въ Тамбовскіе м настыри, можно раздѣлить на 4 группы. Попадались въ н ши монастыри помѣщики за крайнее злоупотребленіе во чинными правами. Везли туда же раскольниковъ, секта товъ и иныхъ лицъ, такъ или иначе возстававшихъ проти господствующей церкви. Предавали монастырскому заключ нію священнослужителей за болѣе или менѣе рѣзкое нар шеніе церковнаго благочинія. Наконецъ въ Тамбовскіе м настыри поступали даже и такіе подсудимые, за которы зазорныхъ дѣлъ не водилось и которые въ настоящее вр мя заслужили бы правительственную и общественную п хвалу. Кромѣ этихъ четырехъ группъ въ концѣ главы укажемъ еще на такихъ невольныхъ обитателей наши монастырей, которые отличались или замѣчательною ориг нальностью, или же таковою же таинственностью.

Лицъ первой группы у насъ въ монастырскомъ закл ченіи бывало очень много, и попадались они къ намъ дѣ ствительно за выдающіяся преступленія, нерѣдко по особо высочайшему повелѣнію. Сама Екатерина II-я, не смотря извѣстный, крайне снисходительный, характеръ ея внутре ней политики, вынуждаема была писать напр. такія ко фирмаціи: «Тамбовскаго помѣщика Лизунова, лиша чино и дворянскаго достоинства, предать церковному покаян въ одномъ изъ монастырей Тамбовской епархіи». Этотъ пр говоръ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Ли новъ часто засѣкалъ своихъ людей до смерти. Но та какъ подобныя преступленія слишкомъ извѣстны, да и нашемъ первомъ выпускѣ отчасти они указаны, то мы дальнѣйшихъ тяжелыхъ подробностей въ данномъ слу уклоняемся. Здѣсь мы отмѣтимъ только тотъ фактъ,

нѣкоторые сосланные помѣщики и въ монастыряхъ продолжали обнаруживать крайнюю строптивость духа, не привыкшаго чѣмъ нибудь ограничиваться. Такъ, сосланный въ Санаксарскій монастырь дворянинъ Буткевичъ, по словамъ Санаксарскаго строителя Филарета, жилъ въ Санаксари *неистово и грубо*, *ругалъ монаховъ и богомольцевъ...*

— За что ты бранишь насъ, спросилъ его однажды строитель.

— Богъ явился мнѣ въ видѣніи, посмѣиваясь отвѣчалъ Буткевичъ,—и Богоматерь, и всѣ святые, и велѣли мнѣ васъ обличать.—Буткевичъ, повидимому, принадлежалъ къ тѣмъ нашимъ доморощеннымъ *философамъ* прошлаго вѣка, которые нерѣдко слыхали что нибудь про Вольтера, можетъ быть, не безъ труда, конечно,—и прочитали что нибудь изъ него, и на этомъ основаніи считали себя въ правѣ смѣяться надъ предметами всенародной вѣры. Часто пьяный ходилъ онъ по монастырю, потѣшаясь надъ монахами и богомольцами. И если спрашивали его: «зачѣмъ ты пьешь?— онъ обяснялъ: «дьяволы въ чудовищныхъ видахъ являлись мнѣ и насильно уводили меня въ кабакъ.»

Одновременно съ преступниками противъ общественныхъ порядковъ въ Тамбовскіе монастыри присылаемы были и преступники противъ господствующей церкви. Еще въ 1689 году въ нашъ край присланъ былъ толмачъ Андрей Щербининъ для преслѣдованія *воровъ-раскольниковъ* Ивашки Терскаго и Левки Епифанова. «И буде, предписано было Козловскому воеводѣ Давыдову, отъ того расколу тѣ раскольники не отстанутъ и учнутъ въ расколѣ и воровствѣ стоять упорно, и ихъ велѣть казнить—сжечь». Вслѣдствіе энергичныхъ мѣръ, предпринятыхъ Козловскими властями, *раскольщики обыщились впредь къ расколу не приставать*. Тогда ихъ за крѣпкимъ карауломъ повезли въ Козловъ и заперли въ тамошнемъ монастырѣ. [1])

Между лицами, которыя заподозрѣны были въ сопротив-

---

[1]) Моск. арх. мин. юстиціи, № 9, связка 18.

ленія господствующей церкви, обращаетъ на себя вниманіе нѣкто прапорщикъ Мошоновъ, котораго въ 1798 году епархіальныя власти преслѣдовали за *самовольное прославленіе Тихона, епископа Задонскаго.* У Мошонова, по словамъ слѣдователя—благочиннаго, былъ образъ новаго святителя Тихона съ надписью: «изображеніе св. Тихона Задонскаго, новаго чудотворца, съ распростертыми руками предъ пречистымъ образомъ стоящаго и о всемъ мірѣ молящагося». Во время допроса Мошоновъ объявилъ благочинному: «я сему образу покланяюсь и справляю ему по общей минеи святительскую службу».

— Для чего чинить сіе? сурово спросилъ его слѣдователь.

— Ни ты, ни архіерей Ѳеофилъ, отвѣчалъ подсудимый,—мнѣ не указъ; знаю, что дѣлаю.

Тогда о. благочинный подбѣжалъ къ изображенію Задонскаго святителя и выразилъ намѣреніе захватить его, но Мошоновъ взялъ столовый ножъ и принудилъ слѣдователя къ поспѣшному отступленію.—Въ томъ же 1798 году образъ неканонизованнаго святителя вытребовали въ губернское правленіе, а самовольнаго канонизатора препроводили въ Козловскій Троицкій монастырь въ монастырскіе труды, чтобы *неповадно было ему покланяться такимъ иконамъ, которыя строжайше воспрещены духовнымъ регламентомъ.*

Бывали у насъ въ монастырскомъ заключеніи и такіе люди, которые по разнымъ корыстнымъ и честолюбивымъ соображеніямъ выдавали себя за чародѣевъ. «Отъ Бога и христіанской вѣры, дерзко показывали они своимъ судьямъ,—мы отреклись, кресты снявъ съ себя бросили, отцовъ и матерей, мѣсяцъ и солнце, землю и воду прокляли». Въ 1789 году между такими преступниками, къ удивленію всего Тамбовскаго намѣстничества, оказался священникъ села Замартинья Мокѣевъ. *Онъ нашоптывалъ какія-то тайныя слова, смотря на вино, и всыпалъ въ это вино разныя зелья, отъ которыхъ многіе люди получали порчу* [1]).

[1]) Дѣло о свящ. Макѣевѣ хранится въ архивѣ Тамбовской Консисторіи.

Въ 1766 году въ Тамбовской епархіи съ необыкновенною силою обнаружилось то противоцерковное движеніе, которое Тамбовская Консисторія назвала молоканствомъ. Движеніе началось въ селѣ Жидиловѣ открытымъ отпаденіемъ отъ православія 26-ти человѣкъ крестьянъ. Всѣхъ Жидиловскихъ *церковныхъ мятежниковъ* привезли въ Тамбовъ, въ Консисторію, и епархіальный проповѣдникъ священникъ Александръ Полянскій началъ вразумлять ихъ... Однако, сектантство начало быстро увеличиваться и въ 1769 году въ одномъ селѣ Горѣловѣ, близъ Тамбова, церковникъ Петровъ сразу обратилъ въ молоканство 40 человѣкъ. Впослѣдствіи, уже въ началѣ XIX вѣка, къ молоканскому обществу присоединился священникъ села Падовъ Васильевъ. Молокана-священника отослали въ Саровскую пустынь, но и тамъ онъ съумѣлъ образовать вокругъ себя толпу приверженцевъ изъ окрестныхъ крестьянъ.

Примѣръ священника Васильева вовсе не единственный. Мы знаемъ изъ Тамбовскихъ консисторскихъ документовъ священника-молокана Ѳедорова и священника-скопца Петрова. Послѣдній собственноручно отрѣзалъ у себя *ключи ада и ключи бездны*. Что же касается тѣхъ Тамбовскихъ священнослужителей, которые уходили въ расколъ, то ихъ было такъ много, что мы и перечислять ихъ отказываемся. Въ 1792 году къ раскольникамъ на Иргизъ бѣжалъ изъ города Мокшана самъ о. протопопъ Егоровъ.

Наибольшее число нашихъ монастырскихъ узниковъ принадлежало, конечно, къ духовному сословію. Это объясняется отчасти тѣмъ чрезвычайно неудовлетворительнымъ и бѣдственнымъ состояніемъ нашего приходскаго духовенства, о которомъ въ рескриптѣ на имя архіепископа Димитрія Сѣченова императрица Елизавета Петровна отъ 31 декабря 1757 года выражалась такъ: «многіе священнослужители носятъ убогое и священному чину неприличное одѣяніе, ибо у иныхъ верхнія рясы изъ самаго толстаго холста, да и тѣ раздраныя; а у иныхъ и рясъ нѣтъ, но въ кафтанахъ сермяжныхъ подпоясаны кушаками ходятъ; а что касается до

обуви, то почти всѣ въ лаптяхъ. И сіе происходитъ не токмо отъ скудости, но паче отъ небреженія». Нѣкоторыя преступленія нашихъ духовныхъ лицъ поражаютъ своимъ крайне рѣзкимъ характеромъ. Напримѣръ въ 1764—65 гг. по Хопру разбойничала у насъ партія разбойниковъ, доходившая до Керенска и до Саратова. Атаманами у этой партіи, схваченной въ 1767 году, были *три священника*: Ѳедоръ Ивановъ, Василій Филиповъ и Андрей Васильевъ... Но мы пропускаемъ всѣ извѣстные намъ факты въ родѣ вышеозначеннаго и для примѣ... переходимъ къ указанію тѣхъ наиболѣе выдававшихся д... ...торыя пересылаемы были въ наши монаст... ...ерковнаго благочинія. Мы укажемъ тол... ...ицъ.

Въ началѣ текущ... ...ышенскую пустынь присланъ былъ изъ ...ринолебежской пустыни архимандритъ ...орскій архимандритъ провинился тѣмъ, ...стырѣ велъ себя, какъ въ завоеванной не... ...ı. Онъ билъ въ церкви монаховъ, непри... ...ідерживаясь въ этомъ случаѣ образцов... ...няго военнаго *краснорѣчія*, и неуваж... ...о священныхъ церковныхъ предметахъ ...астырь въ описываемое время, повидимому, ...ь неудовлетворительномъ состояніи, такъ какъ весь наличный составъ его *полностію*, вслѣдъ за архимандритомъ Іоанникіемъ, доставленъ былъ на исправленіе въ Темниковскій Санаксарскій монастырь.

Около того же времени, именно весною 1804 года, въѣхалъ въ Тамбовъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Санаксарскую пустынь, опальный Якутскій архимандритъ Нифонтъ. Проживая въ Якутской глуши, Нифонтъ возмечталъ о себѣ, какъ о человѣкѣ совершенно независимомъ отъ всѣхъ Сибирскихъ властей, и на этомъ основаніи сталъ грубо ссориться съ Иркутскимъ губернаторомъ Леццано и съ епархіальнымъ архіереемъ Веніаминомъ. Кромѣ того, онъ слишкомъ своеобразно относился къ монастырскимъ суммамъ и къ монашескимъ обѣтамъ. Въѣздъ архимандрита Нифонта въ

Тамбовъ ознаменовался паденіемъ его экипажа въ рѣку Цну, причемъ самъ Нифонтъ уцѣлѣлъ, а ѣхавшій съ нимъ братъ его утонулъ... Въ пользу Нифонта надо сказать, однако же, то, что въ Якутскѣ имъ основана была школа для 100 мальчиковъ. Содержалась она средствами монастырскими и за всѣмъ обученіемъ лично слѣдилъ самъ основатель...

Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, по распоряженію Св. Синода, въ одинъ изъ Тамбовскихъ монастырей посланъ былъ бывшій ректоръ Пермской семинаріи архимандритъ Рафаилъ. Рафаилъ отличался близостію къ ученикамъ и постоянною, мелкою борьбою съ архіепископомъ Аркадіемъ. Бывши большимъ оригиналомъ, онъ окружалъ себя сороками, орлами и коршунами, для питанія которыхъ въ особую птичью комнату бросали голубей и галокъ. Въ классахъ Рафаилъ выражалъ мнѣніе о дурномъ и невѣрномъ переводѣ книгъ Священнаго Писанія, особенно псалтыри. Когда архіепископъ Аркадій приказалъ ученикамъ богословія ходить въ крестовую и соборную церковь читать и пѣть, Рафаилъ возбранялъ имъ это, находя отправленіе причетнической должности унизительнымъ для кандидатовъ священства. Къ архіерейской службѣ или не являлся, или являлся позже архіепископа. Съ его дозволенія протоіерей Погостовскій читалъ въ классахъ записки безъ предварительнаго утвержденія ихъ епархіальнымъ начальствомъ. На архіерейское замѣчаніе объ этомъ отвѣчалъ отъ лица семинарскаго правленія: «изъ резолюціи Его Высокопреосвященства нельзя видѣть, что угодно Его Высокопреосвященству. Просить Его Высокопреосвященство изложить яснѣе волю свою. Семинарскія же правила 1838 г., на которыя ссылается Его Высокопреосвященство, стали уже ветхи и несообразны съ новыми». Относительно пѣнія стихиръ, каноновъ и подобныхъ принадлежностей клира, для ознакомленія съ которыми Аркадій посылалъ учениковъ богословія на клиросъ, письменно отозвался: «для познанія ихъ недостаточны цѣлые десятки лѣтъ монастырскаго упражненія, какъ это видно съ перваго взгляда на церковный подробный уставъ. Кромѣ того дѣло религіоз-

ное вообще не терпитъ насилія». Архіепископъ Аркадій въ своемъ предложеніи указалъ семинарскому управленію на двухъ свѣтильниковъ церкви, Стефана Пермскаго и Василія Великаго, бывшихъ чтецами въ церкви. Рафаилъ отвѣчалъ: кромѣ означенныхъ свѣтильниковъ гораздо большее число неменьшихъ свѣтильниковъ не слѣдовало сему правилу, да и вообще въ дѣлахъ религіозныхъ всякое принужденіе ведетъ не къ исправленію, а къ большему злу, къ ожесточенію. Примѣръ Юліанъ»...

Между многочисленными узниками Тамбовскихъ монастырей были и такіе, которые, какъ мы сказали уже, отличались похвальными дѣйствіями и вовсе не заслуживали монастырскаго заключенія. Таковъ былъ села Кангушъ, Краснослободской десятины, священникъ Алексѣй Васильевъ. Онъ былъ священникомъ у новокрещенной Мордвы и положеніе его среди этой номинально христіанской паствы было во истинѣ тяжелое. Вотъ что писалъ онъ въ 1766 году Тамбовскому епископу Пахомію: «новокрещены въ церковь къ молитвословію вовсе не ходятъ и крестнаго знаменія на себя не возлагаютъ, на гайтанахъ вмѣстѣ съ крестами носятъ звѣриные когти. Въ церковь ходятъ только въ зимнюю Николу. На Пасху пируютъ много, кланяются невѣдомо кому на сѣверъ, отливаютъ немного питья и отламываютъ и отрѣзываютъ пищу кому-то. А еще молодые ходятъ на рѣку и кланяются по три раза въ воду, ломаютъ кусочки хлѣба и бросаютъ туда же. И ежели кто изъ нихъ умретъ, то на седьмой день одѣваютъ они нѣкоего человѣка въ платье покойника, сажаютъ его въ передній уголъ и кланяются ему до земли. Потомъ водятъ по дворамъ и мнимый покойникъ велитъ всѣмъ какъ жить. И какъ скотину какую рѣжутъ, то безобразно вопятъ». Противъ этихъ и подобныхъ языческихъ обычаевъ священникъ Алексѣй Васильевъ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ строкъ его прошенія, сильно вооружался, но новокрещены надолго еще остались номинальными христіанами, а ревностному Кангушскому миссіонеру выпали на долю одни только непріятности. Ночью 27 февраля 1764 г.

Кангушскіе Мордовцы силою вошли въ домъ своего священника и *съкли его нещадно, со всъмъ семействомъ, плетьми.* «Не мѣшай намъ, попъ, приговаривали они, — по нашему молиться». Въ другой разъ о. Васильевъ совершалъ богослуженіе въ церкви. Тогда вошли въ алтарь прихожане, прибили его и за эпитрахиль вытащили на паперть. Обиженный священникъ поѣхалъ въ Тамбовъ и пожаловался на свою полудикую паству епископу Пахомію. Но и Кангушскіе прихожане явились съ своими встрѣчными жалобами къ тому же Пахомію. Архіерейскій судъ кончился такимъ неожиданнымъ и страннымъ рѣшеніемъ: «попа Васильева наказать плетьми и посадить въ Казанскій монастырь». Не находя должной защиты у своего архіерея, Кангушскій миссіонеръ обратился съ жалобою на свою долю въ Св. Синодъ. Въ своемъ прошеніи онъ между прочимъ писалъ: «Его Преосвященство и въ прежнихъ годѣхъ во время бытія моего въ Тамбовѣ въ консисторіи для взятья перехожей грамоты безъ всякой моей винности билъ меня мучительски плетьми и вымогательствы своими взялъ съ меня 50 рублевъ».

Вскорѣ послѣ этого, 16 декабря 1766 года, Пахомія перевели въ Вологодскую епархію...

Въ концѣ царствованія Екатерины II-й въ Тамбовскомъ Казанскомъ монастырѣ заключенъ былъ Пензенскій протопопъ Антоновъ. Это былъ человѣкъ по своему времени замѣчательно образованный, чуть ли не единственный въ своемъ родѣ во всей Тамбовско-Пензенской епархіи. Въ монастырь попалъ онъ по поводу двухъ проповѣдей, неосторожно напечатанныхъ имъ въ Московской типографіи. Проповѣди протопопа Антонова подверглись преслѣдованію за нѣкоторыя выраженія, которыя показались тогдашней мнительной цензурѣ подозрительными. Въ одной его проповѣди сказано было: «Богъ есть единица и этому не противорѣчатъ никакія мнимыя противорѣчія». Къ этимъ словамъ придрались на слѣдующемъ основаніи: «протоіерей Антоновъ говоритъ о какихъ то мнимыхъ противорѣчіяхъ божественной единицѣ, это онъ говоритъ, конечно, съ сомнѣніемъ о тро-

ичности божественныхъ лицъ». Въ другой проповѣди, говоря о христіанской любви, протоіерей Антоновъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ *составлять дружескія, а не какія либо другія, общества*. Отсюда вывели заключеніе о томъ, что Антоновъ внушалъ своимъ прихожанамъ масонскія идеи. Нежданно-негаданно послѣдовалъ Синодскій указъ, по которому протоіерей Антоновъ разлученъ былъ съ семействомъ и перевезенъ въ Тамбовскій монастырь для увѣщанія. Въ указѣ сказано было: «Св. Синодъ находитъ о протоіереѣ Антоновѣ сумнѣніе: не зараженъ ли онъ какою противъ преданій православныя нашея церкви ересью или вольномысліемъ». Къ счастью, опальный проповѣдникъ встрѣтилъ въ Тамбовскомъ архіереѣ Ѳеофилѣ человѣка просвѣщеннаго, который отрекомендовалъ его Св. Синоду, какъ истинно православнаго христіанина, виновнаго только *въ наклонности къ суетному краснорѣчію*. Какъ бы то ни было, протоіерею Антонову навсегда воспрещено было говорить проповѣди своего сочиненія...

Изъ нашихъ монастырскихъ ссыльныхъ, отличавшихся замѣчательною оригинальностію, я укажу на дервиша Магомета и на Козловскаго мѣщанина Рянинцева. Первый, пойманный въ 1838 году въ селѣ Разсказовѣ, разглашалъ, что онъ идетъ изъ такой земли, гдѣ податей не платятъ и властей не признаютъ. По-русски говорилъ онъ бѣгло и довольно правильно. Питался милостыней. Какъ легкомысленнаго и небезопаснаго говоруна, дервиша Магомета заключили на время въ одномъ изъ Тамбовскихъ монастырей, гдѣ и допросили его: кто онъ такой и откуда. И оказалось, что Магометъ родомъ изъ Кокана, что онъ пѣшкомъ исходилъ всю среднюю Азію, Персію, Аравію, Египетъ, Сирію, Малую Азію, Балканскій полуостровъ и почти всю Европейскую Россію. Всѣ документы были у него въ исправности и шолъ онъ черезъ Тамбовскую губернію на Астрахань, чтобы возвратиться на родину. Цѣль всѣхъ его странствованій, по его словамъ, заключалась въ томъ, чтобы разныхъ людей по-

смотрѣть и при случаѣ поучить ихъ уму-разуму, какъ на свѣтѣ жить [1]).

Въ томъ же 1838 году доставленъ былъ въ Саровскую пустынь за бродяжество и за присвоеніе разныхъ фиктивныхъ званій мѣщанинъ Ряшинцевъ. Въ монастырѣ онъ прожилъ шесть мѣсяцевъ, затѣмъ скрылся изъ него въ Елецъ, откуда безъ паспорта ходилъ по разнымъ городамъ, провозглашалъ себя по селамъ знатною особою, довѣреннымъ царскимъ лицомъ, и однажды въ порывѣ своей хлестаковщины написалъ своей родной сестрѣ слѣдующее письмо: «любезной сестрицѣ Дарьѣ Алексѣевой, купно съ супругомъ твоимъ—звать забылъ. Имѣю честь васъ поздравить съ законнымъ бракомъ, жить въ благочестіи, другъ друга любить, какъ собака палку, а о себѣ я увѣдомляю, что подавалъ я въ Казани Его Высочеству Великому Князю просьбу, по которой и получилъ свободу во всю Россію и служу нынѣ Его Высочеству. Дана мнѣ должность по тайной полиціи въ Муромѣ, Суздали, Владимірѣ, Ростовѣ, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, Москвѣ и Петербургѣ. 4-го мая я пожалованъ чиномъ по тайной полиціи маіоромъ, имѣю на шеѣ третьей степени св. Анны, у васъ въ Козловѣ былъ я въ трактирѣ у Алексинцева 3-го іюля, выпилъ двѣ бутылки шампанскаго да чаю напился и лошадей перемѣнилъ и мимо васъ проѣхалъ. Ты, Даша, стояла у воротъ. Опять къ вамъ буду скоро по важнымъ дѣламъ, а теперь отправился въ Херсонскую губернію для нѣкотораго слѣдствія. Тестю Алексѣю Ивановичу вѣчная память и тещѣ—также. Матушкѣ Екатеринѣ Петровнѣ и сродникамъ всѣмъ вообще съ дѣтками добраго здравія. Вѣра, Надежда и Любовь не останутся безъ награжденія, а я, благодаря Бога, разъѣзжаю по всей Россіи на перемѣнныхъ по милости Бога и Монарха. Тайной полиціи маіоръ, а по старому былъ Василій Ряшинцевъ».

Письмо это произвело въ домѣ Дарьи Алексѣевой понятную сенсацію, которая усилена была новымъ посланіемъ того же автора.

---

[1]) Арх. губер. прав. № 20.

«Даша, писалъ доморощенный Козловскій Хлестаковъ,— хотѣлъ было я прислать тебѣ денегъ хоть 500 рублей, да раздумалъ, ибо ты замужемъ и я скоро тебя увижу.—Подателю дать 10 копѣекъ серебромъ» [1]).

Что сдѣлалось потомъ съ нашимъ курьезнымъ писателемъ и *тайной полиціи мнимымъ маіоромъ*—изъ нашихъ документовъ не видно.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о нашихъ таинственныхъ заключенникахъ.

Въ 1838 году прислапа была изъ Петербурга въ Тамбовскій женскій монастырь вдова генералъ-лейтенанта Бѣлавина. Несомнѣнно, она была политическою преступницею, но въ чемъ именно заключалось ея преступленіе — неизвѣстно. Мы знаемъ только то, что ссылка въ Тамбовъ была для Бѣлавиной облегченіемъ ея участи и что это сдѣлалось по усиленной просьбѣ ея сына—Новгородскаго предводителя.

---

[1]) Арх. губер. прав. № 207 И.

Изъ школьныхъ воспоминаній.

Послѣднюю главу своего третьяго выпуска я посвящаю воспоминаніямъ о дореформенныхъ мѣстныхъ училищахъ 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Эта глава составлена совершенно внѣ всякаго архивнаго вліянія, по однимъ личнымъ воспоминаніямъ, и я охотно даю ей мѣсто въ своемъ трудѣ по многимъ причинамъ, между прочимъ по важности предмета, по его сильному вліянію на былую жизнь цѣлаго мѣстнаго сословія и по личному желанію почтить хоть какимъ нибудь словомъ и воспоминаніемъ ту мѣстную суровую школу, которая, не смотря на множество вольныхъ и невольныхъ педагогическихъ несовершенствъ своихъ, все-таки неизмѣнно принимала въ себя массу жалкихъ дѣтей и своими жестокими объятіями спасала ихъ отъ болѣе или менѣе вѣрной погибели...

Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія составлены назадъ тому лѣтъ десять. Въ данномъ случаѣ я значительно сократилъ ихъ, исправилъ въ нихъ слогъ, смягчилъ нѣкоторыя слишкомъ субъективныя тенденціи и въ этомъ сокращенномъ и смягченномъ состояніи издаю ихъ съ полною увѣренностію, что читатели найдутъ у автора «воспоминаній» и искренность въ разсказѣ, и правдивость, и нѣкоторый объективный интересъ по существу и по формѣ...

Мое дѣтство прошло въ одной глухой Мордовской деревнѣ Тамбовской губерніи, Спасскаго уѣзда. Первыя мои дѣтскія воспоминанія относятся къ такимъ двумъ фактамъ,

которые и въ раннемъ дѣтствѣ не могли не поразить меня своею суровостію. Мнѣ было около четырехъ лѣтъ, когда внезапно умеръ отъ холеры мой отецъ священникъ, а черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти до тла сгорѣлъ весь домъ нашъ со всѣмъ имуществомъ. Глубокаго житейскаго смысла совершившихся событій, обрекшихъ всю нашу семью на неисходную нищету, я, конечно, не понималъ, но меня потрясали отчаянные вопли моей матери и неунимаемый крикъ маленькихъ сестеръ, къ которому невольно присоединился и я...

Мы поселились въ простой избѣ и кое-какъ зажили... Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, мать отдала меня въ науку къ заштатному дьякону Степану Алексѣевичу, который, изъ жалости къ нашему бѣдственному состоянію, взялся выучить меня азбукѣ за три рубля, а часослову и псалтыри—за восемь рублей. Ученіе мое продолжалось обыкновенно цѣлый день, причемъ добродушный и недалекій мой наставникъ, слѣдя за мной съ *лопаткой*, требовалъ, чтобы я читалъ какъ можно громче и чаще. Въ этомъ онъ видѣлъ окончательную цѣль своего педагогическаго относительно меня призванія. Иногда мнѣ удавалось чѣмъ нибудь угодить своему учителю. Тогда онъ бралъ меня съ собой, смотря по времени года, или въ лѣсъ за дровами, или на рыбную ловлю, и въ обоихъ случаяхъ доставлялъ мнѣ величайшее удовольствіе. Именно только этими-то удовольствіями и красно было мое суровое дѣтство... Среди высокихъ елей и сосенъ Спасскихъ дремучихъ лѣсовъ или же на зеленомъ берегу тихаго и рыбнаго Вада я забывалъ всѣ свои невзгоды: и щелчки моего учителя, на которые онъ, при всей своей добротѣ, по старой педагогической методѣ былъ очень щедръ, и безтолковое цѣлодневное зуденье азовъ, и нищету домашнюю...

Къ концу перваго моего учебнаго года, въ одинъ изъ зимнихъ дней, со мной случилось происшествіе, едва неокончившееся роковыми послѣдствіями. Степанъ Алексѣевичъ куда-то ушолъ изъ дому и я остался одинъ въ дымной и жарко натопленной избѣ въ сотый разъ читать одну и ту же страницу псалтыря. Не помню, долго ли я просидѣлъ

въ такомъ уединеніи. Послѣ мнѣ разсказывали, что я жестоко угорѣлъ и свалился на полъ и что педагогъ мой, вернувшись домой, счелъ за лучшее положить меня головой въ снѣгъ. Отъ этого со мной началась горячка и я пролежалъ нѣсколько недѣль безъ памяти, при полномъ отсутствіи какихъ либо медицинскихъ пособій и въ самой не гигіенической обстановкѣ, такъ какъ изба наша въ сильные морозы промерзала насквозь... Весною я поправился, а въ августѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, меня повезли въ Тамбовъ для опредѣленія въ одно изъ духовныхъ училищъ.

УЧИЛИЩЕ.

Училищныя зданія, въ видѣ длинныхъ и приземистыхъ казармъ растянувшіяся на берегу рѣки Цны, съ самаго перваго раза непріятно поразили меня и своею неуклюжестію, и грязью, и крайне затхлымъ воздухомъ. Это впечатлѣніе только усилилось, когда я на обширномъ бурсацкомъ дворѣ увидѣлъ многосотенную и шумную бурсацкую толпу, состоявшую изъ дѣтей разнообразнаго возраста, отъ 8 до 20-ти лѣтъ, одѣтыхъ въ самые разноцвѣтные балахоны, между которыми преобладала синяя, изъ толстаго домашняго сукна, чуйка. Обуви почти ни у кого не было... Меня провели къ инспектору, высокому и длинноносому старичку, который немедленно и сдалъ меня *подъ началъ* одному изъ большихъ школяровъ. Въ то время мнѣ было отъ роду восемь лѣтъ и я скоро почувствовалъ всѣ невыгоды этого обстоятельства... Впрочемъ, къ товарищескимъ колотушкамъ я привыкъ довольно скоро и подъ ихъ вліяніемъ даже сталъ впадать въ какую-то странную чувствительность: мнѣ начинала нравиться роль униженнаго и оскорбленнаго, я забивался куда нибудь въ дровяной уголъ, или подъ кровать—и плакалъ—плакалъ... Очень часто потомъ плачь мой былъ вызываемъ и реальными мотивами. Въ училищѣ кормили насъ, по чрезвычайной бѣдности заведенія, а можетъ быть отчасти и по недосмотру, изъ рукъ вонъ скверно;

хлѣбъ былъ у насъ совершенно черный и черствый, а мяса давалось приблизительно по четверти фунта на 6-ть человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ я сильно голодалъ и нерѣдко съ плачемъ бѣгалъ по училищному двору и искалъ: нѣтъ ли гдѣ на землѣ какой нибудь хлѣбной корки. Отъ такого голода и училищный обѣдъ могъ показаться заманчивымъ. Дѣйствительно, лишь только ударялъ призывный обѣденный колокольчикъ, всѣ мы стремглавъ неслись въ столовую и жадно собственными деревянными ложками принимались ѣсть мутные щи или кашицу. А у кого своей ложки не было, тотъ могъ разсчитывать на сосѣдское великодушіе. И я долженъ сказать, что въ такомъ великодушіи лично мнѣ и другимъ горемыкамъ никто не отказывалъ.

Во время одного изъ нашихъ обѣдовъ мнѣ скоро пришлось познакомиться съ новою подробностію училищнаго быта. Въ столовую вошолъ инспекторъ. Всѣ встали и наступила мертвая тишина. По лицамъ старшихъ школьниковъ можно было догадаться, что готовится что-то страшное и необыкновенное. И точно, пока мы всѣ обѣдали, нѣкоторыхъ учениковъ тутъ же между столами жестоко сѣкли. Сѣченіе производилъ отставной солдатъ, замѣчательный мастеръ своего дѣла, а въ рукахъ у него были прутья, предварительно вымоченныя въ соленой водѣ и распаренные.

И такъ, я вступилъ окончательно въ училищную жизнь. Въ небольшой комнаткѣ, куда меня поселили, стояло до 15 коекъ, покрытыхъ сѣрымъ толстымъ рваньемъ; простынь и наволочекъ у насъ, конечно, не было; вмѣсто подушекъ кой у кого валялись скомканные грязные тюфячки. Паразитовъ, питавшихся нашими голодными тѣлами, было видимо-невидимо. Достаточно было приподнять покрышку съ чьей нибудь койки, чтобы увидѣть ихъ въ несмѣтномъ количествѣ. Все это съ коекъ массами переходило на насъ и я живо помню одного моего товарища, маленькаго, блѣднаго, который былъ именно обсыпанъ паразитами съ головы до пятокъ. И было отъ чего: у него была только одна пара бѣлья, при томъ такая изношенная, что трудно было узнать

своимъ столикомъ на табуретку, бралъ *нотату* и списокъ шумѣвшихъ, вызывалъ лѣнтяевъ и шалуновъ на середину классной комнаты и приказывалъ *архангеламъ*, обыкновенно отпѣтымъ лѣнтяямъ и тупицамъ, сѣчь ихъ. Сѣченіе иногда было крайне жестокое: сѣкли двумя розгами съ двухъ сторонъ, на голову и на ноги паціента садились *архангельскіе помощники*... И однако нѣкоторые ученики привыкали и къ такому сѣченію и выносили его съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Напримѣръ одинъ мой товарищъ просверлилъ дыру въ амбарѣ и нѣсколько дней пользовался казеннымъ горохомъ. Вина его была открыта. Голоднаго похитителя принялись сѣчь въ двѣ руки. Между тѣмъ онъ во время сѣченія замѣтилъ на полу въ отдаленіи горошину и подъ ударами тихо сталъ подползать къ ней. Подползъ и съѣлъ...

Въ тамбовскомъ духовномъ училищѣ насъ сѣкли не одни учителя, а также и старшіе ученики, и это домашнее сѣченіе всегда привлекало множество любопытныхъ зрителей. Старшіе ученики могли сѣчь насъ за непослушаніе, напримѣръ такое. Кого либо изъ маленькихъ они посылаютъ за водой. При словѣ: *пить*—вся мелюзга летитъ къ ушату съ водой, желая подслужиться набольшимъ. Но кто нибудь изъ этой мелюзги заупрямится, не почувствуетъ должнаго уваженія къ куражу старшаго и вотъ ему задается порка. При такихъ условіяхъ весьма успѣшно развивались съ одной стороны непомѣрная спѣсь, а съ другой — приниженность и угодничество, т. е. такія нравственныя черты, которыя въ житейскомъ быту нашего духовенства имѣли далеко не послѣднее мѣсто...

Надобно замѣтить, что ни одинъ училищный учитель *не преподавалъ* намъ своей науки. Каждый изъ нихъ ограничивался задаваніемъ уроковъ, спрашиваніемъ ихъ по книжкѣ и въ особенности сѣченіемъ. Кромѣ того, у насъ не принято было заниматься чтеніемъ книгъ. И однако, и при этихъ обстоятельствахъ, именно я началъ потихоньку читать разныя, большею частью, разрозненныя книжки: повѣсти, сказки, путешествія, историческія описанія... Любимыми моими книж-

ками были извѣстныя сказки о Гуакѣ, Англійскомъ милордѣ, о Францилѣ-Венеціанѣ и географія Арсеньева. Съ этими случайными любимцами я залѣзалъ подъ кровать, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ, и вполнѣ наслаждался чтеніемъ, не смотря на толстыя слои пыли и грязи въ нашихъ комнатахъ подъ кроватями. Результатомъ этихъ уединенныхъ чтеній было то, что я пріобрѣлъ кое какія отрывочныя и совершенно ничтожныя свѣденія по географіи и исторіи. Я могъ напр. на чей нибудь вопросъ сразу отвѣтить, что въ Тиролѣ главный городъ Иннспрукъ, что республика Чили въ Америкѣ, что Киръ воевалъ съ Лидійскимъ царемъ Крезомъ, а этотъ Крезъ былъ необыкновенный богачъ. Всего этого для нашей школы было ужъ слишкомъ много и я сталъ между товарищами ученымъ авторитетомъ. Бывало, играемъ мы въ *лапту*. Какой нибудь великовозрастный бурсакъ, желая показать передъ толпою все величіе моихъ географическихъ познаній и такимъ образомъ похвастаться мною, кричалъ мнѣ съ середины двора:

— Какой главный городъ въ Испаніи? Я съ торжествующею улыбкою отвѣчаю: Мадритъ, и вслѣдствіе этого *блестящаго* отвѣта становлюсь бурсацкимъ тріумфаторомъ на цѣлый день. Слава моя дошла даже до учителей и они стали записывать меня въ *первый разрядъ*.

Къ концу моей училищной жизни, примѣрно за годъ до перехода въ семинарію, я былъ назначенъ комнатнымъ старшимъ и уже окончательно возмечталъ о разныхъ своихъ превосходствахъ передъ товарищами. Во время обѣда и ужина я самодовольно похаживалъ по столовой и смотрѣлъ за порядкомъ. Въ случаѣ громкаго разговора между учениками я начальственно выкрикивалъ: тише! и меня слушались. Но уже близился тотъ часъ, когда мое самолюбіе было жестоко оскорблено, когда я былъ униженъ, поруганъ. Это обстоятельство находилось въ связи съ назначеніемъ въ наше училище новаго инспектора, человѣка крайне жестокаго и драчливаго. Новый инспекторъ, В. И. Сигизмундовъ, встрѣченъ былъ нами съ подобающимъ сердечнымъ трепетомъ. Однако,

недѣли двѣ мы прожили при немъ покойно. Наконецъ онъ заявилъ себя. Первый его опытъ произведенъ былъ именно надо мною и вотъ по какому случаю. Былъ классъ Греческаго языка. Сигизмундовъ вызвалъ меня къ своему столу и заставилъ переводить Греческое Евангеліе. Перевелъ я благополучно, но одного слова не могъ грамматически разобрать и при этомъ имѣлъ несчастіе замѣтить, что, кажется, мой разборъ правиленъ. Лишь только я это сказалъ, какъ Сигизмундовъ быстро поднялся съ своего мѣста, бросился на меня и началъ бить кулаками по лицу и по головѣ. Не знаю, долго ли потѣшался надо мною нашъ педагогъ... Когда я опомнился, классы уже кончились и я оказался лежащимъ въ сосѣдней съ классомъ комнатѣ лицомъ къ стѣнѣ. Эффектъ, произведенный новымъ нашимъ инспекторомъ, былъ настолько чувствителенъ бурсацкому міру, что изъ всей бурсы противъ обыкновенія никто не рѣшился посмѣяться надо мною. Да и не до смѣху было: начались грозныя времена; каждый день насъ били и сѣкли, сѣкли и били. Пожалѣли мы тутъ о прежнемъ своемъ инспекторѣ Т. Л. Вознесенскомъ, который хотя и сѣкъ насъ, но безъ озлобленія и не такъ часто...

Между тѣмъ умеръ нашъ смотритель, протоіерей Смолѣевъ. Въ похоронной процессіи участвовали всѣ ученики училища въ своихъ разнообразныхъ балахонахъ и представили цѣлому городу оригинальное зрѣлище многосотенной оборванной толпы. И замѣчательно, Тамбовская публика, сколько я помню, никогда не выказывала намъ ни малѣйшаго состраданія. Напротивъ, не знаю—почему, она смѣялась и издѣвалась надъ нами, встрѣчая и провожая насъ общеизвѣстными безсмысленными кличками. Чаще всего разныя насмѣшки намъ приходилось выслушивать въ большіе праздники, когда мы, слѣдуя старинному Кіевскому обычаю, ходили въ нѣкоторые дома *съ разговорами*, сочиненными старшими семинаристами. Въ этихъ разговорахъ участвовали два или три лица. Одинъ изображалъ христіанина, другіе Еврея или язычника, и вотъ между ними въ чьей либо го-

степріимной прихожей возгоралась ожесточенная, заранѣе сочиненная, полемика, всегда кончавшаяся побѣдою христіанина. Такимъ образомъ болѣе смѣлые ученики въ иной праздникъ набирали рубля по два, лицедѣйствуя гдѣ за гривенникъ, гдѣ даже за двугривенный.

Вскорѣ послѣ похоронъ стараго смотрителя къ намъ явился другой, П. А. Москвинъ, умершій впослѣдствіи въ санѣ Тамбовскаго викарнаго епископа. Какъ человѣкъ очень богатый и близкій родственникъ бывшаго Кіевскаго митрополита Арсенія, Москвинъ казался намъ настоящимъ вельможею и хотя не былъ жестокимъ человѣкомъ, однако наводилъ на насъ сильный страхъ. Являлся онъ къ намъ въ училище по субботамъ, при чемъ громко и грубо бранился, грозясь перепороть *всѣхъ до единаго*. На этомъ основаніи училищному сторожу постоянно отдавался приказъ заготовить къ слѣдующей субботѣ *возъ розогъ*. Но мы скоро узнали, что эти угрозы не осуществляются, и потому торжествовали. Впослѣдствіи всѣмъ намъ стало ясно, отчего новый смотритель не поролъ насъ. Онъ просто не обращалъ на насъ вниманія, потому что всецѣло преданъ былъ личнымъ имущественнымъ дѣламъ, въ особенности банковымъ и конюшеннымъ... При Москвинѣ у насъ послѣдовали даже нѣкоторыя бытовыя ухудшенія. Они состояли въ томъ, что насъ и на первый день Пасхи кормили по будничному, чего прежде не бывало. Въ то же время вышелъ строжайшій смотрительскій приказъ: «всѣмъ казеннокоштнымъ ученикамъ въ классы и по двору (конечно, лѣтомъ) ходить босикомъ, а въ церковь (мы ходили въ приходскую Варваринскую церковь) всѣ должны ходить въ сапогахъ». Когда мы въ праздничные дни приближались къ церкви, то церковные сторожа обыкновенно въ самый храмъ насъ не пускали, а старались удержать на паперти. Лѣтомъ мы нисколько не смущались этимъ обстоятельствомъ, за то зимой въ церковномъ притворѣ, кое-какъ одѣтые, мы коченѣли отъ холода и поневолѣ ломились въ самую церковь, что и удавалось нѣкоторымъ счастливцамъ.

Выше я замѣтилъ, что при новомъ смотрителѣ насъ и на первый день Пасхи кормили по будничному. Это, конечно, крайне огорчило насъ, но мы были неожиданно утѣшены тогдашнимъ ректоромъ Тамбовской семинаріи архимандритомъ Ѳеофилактомъ, который прислалъ намъ въ одинъ изъ пасхальныхъ дней массу калачей, яицъ и мяса. Когда пиръ нашъ окончился, мы отправились всею бурсою благодарить своего благодѣтеля и христосоваться съ нимъ. Съ великимъ страхомъ вступили мы на семинарскій дворъ и немедленно были допущены къ ректору. Комнаты о. ректора произвели на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ просторныя, чистыя, съ хорошею и красивою мебелью, комнаты. Наконецъ къ намъ вышелъ самъ ректоръ. Началось христосованье. Это зрѣлище показалось мнѣ до такой степени величественнымъ, что я совершенно растерялся и, когда очередь христосоваться дошла до меня, сперва перекрестился, а потомъ уже потянулся губами къ ректору. Неловкость моя сейчасъ же была замѣчена и надо мною милостиво посмѣялись. По окончаніи аудіенціи мы вернулись домой и на другой день по старому принялись жевать черный хлѣбъ и глотать мутные постные щи. У нѣкоторыхъ экономныхъ моихъ товарищей еще велись кое-какіе запасы, напримѣръ яйца. Это потому, что они обыкновенно въ день болѣе одного яйца не съѣдали. Взявши ломоть хлѣба, они намазывали его яичнымъ желткомъ и лакомились...

Приближалось окончаніе училищнаго курса. Нужно было подвести итоги своимъ знаніямъ, полученнымъ въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ училищѣ. Что же мы узнали тамъ? По совѣсти говоря, кромѣ бѣглаго чтенія и письма, мы ничему основательно не выучились. Мы заучили множество латинскихъ и греческихъ словъ, немножко познакомились съ классическою этимологіей и съ катехизисомъ. Географіи же и ариѳметики вовсе не знали. А учителя у насъ были вотъ какіе.

Былъ у насъ учитель латинскаго языка и катехизиса

А. К. Любвинъ. Такъ какъ онъ склоненъ былъ къ нетрезвой жизни и это замѣтно было даже въ классѣ, то про него, по русскому обычаю, распустили слухъ, что онъ умный человѣкъ, *голова*. Но вотъ что дѣлалъ въ классѣ этотъ умный человѣкъ. Вызываетъ онъ сразу двухъ—трехъ учениковъ и заставляетъ ихъ по книжкѣ переводить съ русскаго языка на латинскій или обратно. Ученикъ, положимъ, ошибается, и другой тоже, и третій. Въ такомъ случаѣ А. К. никогда не помогалъ ученикамъ, а преемственно отсылалъ ихъ всѣхъ къ дверямъ *подъ розги*. Послѣ экзекуціи ученики снова были спрашиваемы, снова, конечно, ошибались и снова ихъ сѣкли, и такъ до конца класса... Злобы при этомъ усиленномъ сѣченіи Любвинъ никогда не выражалъ и сѣкъ насъ, кажется, отъ скуки, для развлеченія. Отъ такого учителя, разумѣется, мы ничему путному не могли научиться, тѣмъ болѣе что изъ класса онъ посылалъ насъ не рѣдко въ питейный домъ за водкой и видимо благоволилъ къ тѣмъ изъ насъ, которые послѣ праздниковъ къ нему *являлись*, т. е. приносили ему гривенники и двугривенные. Я помню, объ этихъ приношеніяхъ А. К. безъ церемоніи разговаривалъ съ нами и въ классѣ.

Учителемъ русскаго языка и нотнаго пѣнія въ нашемъ училищѣ былъ Г. В. Чуруковъ. Этотъ, бывало, начиналъ шипѣть отъ злости, когда сѣкъ учениковъ. А иногда приказывалъ провинившемуся ученику ложиться на полъ и класть голову на порогъ, между тѣмъ *архангелы* сѣкли этого ученика *по синимъ и по щелъ*. Чуруковъ не всегда впрочемъ сѣкъ насъ съ озлобленіемъ. Иногда онъ входилъ въ классъ съ лицемъ кроткимъ, называлъ насъ ласкательными именами: Ваня, Вася, Гриша... но это не мѣшало ему сейчасъ же обратиться къ кому нибудь изъ этихъ Ваней и высѣчь его пребольно *такъ себѣ*, *на будущій случай*. Не смотря на то, что Чуруковъ носилъ священный санъ, онъ любилъ подъ часъ драться. Учились мы у него плохо.

Учитель ариѳметики А. Е. Розановъ былъ еще свирѣ-

ніе Чурукова. Онъ засѣкалъ иныхъ до того, что ихъ съ мѣста наказанія немедленно увозили въ семинарскую больницу. Одного ученика, говорили, онъ засѣкъ до смерти: бѣдный мальчикъ умеръ черезъ три дня послѣ сѣченія. Но это было раньше моего поступленія въ училище, поэтому за справедливость передаваемаго факта не ручаюсь, хотя и считаю его весьма вѣроятнымъ, потому что и въ мое время, когда Розанову положительно воспрещено было сѣчь учениковъ, онъ приказалъ дать одному моему товарищу до 100 лозъ. При этомъ Розановъ казался совершенно спокойнымъ и медленно пр[illegible]ама себя раба бьетъ, что не чисто жнетъ».

Самымъ хорошимъ [illegible] Тамбовскомъ училищѣ былъ Н. И. Пертовск[illegible] Любвина. Сѣкъ онъ насъ очень рѣдко и съ [illegible]ою. Уроки объяснялъ всегда толково. При [illegible] даже съ нѣкоторыми изъ насъ въ разумныя [illegible]дѣнія. Но онъ былъ слишкомъ раздражител[illegible] выраженіяхъ относительно насъ крайне н[illegible]Это его единственный недостатокъ. Лично я [illegible] И. Пертовскаго между прочимъ потому, что [illegible]ю охоту къ чтенію и отнесся къ ней сочувс[illegible]тельственно...

Не въ такой степе[illegible]едагогомъ, какъ Пертовскій, но все же хорош[illegible]ь учителемъ былъ у насъ и Т. Л. Вознесенскій, преподаватель греческаго языка. Мы начали учиться у него во время знаменитой Крымской кампаніи, только не греческому языку, а географіи Крымскаго полуострова и исторіи Крымскихъ военныхъ дѣйствій. Бывало только что войдетъ Т. Л. въ классъ, мы громче и громче кричимъ ему: «объ войнѣ, объ войнѣ!» Сначала онъ промолчитъ, т. е. помучитъ насъ, а потомъ понюхаетъ табаку и внушительно отвѣтитъ намъ: «рѣзня, дѣтинки, рѣзня!» [illegible] за тѣмъ начинался военно-историческій разсказъ до [illegible] класса...

Не смотря на неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе нашего училища, и въ нашемъ захолустьѣ,

и въ нашей убогой и заброшенной школѣ были свои радости. Мы дѣлались счастливцами съ наступленіемъ каникулъ. Жизнь въ деревнѣ, въ какой нибудь убогой хатѣ около сельской церкви, рисовалась въ нашемъ воображеніи безусловно счастливою. Въ половинѣ іюля, по окончаніи такъ называемаго публичнаго экзамена, во время котораго всѣ спрошенные ученики отвѣчали на заранѣе данные вопросы, а также къ Пасхѣ и святкамъ, мы расходились изъ Тамбова по разнымъ направленіямъ съ болѣе или менѣе тощими узелками и котомками, съ какими нибудь гривенниками или двугривенными въ карманахъ, но за то съ невыразимою сердечною радостію. Смотря на запыленныя и загорѣлыя, а зимою обмороженныя фигуры моихъ путешествовавшихъ товарищей, еле передвигавшихъ ноги отъ усталости, сантиментальные проѣзжіе, вѣрно, сожалѣли о нихъ, а между тѣмъ это были люди въ своемъ родѣ самые счастливые. По примѣру почти всѣхъ товарищей ходилъ домой пѣшкомъ и я. Разъ на страстной недѣлѣ я шелъ въ гости къ одному родственнику, жившему въ 30-ти верстахъ отъ Тамбова въ Разсказовѣ. Было довольно холодно и очень сыро. Подъ Тамбовомъ рѣка разлилась до самаго лѣса, но вода начинала уже сильно сбывать и потому была возможность кое-какъ перебрести залитые водой луга. Именно мнѣ, тогда 13-лѣтнему мальчику, и пришлось воспользоваться этою возможностію. Правда, мѣстами я почти по поясъ уходилъ въ воду, я весь иззябъ, одеженка моя была совсѣмъ мокрая, мнѣ угрожала смертельная простуда, но я ничего знать не хотѣлъ и радостно шелъ впередъ. Въ другой разъ меня взялъ съ собой въ дорогу одинъ изъ старшихъ моихъ товарищей, по фамиліи Клопскій. Онъ былъ извѣстенъ всей нашей школѣ тѣмъ, что часто ходилъ домой безъ гроша и совершенно спокойно прибѣгалъ къ общественной благотворительности. Съ нимъ-то мы должны были пройти 250 верстъ. Денегъ у насъ обоихъ было 20 копѣекъ, да на дорогѣ одинъ проѣзжій священникъ далъ намъ гривенникъ. Мы шли болѣе недѣли; и дождемъ насъ мочило,

и солнцемъ пекло, и ѣсть-пить было нечего, когда всѣ наши капиталы вышли, и пили мы часто изъ грязныхъ дождевыхъ лужъ, и Богъ хранилъ насъ. Мы не унывали и, перебирая кой-какъ усталыми ногами, мурлыкали себѣ подъ носъ разныя пѣсни. Дорогою въ одномъ селѣ Спасскаго уѣзда мы случайно были свидѣтелями такого сѣченія, которому позавидовалъ-бы и нашъ училищный солдатъ. Мужиковъ въ селѣ Покровскихъ Селищахъ сѣкли за разрушеніе кабаковъ, произшедшее по поводу одного изъ тѣхъ печальныхъ недоразумѣній, которыя въ прежнее время были такъ нерѣдки въ русскомъ быту. Это было во время уничтоженія винныхъ откуповъ. Крестьянъ сѣкли торжественно. На многочисленныхъ крестьянскихъ подводахъ пріѣхала военная команда, быстро атаковала виновныхъ и не менѣе быстро всѣхъ ихъ подвергла жестокому сѣченію, за тѣмъ войско поѣхало далѣе, въ иныя замутившіяся села... Въ данномъ случаѣ меня удивляло слѣдующее обстоятельство. Высѣченные крестьяне, вслѣдъ за экзекуціею, ходили по селу совершенно спокойно, на ихъ раскраснѣвшихся лицахъ замѣчалась даже какая то странная веселость, вѣроятно вслѣдствіе того, что вотъ попали было они въ большую бѣду, да счастливо отдѣлались...

Въ концѣ іюля мы дошли до своихъ родныхъ селъ. Послѣ тягостныхъ впечатлѣній бурсацкой жизни мы радостно и привольно отдыхали. Впереди въ довольно радужныхъ краскахъ рисовалась намъ семинарія, которая послѣ нашей глубокой бурсы и не могла иначе представляться намъ... Наконецъ, по возвращеніи въ Тамбовъ, трепетные и смущенные вошли мы въ семинарскіе классы для пріемныхъ экзаменовъ.

СЕМИНАРІЯ.

Тамбовская семинарія, вслѣдствіе крайней нашей наивности, поразила насъ на первыхъ порахъ недоступнымъ величіемъ начальства и преподавателей, которыхъ въ наше время, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, именовали *профес-*

сорами. И начальники, и преподаватели съ нами *не говорили*, они намъ *вѣщали*. Особеннымъ высокомѣріемъ относительно насъ отличался инспекторъ архимандритъ Антоній, впослѣдствіи епископъ Томскій.

Поселили насъ въ семинарской бурсѣ. Эта была просторнѣй и чище училищной. Кормили насъ тоже получше. За то семинарская дисциплина оказалась такою же строгою, какъ и училищная. Вся разница между ними заключалась только въ томъ, что въ семинаріи насъ рѣдко сѣкли. По утру, по звонку, мы должны были вставать въ шесть часовъ. Кто нѣсколько запаздывалъ, тому неизбѣжно приходилось испытать чувствительную непріятность отъ инспектора, имѣвшаго строгій обычай колотить лежачихъ палкою. Въ столовой сидѣли мы совершенно безмолвно и слушали книгу «училище благочестія», которую читалъ кто нибудь изъ насъ по очереди. Вечеромъ приготовлялись уроки за назначенными для извѣстнаго числа учениковъ столами. Тишина и тутъ была невозмутимая. Нарушителей порядка о. Антоній могъ дня на три оставить безъ обѣда, или же препроводить въ пекарню, назначенную для извѣстныхъ экзекуцій. Въ отсутствіе инспектора наша дисциплина нисколько не ослабѣвала, потому что надъ нами *риторами*, т. е. учениками низшаго семинарскаго класса, были суровые набольшіе, безъ церемоніи толкавшіе и щипавшіе насъ, такъ наз. *богослова*. Богослова вели себя относительно риторовъ съ полнымъ сознаніемъ своего величія и бразды правленія держали крѣпко, иногда даже очень крѣпко. За малѣйшую непочтительность къ себѣ богослова мстили намъ жестоко. Въ этомъ случаѣ имъ покровительствовалъ самъ Антоній... Между тѣмъ насъ начали просвѣщать семинарскими науками.

Главною наукою въ первомъ семинарскомъ классѣ считалась реторика. Мы занимались ею каждый день, заучивая наизусть по нѣскольку страницъ изъ записокъ, составленныхъ, по Кошанскому, преподавателемъ реторики П. И. Остроумовымъ. Въ теченіе двухгодичнаго курса мы узнали,

что *даръ слова есть превосходный даръ, сообщенный Творцомъ человѣку, безъ котораго одинъ человѣкъ былъ бы закрытъ для другаго*, и т. д. Мы узнали, что такое періоды и какъ ихъ составлять, что такое хрія, какая изъ нихъ порядочная и какая Автоніева и т. д. въ этомъ родѣ. Насъ усовершенствовали въ долбленіи записокъ объ источникахъ изобрѣтенія (loci topici), о тропахъ и фигурахъ. Что же касается до литературныхъ образцовъ, то они тщательно отъ насъ были скрываемы. Исключеніе сдѣлано было для Державина, любимаго автора П. И. Остроумова. Изъ стихотвореній этого Екатерининскаго пѣвца, весьма талантливаго, но далеко не всегда образцоваго, мы къ каждому классу заучивали что нибудь наизустъ. Нашему учителю особенно нравились слѣдующіе стихи:

„Ступитъ на горы,
Горы трещатъ,
Ляжетъ на море,
Бездны кипятъ...

Или вотъ эти:

„Что наша жизнь?
Ничто иное, какъ лишь мечтаніе пустое»...

По примѣру своего *профессора* мы читали Державинскіе стихи съ подобающею имъ торжественностію. Когда произносили извѣстный стихъ изъ оды «Богъ»: «безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества», — то сначала закрывали руками все лицо, а потомъ открывали ладони и для наглядности троичности божества держали ихъ около щекъ... Какъ величайшій образецъ краснорѣчія, намъ предлагалась извѣстная рѣчь Георгія Конисскаго: «оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, да мы въ благополучіи почиваемъ»... Словомъ, наша реторика была совершенно схоластическая и слѣдовательно развившая насъ только формально. И темы для сочиненій давались намъ такія же схоластическія, безсодержательныя, ради которыхъ мы ничего не читали, да

намъ и не совѣтовали читать. Вмѣсто разныхъ источниковъ у насъ были извѣстныя loci topici. Нѣкоторыя изъ нашихъ реторическихъ темъ я помню. Напримѣръ: «должно почитать родителей; науки полезны; безъ Бога ни до порога». Результатомъ такого двухгодичнаго реторическаго балансированья нашей мысли было то, что мы, не выработавъ у себя ясной и толковой рѣчи, привыкли къ самому необузданному фразерству. Бывало такъ и норовишь ввернуть въ сочиненіе фразу помудренѣе, которой и самъ путемъ не понимаешь. И ничего: на «авось» пущенная фраза почти всегда встрѣчала полное сочувствіе со стороны П. И. Остроумова. Надобно замѣтить, что Павелъ Ивановичъ считался въ наше время однимъ изъ лучшихъ преподавателей и, повидимому, сильно хлопоталъ о нашемъ развитіи. Онъ и анекдоты намъ разные разсказывалъ, и стихи заставлялъ писать, и *возражалъ* во время уроковъ часто. Слѣдовательно, его педагогическія относительно насъ неудачи надо отнести къ его устарѣвшей учебной системѣ.

Кромѣ того, за Павломъ Ивановичемъ были и серьезные грѣшки. Многіе поговаривали о его не очень безкорыстномъ секретарствѣ сперва въ семинаріи, потомъ въ консисторіи, куда онъ въ 1863 году перешолъ на службу. А во время классныхъ занятій вотъ чѣмъ не нравился Остроумовъ своимъ ученикамъ. Онъ часто допытывался у насъ: кто чей сынъ, и не племянникъ ли тому-то, и не внукъ ли того-то. И если допрашиваемый оказывался дьячковскимъ или пономарскимъ сыномъ, да еще неудовлетворительно отвѣчалъ, то Павелъ Ивановичъ долго и съ наслажденіемъ потѣшался надъ нимъ и надъ его *черною кровью*.

Учителемъ всеобщей исторіи былъ у насъ Гаврилъ Степановичъ Солнцевъ. Своего предмета онъ не зналъ, такъ какъ преподавалъ его *по назначенію*, и кромѣ того отличался странною деликатностію въ обращеніи съ нами. Между тѣмъ какъ всѣ преподаватели обращались съ нами безъ церемоніи и говорили всѣмъ намъ: ты — Гаврилъ Степановичъ говорилъ каждому изъ насъ: вы, милостивый госу-

дарь! Даже когда бранилъ онъ насъ за незнаніе урока или за шалость, и тутъ не оставляла его свойственная ему элегантность и онъ говорилъ кому нибудь изъ насъ: «вы, милостивый государь, дуракъ, свинья»! Вообще личность Г. С. Солнцева представлялась намъ достойною сожалѣнія. У него была довольно значительная семья, а жалованье онъ получалъ только по должности учителя, т. е. 257 рублей въ годъ. На эти деньги, съ присоединеніемъ къ нимъ кандидатскаго 70-рублеваго оклада, конечно, жить было очень трудно. Долго бѣдствовалъ нашъ убогій педагогъ, пока не надумался, не похлопоталъ и не перешолъ въ какую то гимназію западнаго края.

Гаврила Степановича Солнцева замѣнилъ въ нашей семинаріи іеромонахъ Венедиктъ. И онъ не зналъ исторіи, въ чемъ чистосердечно и откровенно сознался намъ при первомъ свиданіи въ классѣ, за то самъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи личностію *историческою*. Въ трезвомъ состояніи Венедиктъ былъ вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ: разсудительнымъ, скромнымъ, вѣжливымъ. Если же онъ нарушалъ свою трезвенность, а это бывало съ нимъ не рѣдко, то становился невыносимымъ. Тутъ онъ безъ удержу буйствовалъ, дѣлался крайне обидчивымъ, подозрительнымъ и лѣзъ со всѣми въ драку. Тутъ овладѣвали имъ и иныя не менѣе сильныя возбужденія... Въ откровенныя минуты о. Венедиктъ самъ жалѣлъ о томъ, что угодилъ въ монахи и тѣмъ загубилъ свою пылкую натуру, въ сущности хорошую, но вовсе не монашескую. Разсказывали, что постриженіе іеромонаха Венедикта произошло по слѣдующему случаю. Въ Московскую академію, гдѣ онъ обучался, пріѣхала какая то очень знатная особа, выразившая желаніе посмотрѣть церемоніалъ монашескаго постриженія. Академическое начальство отнеслось къ этому желанію съ полнымъ сочувствіемъ. Нужно было только найдти охотника. И такой нашелся или былъ найденъ въ лицѣ нашего Венедикта... Самое монашество ему не очень нравилось, но вмѣстѣ съ нимъ въ перспективѣ заманчиво рисовалось инспекторство,

потомъ ректорство, даже архіерейство... Однако, мечты о. Бенедикта не осуществились. Бѣдный и несчастный іеромонахъ умеръ въ какомъ-то глухомъ монастырѣ на братскомъ положеніи...

Математику, по распоряженію семинарскаго правленія, въ наше время читалъ у насъ П. И. Праздниковъ, дотолѣ обучавшій семинаристовъ то исторіи, то латинскому языку... Слѣдовательно, нашъ курсъ уже никакъ не могъ блистать математическими познані[illegible]мъ хорошо сознавалъ свою научную [illegible]тому ни чуть не скрывалъ отъ насъ [illegible]ажительности, вслѣдствіе которой пост[illegible] въ классѣ на колѣни. Этотъ господин[illegible]маленькій вертлявый человѣкъ, посто[illegible]лужбу въ рваномъ, шитомъ бѣлыми [illegible] голосъ у него былъ визгливый и плак[illegible]іяхъ съ учениками онъ бранился, и [illegible] боялись и во время его классовъ се[illegible]но шумѣли и громко смѣялись, не см[illegible] замѣчанія. Впослѣдствіи П. И. Праздниковъ, отслу[illegible] свой 25-лѣтній учительскій срокъ, вышелъ въ отставку и принялъ священство, и на этомъ послѣднемъ поприщѣ, говорятъ, пріобрѣлъ уваженіе и любовь своихъ прихожанъ...

Латинскую книжку «de viris illustribus» мы переводили подъ руководствомъ Д. Н. Тростянскаго. Онъ же былъ у насъ преподавателемъ естественной исторіи и сельскаго хозяйства, и онъ же извѣстенъ былъ въ Тамбовѣ, какъ наблюдатель мѣстныхъ метеорологическихъ явленій. Сверхъ того Дмитрію Николаевичу поручена была субъ-инспекторская должность, которую проходилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ, нагоняя страхъ на семинаристовъ и угождая высшему семинарскому начальству. Точно ловкій полицейскій сыщикъ, Тростянскій во время узнавалъ про всѣ семинарскія затѣи, внезапно и когда его совсѣмъ не ждали являлся въ семинарскихъ квартирахъ, все заставалъ врасплохъ, перерывалъ всѣ сундуки и ящики и узнавалъ что надо: кто изъ учени-

ковъ курить табакъ, кто водку пьетъ и кто недозволенную свѣтскую книжку читаетъ. Въ частной жизни Димитрій Николаевичъ отличался замѣчательною скупостію. Онъ одѣвался и по праздникамъ и въ будни въ одинъ и тотъ же форменный вицъ-мундиръ; бѣлья въ смыслѣ бѣлой, чистой рубашки у него не водилось; столъ его былъ, можно сказать, отшельническій. Отъ этого у Д. Н. Тростянскаго завелись небольшія денежки и прослылъ онъ въ семинарскомъ кругу богачемъ.

По поводу семинарскихъ преподавателей я долженъ здѣсь замѣтить, что ихъ [illegible] въ началѣ 60-хъ годовъ было жалкое, нен [illegible] сей своей педагогической неподготовленност [illegible] люди болѣе или менѣе развитые, образов [illegible] атами духовныхъ академій. Между тѣм [illegible] хъ обстановка была значительно хуже об [illegible] губернскаго чиновника, напримѣръ столон [illegible] го пристава, гарнизоннаго капитана, станова [illegible] добныхъ людей, для которыхъ безусловн [illegible] ла простая грамотность. Самый *богатый* с [illegible] *ссоръ* Остроумовъ получалъ, при двухъ в [illegible] должностяхъ, всего около 600 рублей... Въ [illegible] не время тепло было служить только нача [illegible] амъ, особенно ректору, у котораго была бога [illegible] артира, и лошади съ хорошими экипажами, и доходный монастырь. Къ преподавателямъ семинарское начальство относилось съ полнымъ высокомѣріемъ, забывая свое тождество съ ними и по происхожденію, и по воспитанію, и подражая въ этомъ случаѣ епархіальному архіерею. Здѣсь кстати припоминаю слѣдующій фактъ. Былъ экзаменъ въ нашей семинаріи по какому-то богословскому предмету. Архіерей, по обыкновенію, ораторствовалъ при всеобщемъ благоговѣйномъ безмолвіи. Въ это время одинъ изъ преподавателей вздумалъ возразить ему и въ доказательство своей мысли привелъ слова одного знаменитаго отца церкви. Тогда архіерей, ни сколько не смутившись, обратился къ своему оппоненту и произнесъ слѣ-

дующія знаменательныя слова: «что ты лѣзешь ко мнѣ съ отцами церкви? Я самъ отецъ церкви». Диспутъ на этомъ, конечно, и остановился...

При указанныхъ условіяхъ жизни, безъ всякой посторонней помощи, преподаватели семинаріи доходили иногда до результатовъ весьма плачевныхъ, пьянствовали и погибали. Мнѣ особенно припоминается одинъ изъ этихъ несчастныхъ, А. А. Княгининскій, человѣкъ талантливый и бывалый, живавшій и въ Кіевѣ, и въ Тифлисѣ, и въ Нижнемъ. Какъ преподавателя, я его не засталъ уже, я его видывалъ, какъ бездомнаго и безпріютнаго *босовики*, потерявшаго всякое подобіе человѣческаго достоинства. Скажутъ, Аполлонъ Алексѣевичъ былъ человѣкъ слишкомъ слабохарактерный и только потому погибъ. Но на это можно отвѣтить вопросомъ: а много ли у насъ героевъ? Да и люди съ задатками характера всегда ли могутъ твердо стоять противъ разныхъ тяжелыхъ испытаній? Легко говорить о силѣ воли тому, кому такъ или иначе благопріятствуютъ обстоятельства, но не легко жить на свѣтѣ такимъ горемыкамъ—неудачникамъ, какъ бывшій учитель Тамбовской семинаріи Княгининскій...—Возвращаюсь опять къ своему реторическому классу.

Смутно сознавая безсиліе семинарской науки, многіе изъ насъ съ усердіемъ занялись чтеніемъ разныхъ, преимущественно свѣтскихъ, книгъ. Но и тутъ явилось семинарское начальство въ лицѣ инспектора Антонія, чтобы помѣшать намъ. Лично со мною были слѣдующія происшествія. Однажды, во время такъ называемой *рекреаціи*, я читалъ у своего стола гдѣ-то добытую книжку «Отечественныхъ Записокъ». Входитъ Антоній и съ гнѣвнымъ лицомъ отымаетъ у меня чужую книгу, которой такъ и не возвратилъ онъ мнѣ никогда. Но этимъ дѣло не кончилось. Инспекторъ пообѣщался примѣрно наказать меня и три дня держалъ меня въ недоумѣніи и страхѣ относительно формы наказанія. Наконецъ онъ смягчился и экзекуцію, которую я ожидалъ, замѣнилъ стояніемъ на колѣняхъ во время семинарскаго

обѣда. Два дня я украшалъ семинарскую столовую своею колѣнопреклоненною фигурою и отъ души радовался, что такъ дешево отдѣлался отъ суроваго блюстителя чистоты нашихъ нравовъ... Въ другой разъ съ большимъ трудомъ я досталъ себѣ «Русскій Вѣстникъ», почиталъ его и вышелъ погулять, а книжка осталась на столѣ. Возвращаюсь въ свою комнату. Книги нѣтъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе приходилъ о. инспекторъ и снова конфисковалъ *контрабанду*.

Не менѣе упорно о. Антоній преслѣдовалъ семинаристовъ за ихъ музыкальныя занятія, за скрипку, гитару, гусли и пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ. Исполнителей онъ обыкновенно сѣкъ въ семинарской пекарнѣ, а музыкальные инструменты, какіе находилъ, собственноручно разбивалъ. Гонитель свѣтской литературы и эстетическихъ стремленій, архимандритъ Антоній въ то же время преслѣдовалъ у семинаристовъ опрятность и чистоту въ одеждѣ. Одѣться семинаристу въ хорошо сшитый сюртукъ, по его мнѣнію, значило быть легкомысленнымъ, пустымъ и ни на что не способнымъ франтомъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ относительно семинаристовъ Антоній проявлялъ совершенный произволъ. Съ нами вмѣстѣ поступилъ въ семинарію нѣкто Макашинъ, по мнѣнію учителей и товарищей, очень способный мальчикъ. Именно на него-то и обратилъ инспекторъ свое вниманіе и рѣшилъ устроить судьбу его по своему. Онъ опредѣлилъ его подлѣкаремъ въ семинарскую больницу *съ правомъ нехожденія въ классы*. Напрасно бѣдный мальчикъ поставлялъ ему на видъ свое сильное желаніе и способность учиться, Антоній упорно отвлекалъ его отъ науки и бросалъ его въ традиціонную среду семинарскихъ тупицъ и дармоѣдовъ. Положеніе Макашина становилось отчаяннымъ и онъ радъ былъ бы вернуться на повторительный курсъ опять въ училище... Спасибо, надоумили его обратиться за помощью къ самому ректору, о. Ѳеофилакту, который и освободилъ Макашина отъ больницы.

Говоря объ Антоніѣ, трудно забыть его неусыпную дѣя-

тельность по инспекторской части. Онъ хотѣлъ все видѣть и знать. Онъ ежедневно посѣщалъ всѣ семинарскія комнаты, корридоры, уголки и даже отхожія мѣста; возвращавшихся изъ отпуска семинаристовъ онъ продолжительно и тщательно обнюхивалъ, добираясь: не пахнетъ ли отъ кого водкой. Раннимъ утромъ или глубокою ночью—всегда мы могли видѣть своего пѣстуна, быстро мелькавшаго въ семинарскихъ комнатахъ. Конечно, съ одной стороны такая дѣятельность была весьма почтенна, именно какъ образецъ внѣшняго исполненія служебнаго долга... Архимандритъ Антоній при мнѣ въ Тамбовской семинаріи былъ недолго. Скоро его перевели ректоромъ въ одну изъ южныхъ семинарій.

По отъѣздѣ Антонія, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы перешли въ слѣдующій классъ-философскій. Но прежде чѣмъ говорить о Тамбовской семинарской философіи, укажу на одно важное событіе. Къ намъ пріѣхалъ изъ Перми новый инспекторъ, іеромонахъ Сергій. Новый инспекторъ былъ человѣкъ слабый, больной, и однако при немъ и не безъ его участія совершилась у насъ важная реформа— отмѣна сѣченія. Отношенія іеромонаха Сергія ко всѣмъ ученикамъ были безукоризненно вѣжливыя; это не могло не повліять и на старшихъ учениковъ, и такимъ образомъ новый инспекторъ внесъ въ нашу внутреннюю жизнь иное, болѣе гуманное направленіе. Къ сожалѣнію, совсѣмъ иначе держалъ себя о. Сергій съ семинарскими преподавателями. Почему-то ему пришло на умъ, что всѣ они не любятъ его и что у нихъ даже тайный заговоръ противъ него, вслѣдствіе котораго *они ведутъ мины подъ его квартиру и хотятъ взорвать его на воздухъ*. Вотъ до чего договаривался бѣдный о. Сергій! Понятно, что его умственныя способности были не въ порядкѣ, и это впослѣдствіи выразилось въ довольно острой формѣ. Разъ о. Сергій, уже въ санѣ архимандрита, въ одномъ подрясникѣ явился ко всенощной въ архіерейскую церковь и прямо отнесся къ самому архіерею съ извѣстною жалобою на семинарскихъ преподавателей. Съ большимъ трудомъ его успокоили. Но и потомъ страхъ не

оставлялъ бѣднаго инспектора, во всѣхъ углахъ квартиры ему мерещились заговорщики и онъ сталъ кидать въ своихъ мнимыхъ непріятелей камнями... На другой день послѣ первой такой баталіи къ о. Сергію пріѣхалъ его пріятель Викторъ, архимандритъ Трегуляйскаго монастыря, съ тою цѣлію, чтобы увезти больнаго къ себѣ. И не увезъ, а самъ попалъ въ бѣду, получивши нѣсколько ударовъ отъ о. инспектора. Той же участи подвергся и врачъ Вишневскій, явившійся въ инспекторскую квартиру для діагноза. Описываемыя событія происходили во время каникулъ, слѣдовательно свидѣтелей несчастія о. Сергія было немного. Насъ, оставшихся въ семинаріи учениковъ, было только 20 человѣкъ. Однажды мы ужинали. Вдругъ вбѣгаетъ въ столовую инспекторъ, блѣдный, съ растрепанными сѣдыми волосами, и начинаетъ бить кого попало. Понятно, всѣ мы поспѣшили разбѣжаться въ разныя стороны: кто черезъ дверь, мимо грознаго о. Сергія, кто черезъ окно. Инспекторъ за нами. Ночью, потихоньку, мы вернулись въ семинарію и крѣпко у себя заперлись на случай новаго появленія больнаго инспектора. Въ эту ночь бѣдный нашъ больной особенно страдалъ. Онъ одѣлся въ архимандритскую мантію, взялъ что-то, чего мы не разсмотрѣли, въ руки и долго неистово бѣгалъ по двору, напѣвая церковныя пѣсни и громко объявляя кому-то, что онъ архимандритъ и инспекторъ. Въ слѣдующее утро больному стало легче, онъ совершенно успокоился и только жаловался на сильную головную боль. Наконецъ о. Сергій совсѣмъ выздоровѣлъ и въ 1864 году былъ назначенъ ректоромъ въ Иркутскую семинарію.

Архимандритъ Сергій былъ у насъ однимъ изъ главныхъ преподавателей въ философскомъ классѣ; онъ давалъ намъ уроки по Священному Писанію. Надобно замѣтить, что въ нашей семинаріи предметы преподаванія дѣлились на главные, неглавные и *совсѣмъ пустые*, которыми совершенно спокойно можно было и не заниматься. Реторика, философія, богословіе—это главные предметы; Священное Писаніе, литургика, гомилетика — не главные; а напримѣръ новые

языки считались предметами не стоющими вниманія. Передъ поступленіемъ въ философскій классъ мы уже заранѣе нахмуривали лбы, чтобы изобразить изъ себя философовъ. Мы думали, что нахватаемъ въ этомъ классѣ тьму знаній. На практикѣ оказалось далеко не то. Что напримѣръ, мы могли узнать изъ Священнаго Писанія подъ руководствомъ крайне недалекаго въ научномъ отношеніи о. Сергія? Ровно ничего, потому что всѣ классы по Священному Писанію *неизмѣнно* проходили въ чтеніи очередными учениками нѣсколькихъ страницъ изъ Евангелій или Посланій. Прочитанное мы иногда пересказывали своими словами, но не объясняли, такъ какъ и самъ Сергій никогда ничего не объяснялъ намъ. Иногда классы Священнаго Писанія разнообразились у насъ чтеніемъ плохихъ стихотвореній, сочиненныхъ самимъ о. Сергіемъ. Съ особенною любовью поэтъ-инспекторъ читалъ намъ свою поэму «Іоанніаду», въ которой описывалась жизнь Іоанна Златоустаго. Вотъ, напримѣръ, какими стихами въ «Іоанніадѣ» изображалось извѣстное Константинопольское землетрясеніе:

„Во время бѣдствія того,
Изъ правовѣрныхъ никого
Землетрясенье не вредило!
Однихъ еретиковъ убило!“

Далѣе говорится про Іоанна Златоустаго:

„Онъ бунтъ народный укротилъ,
Когда народъ вдругъ прекратилъ
Свои начальству поклоненья,
Во время гнѣвнаго волненья!..“

Говоря о заведеніи въ Царь-градѣ патріаршихъ больницъ, нашъ поэтъ сочиняетъ слѣдующія риѳмы:

„Дана власть іереямъ мѣстнымъ
Надъ заведеніемъ извѣстнымъ;
Приставлены къ нему врачи,
Устроены при немъ бахчи...“.

Слѣдующими стихами о. Сергій разсказываетъ про одно изъ чудесъ Златоустаго:

„Тамъ, гдѣ свирѣпый левъ скитался,
И многихъ убивалъ людей,
Поставленъ крестъ! И звѣрь скончался,
Легъ бездыханнымъ средь путей,
У деревяннаго креста
Во славу Господа Христа!..“

Но самые интересные стихи у нашего автора во всей его «Іоанніадѣ», безъ сомнѣнія, вотъ эти:

„Іоаннъ Златоустъ
Сѣлъ читать подъ кустъ.
Вдругъ пріѣхали дроги
И повезли его по Константинопольской дорогѣ.
Пріѣхали ко двору
И велѣли звонить въ колокола пономарю...“

Отецъ Сергій имѣлъ авторскую слабость восхищаться своими стихами и вызывать восхищеніе въ своихъ слушателяхъ. Конечно, нѣкоторые изъ насъ пользовались этимъ обстоятельствомъ и неудержимо льстили достопочтенному автору и спрашивали его: почему онъ такъ долго не печатаетъ своего творенія. На это о. Сергій обыкновенно скромно потупляль глаза и обѣщалъ познакомить міръ съ своею поэзіею впослѣдствіи, по своей смерти...

Самыми главными науками въ философскомъ классѣ были логика и психологія. Мы изучали ихъ подъ руководствомъ усерднаго и опытнаго преподавателя И. М. Сладкопѣвцева, который имѣлъ обыкновеніе каждый заданный урокъ предварительно подробно и толково объяснять. Вслѣдствіе этого мы не особенно затруднялись разными логическими тонкостями и довольно скоро освоились и съ основными законами мышленія, и съ разнообразными силлогизмами, энтимемами, эпихиремами, соритами, софизмами, и съ ученіемъ объ опредѣленіи, раздѣленіи, доказательствахъ и методахъ. Послѣ логики психологія и вовсе показалась намъ легкой наукой. Не удивительно поэтому, если Иванъ Максимовичъ сталъ любимымъ нашимъ наставникомъ. Въ классѣ у него всегда была совершенная тишина. Самые

плохіе ученики внимательно и напряженно вслушивались въ его рѣчи и кое-что усвояли изъ нихъ. Сочиненія наши Сладкопѣвцевъ разбиралъ внимательно и съ своими серьезными критическими замѣчаніями возвращалъ каждому изъ насъ лично. Конечно, и у нашего любимца были свои недостатки, зависѣвшіе впрочемъ не столько отъ него лично, сколько отъ господствовавшаго схоластическаго направленія его наукъ. Не говоря о разныхъ безжизненныхъ примѣрахъ на всѣ логическія положенія (всѣ люди смертны, Кай—человѣкъ; слѣдовательно Кай смертенъ и пр.), мы остановимся здѣсь на слѣдующемъ опредѣленіи нашего учебника, которое мы обязаны были заучивать наизусть: «каждая наука есть осуществленіе того образа вѣденія, который постигается однимъ умомъ. Этотъ образъ, осуществленный наукою, называется идеею науки. Идеею возбуждается въ духѣ нашемъ стремленіе къ изслѣдованіямъ, относящимся къ наукѣ, и предначертывается ея планъ; посему идея имѣетъ вліяніе какъ на матерію, такъ и на форму науки». Или вотъ еще не менѣе ученая фраза изъ нашей логики: «признакъ признака есть признакъ и предмета, заключающагося подъ симъ признакомъ». Точно также и психологія наша не отличалась жизненностію и ясностію. Душу мы дѣлили и подраздѣляли на множество частей, при этомъ психическая дѣятельность изучалась нами безъ всякой связи съ физической природой человѣка. Словомъ, мы уносились въ схоластическія дебри и безвыходно путались тамъ въ Греко-римскихъ логическихъ тонкостяхъ, укрѣпляясь такимъ образомъ въ развитіи силы только одного отвлеченнаго мышленія. Разумѣется и это было далеко не безполезно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣли наивность мечтать о себѣ слишкомъ высокомѣрно. Поэтому, когда намъ задавали темы для сочиненій, мы вовсе и не думали пользоваться какими нибудь источниками. Мы даже смѣялись надъ тѣми немногими товарищами, которые, *не довѣряя своему уму*, принимались читать какія нибудь книжки...

Въ наше время въ философскомъ классѣ былъ только

одинъ преподаватель, который смѣло и твердо боролся съ семинарскою схоластикою. Это извѣстный составитель русской грамматики К. Г. Говоровъ. Онъ преподавалъ намъ Герменевтику, т. е. науку о толкованіи Священнаго Писанія, и библейскую исторію. Къ обѣимъ этимъ наукамъ Козьма Гавриловичъ относился крайне апатично и потому не принесъ намъ возможной пользы. Онъ больше забавлялся съ нами разговорами на разныя житейскія темы, скорбѣлъ о русскомъ духовенствѣ, рисуя бытъ его самыми мрачными красками, говорилъ о нашемъ самодовольномъ семинарскомъ невѣжествѣ и только къ концу класса принимался спрашивать старый урокъ и задавать новый. Спрашиванье это не обходилось иногда безъ курьезныхъ замѣчаній на счетъ учениковъ. Если урока не зналъ какой нибудь великорослый и здоровый семинаристъ, а таковыхъ у насъ было не мало, то Говоровъ дружелюбно совѣтовалъ ему бросить науку и удалиться въ сродную ему деревенскую глушь на дьячковское или дьяконское мѣсто. «Тебѣ, замѣчалъ такому ученику Козьма Гавриловичъ,—по твоему возрасту и вожделѣніямъ не въ семинаріи учиться, а на полатяхъ съ хозяйкой возиться»... Мы, конечно, рады были этой нѣсколько грубой остротѣ и всѣ вдругъ и громко принимались смѣяться.

Въ нашей семинаріи было нѣсколько кѣмъ-то пожертвованныхъ физическихъ приборовъ и мы, увидавъ ихъ, очень заинтересовались физикой. Къ сожалѣнію преподаватели наши, Пѣвницкій и Маловъ, сами очень неопытны были въ этой наукѣ и потому наша семинарская физика преподавалась по учебникамъ, безъ опытовъ. Мы зубрили физику, какъ логику, психологію, реторику.

Не смотря на крайнюю скудость своего образованія, мы были глубоко убѣждены въ величіи своихъ знаній. Въ особенности этимъ самомнѣніемъ грѣшили наши лучшіе ученики, которыхъ много путали ихъ товарищи, постоянно трубившіе имъ объ ихъ геніальности. И вотъ какой нибудь семинаристъ—бурсакъ *изъ перваго пятка* начиналъ корчить изъ себя великаго человѣка. Онъ старался говорить какъ можно мудре-

ніе и о важныхъ матеріяхъ, принималъ эффектныя позы и волосъ не причесывалъ, *за неимѣніемъ свободнаго отъ учебныхъ занятій времени.*

Изъ философскаго класса мы перешли въ послѣдній семинарскій классъ—богословскій. Главную богословскую науку, догматику, намъ преподавалъ самъ ректоръ архимандритъ Геннадій, поступившій въ нашу семинарію послѣ ректора Ѳеоктиста, а Ѳеоктистъ ректорствовалъ у насъ послѣ Серафима, смѣнившаго уже указаннаго нами Ѳеофилакта. И Серафимъ, и Ѳеоктистъ были въ Тамбовѣ не долго; поэтому мы скажемъ о нихъ очень немного. Оба они являлись въ нашихъ комнатахъ и классахъ весьма рѣдко и производили на насъ впечатлѣніе неодинаковое. Серафимъ казался намъ человѣкомъ весьма добрымъ и ласковымъ. Ѳеоктистъ—суровымъ. Общее у нихъ было только то, что оба они одинаково настойчиво стремились изъ Тамбова и прочной памяти о себѣ у насъ они не оставили. Первый впослѣдствіи сдѣлался архіепископомъ Воронежскимъ, второй—Рязанскимъ. Съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ я останавливаюсь на личности ректора Геннадія.

Архимандритъ Геннадій, несомнѣнно, былъ человѣкомъ весьма гуманнымъ и даровитымъ. Всѣхъ насъ дотолѣ крайне приниженныхъ онъ старался ободрить и облагородить и въ этихъ видахъ не рѣдко принималъ насъ у себя запросто, даже въ присутствіи гостей, угощая чаемъ и обѣдомъ. Лести и низкопоклонства онъ не терпѣлъ и всячески старался развить въ насъ честность и правдивость. Но еще болѣе мы убѣдились въ достоинствахъ Геннадія, когда стали слушать его уроки. Онъ умѣлъ придать семинарской догматикѣ характеръ науки живой, занимательной, внесъ въ эту науку элементъ историческій и излагалъ свои мысли языкомъ бойкимъ и голосомъ внушительнымъ и звонкимъ. Со временъ Геннадія въ нашей семинаріи стали укореняться лучшіе нравственные порядки. Подражая ректору, и преподаватели стали допускать насъ къ себѣ и бесѣдовать съ нами когда о предметахъ научныхъ, когда просто о житейскихъ дѣлахъ. Съ этого времени чтеніе журналовъ намъ не только не возбранялось, но даже сильно поощрялось.

Впрочемъ, за исключеніемъ догматики, въ богословскомъ классѣ не оказалось ни одной науки, которая насъ заинтересовала бы. Возьмемъ для примѣра гомилетику, которую преподавалъ намъ протоіерей П. П. Розановъ. Цѣлый курсъ этой *науки* состоялъ изъ скучнѣйшихъ рецептовъ, по которымъ мы должны были составлять проповѣди. Рецепты эти были хорошо извѣстны еще во времена знаменитыхъ споровъ реалистовъ съ номиналистами; въ нихъ говорилось о приступѣ, о предложеніи, раздѣленіи, изложеніи, и о патетической части, и о заключеніи; тамъ были и примѣры, и подобія, и свидѣтельства. По рецептамъ этой-то гомилетики еще и теперь проповѣдуетъ большая часть отечественныхъ проповѣдниковъ, при появленіи которыхъ на амвонѣ, къ сожалѣнію, не безъ основанія расходится изъ церквей значительная часть богомольцевъ. Слушаніе гомилетическихъ уроковъ было тѣмъ тягостнѣе для насъ, что почтенный нашъ гомилетъ очень грубо обращался съ нами и за всякій отвѣтъ, хорошій или дурной, почти одинаково бранилъ насъ. Многіе изъ моихъ товарищей обижались на это и объяснялись съ Павломъ Петровичемъ. И онъ говорилъ тогда разобиженному ученику: «развѣ ты не понимаешь, что я не браню тебя и что такая у меня поговорка? Садись, дуракъ!» *Дуракъ* садился и тѣмъ кончалось дѣло. Нѣкоторые ученики, которые были побойчѣе, пытались иногда своими возраженіями смутить и сбить съ толку Розанова. Но онъ хладнокровно выпутывался изъ затрудненія и напутствовалъ своего оппонента на его скамью обычною своею любезностію: «что, много взялъ, дуракъ!» Къ концу курса, ко всѣмъ *любезностямъ* Павла Петровича мы привыкли и уже не обижались.

Выше я замѣтилъ, что протоіерей Розановъ за всякій отвѣтъ урока непремѣнно порицалъ насъ. Точно такъ же онъ поступалъ и относительно нашихъ проповѣдей. Чрезъ это происходили курьезы. Иные ученики списывали проповѣди у знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ или у отцовъ церкви и подавали ихъ Павлу Петровичу, какъ свои. Ре-

цензентъ нашъ не могъ же помнить всѣхъ проповѣдей наизусть и болѣе или менѣе жестоко бранилъ и критиковалъ поданную ему какую нибудь отеческую проповѣдь. Тогда ученикъ сознавался въ своей поддѣлкѣ и на тотъ разъ, дѣйствительно, смущалъ нашего гомилета.

Хороши или дурны были наши проповѣди, мы по воскресеньямъ и праздникамъ произносили ихъ въ разныхъ приходскихъ церквахъ, облачаясь для этого въ стихари. День проповѣди былъ для каждаго изъ насъ днемъ торжества. Проповѣдниковъ поздравляли и они отвѣчали на любезность болѣе или менѣе широкимъ гостепріимствомъ, результаты котораго извѣстны... Изучая въ тѣ времена своихъ товарищей—богослововъ, я замѣтилъ, что на сколько трезвый семинаристъ изобилуетъ качествами смирнаго человѣка, на столько тотъ же самый семинаристъ, изрядно выпившій, изобилуетъ инстинктами буйства и разрушенія. Въ нетрезвомъ видѣ Тамбовскій семинаристъ, сколько я помню за свое время, лишался даже чувства самосохраненія и прямо и безстрашно лѣзъ на глаза къ начальству.

Къ концу нашего семинарскаго курса къ намъ поступилъ новый врачъ, онъ же и преподаватель медицины, М. П. Никольскій. Такъ какъ до него медицину читалъ намъ старичокъ—врачъ Вишневскій, и при томъ такъ оригинально, что мы не могли разобрать у него *ни одного слова*, то новый лекторъ, только что выбывшій изъ Московскаго университета, понятно, крайне нравился намъ своими объясненіями по анатоміи и физіологіи, которыя, дѣйствительно, отличались живостію и занимательностію. Въ классѣ у Михаила Петровича всегда была масса слушателей изъ разныхъ классовъ.

Между тѣмъ внѣ семинаріи совершались великія дѣла. Всюду замѣчалось сильнѣйшее общественное и литературное движеніе. Всюду изобличались разныя злоупотребленія, высказывались новые принципы жизни смѣло и откровенно. Это было время, когда почти вся грамотная Россія, точно чудомъ какимъ, вдругъ помолодѣла, оживилась разными

планами и надеждами, основательными и неосновательными, разумными и неразумными, но во всякомъ случаѣ честными, безъ эгоистическихъ заднихъ мыслей... И какъ ни далеко стояла наша семинарія отъ теченія общественной жизни, все-таки и въ нашу обездоленную и захолустную школу стали врываться, какъ свѣтлые лучи солнечные, новыя идеи. Конечно, весь смыслъ новаго литературнаго движенія намъ былъ не доступенъ, и это было отчасти хорошо, но для насъ важно было уже и то, что въ средѣ нашей произошло значительное умственное оживленіе. Мы съ увлеченіемъ предались чтенію журналовъ. Для насъ составлена и открыта была ученическая библіотека. Къ намъ начали запросто заходить нѣкоторые преподаватели и читать съ нами образцовыхъ авторовъ: Гоголя, Пушкина, Гончарова, Тургенева и многихъ другихъ. Наконецъ въ нашей средѣ возникла довольно оригинальная и наивная мысль объ основаніи еженедѣльнаго ученическаго рукописнаго журнала подъ названіемъ «Семинарскій Листокъ». Редакторомъ листка былъ пишущій эти строки. «Семинарскій Листокъ» просуществовалъ всего мѣсяца два. Содержаніе его, понимаемое въ обоихъ смыслахъ: финансовомъ и литературномъ, было, конечно, очень бѣдное, хотя отъ сотрудниковъ и читателей не было отбою; въ особенности много оказалось у насъ такихъ писателей, которые лѣзли въ редакцію со статьями политико-философскаго направленія и стремились къ нравственно-бытовому улучшенію отечества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ нашемъ *журналѣ* между прочимъ былъ отдѣлъ внутренняго обозрѣнія. Въ этомъ отдѣлѣ, изображавшемъ собственно нашу семинарскую жизнь, время отъ времени стали появляться такія замѣтки, которыя дошли до начальства и не понравились ему какъ по наивно либеральному направленію, такъ еще болѣе потому, что *литература* стала у насъ развиваться на счетъ классныхъ занятій. На этомъ основаніи журналъ нашъ, безъ всякихъ предварительныхъ предостереженій, былъ прекращенъ. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что карательныхъ мѣръ противъ насъ

не было употреблено. Даже самъ отвѣтственный редакторъ поплатился только тѣмъ, что нѣсколько дней провелъ въ страхѣ, какъ-бы о. ректоръ Геннадій публично не поставилъ его на колѣни...

Весною 1863-го года я узналъ о своемъ назначеніи въ Кіевскую духовную академію. Это отличіе, а равно и то обстоятельство, что у меня, дотолѣ совершенно безденежнаго, вдругъ появились значительныя по моему тогдашнему состоянію путевыя деньги, вскружили мнѣ голову. Мнѣ былъ тогда 20-й годъ. Неудивительно, что я не на шутку считалъ себя и счастливцемъ, и богачемъ, и талантомъ, и призваннымъ къ широкой общественной дѣятельности. 5-го августа меня провожали товарищи. 6-го августа я выѣхалъ изъ Тамбова и заѣхалъ въ Козловскій монастырь къ о. ректору Геннадію, который принялъ меня истинно съ отеческою любовью. Прогостивши у незабвеннаго наставника дня два, я отправился далѣе и 15-го августа въ 12 часовъ дня увидѣлъ Кіевскія горы, покрытыя знаменитыми святынями: Лаврой, Аскольдовой могилой, Софійскимъ соборомъ, Михайловскимъ монастыремъ и церковію Андрея Первозваннаго. Нашъ русскій Іерусалимъ сразу плѣнилъ меня и своимъ Днѣпромъ-кормильцемъ, и своими живописными холмами, и храмами древними и златоглавыми, и уличнымъ оживленіемъ, и своею древнею школою Кіево-братскою... Съ тѣхъ поръ не мало прошло времени. Шли годы за годами, принося и унося свои радости и (особенно) невзгоды, измѣнялись семейныя и служебныя отношенія, строилась совсѣмъ новая жизнь, не та, о которой мечталъ я въ юности, но образъ дорогаго Кіева и теперь радостно рисуется моимъ воображеніемъ и будитъ уснувшія юныя впечатлѣнія, и молодитъ старѣющее сердце [1])...

---

[1]) Авторъ этихъ воспоминаній со временемъ особо напечатаетъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ главу объ академической жизни. Здѣсь она опускается, какъ не имѣющая отношенія къ «очеркамъ изъ исторіи Тамбовскаго края».

3-й свой выпускъ я кончилъ. Программа для IV-го выпуска остается пока та же, которая обѣщана была мной для этого III-го, только что вышедшаго, выпуска. Удастся ли выполнить ее въ точности, или же и потомъ послѣдуютъ непредвидѣнныя отступленія отъ намѣченнаго плана — это будетъ зависѣть отъ направленія и успѣшности нашихъ собственно архивныхъ занятій, какъ Московскихъ, такъ и мѣстныхъ. Съ особенными надеждами мы относимся именно къ этимъ послѣднимъ изысканіямъ, такъ какъ въ нихъ съ іюня текущаго года принимаетъ участіе цѣлая ученая коммиссія, ожидаемая опытность и энергія которой, конечно, далеко не то, что самая напряженная единоличная дѣятельность. И если, кромѣ того, разныя частныя лица, имѣющія болѣе или менѣе близкія отношенія къ Тамбовскому краю, подѣлились бы съ нами, или съ нашею архивною коммиссіею, или же со всею публикою черезъ историческіе журналы и газеты,— своими фамильными архивными данными, то успѣхъ исторіи мѣстнаго края не подлежалъ-бы никакому сомнѣнію... Во всякомъ случаѣ я совершенно убѣжденъ, что впереди масса интереснаго матеріала, особенно если отнестись къ нему не съ узкой провинціальной точки зрѣнія...

Посвящая себя изученію прошлой Тамбовской жизни, мы интересуемся въ этомъ случаѣ извѣстными фактами отжившей жизни не потому только, что они *свои*, мѣстные, а и потому, что они имѣютъ несомнѣнное всероссійское и даже отчасти общечеловѣческое значеніе... На этомъ основаніи въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ мы не будемъ стѣснять себя программою и самымъ направленіемъ предпринятой нами работы.

И. Дубасовъ.

Тамбовъ.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
стр.	14,	12,	строка снизу:	бражнымъ	браннымъ
—	15,	18,	— —	невѣровыхъ	Невѣровыхъ
—	16,	13,	— сверху:	служивыя	служилые
—	„	4,	— снизу:	На переведены	Напереведены
—	91,	5,	— —	регистаторша	регистраторша
—	148,	16,	— —	обясналъ	объясналъ

ОГЛАВЛЕНІЯ ТРЕХЪ ВЫПУСКОВЪ.

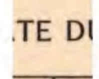
Выпускъ 1-й.

Выпускъ 2-й.

Выпускъ 3-й.

ЦѢНА 1 р. 50 к.

390

.TE DU

